

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

НОВЫЙ КОММУРИОМ

ПАМЯТНИК ИЗНОБИТЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.В. БОРОДИНА

№1
ЗИМА 2022

18+

Составитель, редактор, корректор

Андрей Бородин

Иллюстрации на обложке, дизайн обложки

Андрей Бородин

Внутренние иллюстрации

Анастасия Ситра
Дерек Альберт Фарр

Вёрстка, внутренний дизайн

Андрей Бородин

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Бородин	Сны наяву — об ином	2
Ивар Рагнарссон	Рукопись, до сих пор никем не найденная в бутылке	5
Николай Романов	Ужас в Кау-Лите	16
Роман Дремичев	Чёрный монолит	30
Вадим Вербицкий	Знак Короля	36
Георгий Акбаа	Хозяин валуна	37
Дмитрий Николов	Чужая земля	44
Василий Курочкин	Мечта, что стала проклятием	56
Андрей Бородин	Dreaming	70
Станислав Романов	Крысы в гараже	71
Артём Толмачёв	Наследие Тиннер-Хилла	80
Дмитрий Костюкевич	Мир, скрытый в тени	93
Дарья Равина	В объёмах Азатота	107
Вадим Вербицкий	Рукопись о молехе	108
Андрей Бородин	Изображая чудовищ	136

В общих чертах понятие «миф» можно определить как некое предание, сказание (зачастую, древнее), посвящённое богам, героям и чудовищам, их взаимодействию друг с другом и с воплощённой реальностью. Миф в равной степени может описывать как происхождение и приключения очеловеченных божеств, так и происхождение и приключения приравненных к божествам смертных. Миф может пытаться дать ответы на вопросы космогонического и эсхатологического толка. В его основе всегда лежит попытка объяснения окружающего мира, места и судьбы человека в этом мире. Он тесно переплетается с религией и, соответственно, с магическими практиками. При этом миф всегда являет собой плод коллективного интеллектуального труда не просто множества людей — множества поколений, дополняющих и видоизменяющих мифообразы под влиянием той эпохи, на которую пришёлся очередной этап мифотворчества, со всеми присущими ей условиями, проблемами и вызовами. Как точно подмечает Э. Далберг, «мифы — это коллективные сны наяву».

Такое явление, как Мифы Ктулху, соответствует всем критериям мифологических систем, о которых можно прочесть в специализированной литературе.

Несомненно, основы Мифов были заложены в творчестве Г.Ф. Лавкрафта, и сами они, по крайней мере, на первоначальном этапе своего развития, относились исключительно к жанру химерной прозы. Однако, будучи истинным порождением *fin de siècle*, они имеют своей предтечей работы У.Х. Ходжсона, Р.У. Чамберса и Лорда Дансейни, каждый из которых, в сущности, сложил свой собственный Миф. Лавкрафт, как утверждают авторитетные источники, не пытался выстраивать каких-либо соподчинённых пантеонов, что, впрочем, не помешало ему подготовить для подобного благодатную почву в виде ряда допущений космогонического характера. Говоря о становлении Мифов Ктулху, во многом случившемся благодаря слиянию разрозненных объектов в единое мифологическое целое, многие вспомнят (безусловно, осыпав проклятьями) А.У. Дерлета; однако гораздо раньше этого преданнейшего последователя Лавкрафта подобное слияние с успехом практиковал К.Э. Смит. Первенство в выстраивании родственных связей между Древними Богами принадлежит именно ему (и Лавкрафт был прекрасно об этом осведомлён).

Собственно, в процессе обмена художественными идеями Лавкрафта со своими друзьями и был запущен процесс сложения Мифов — продолжающийся по сей день. И, что бы ни говорили зас-

СНЫ НАЯВУ

— ОБ ИНОМ

корузлые фанаты (или, всё же, фанатики?) творчества Лавкрафта, продолжающийся спустя практически сто лет после его смерти процесс мифотворчества — процесс закономерный, необходимый и, безусловно, приятный.

Описания облика и деяний античных богов и героев разнились не только от автора к автору, но и от народа к народу. Нередко происходила ассимиляция в единый пантеон божеств вымирающих, порабощённых племён, слияние образа двух героев-тёзок в один. Одно и то же мифическое событие могло излагаться двумя мифописцами с множеством различий в деталях относительно изложения третьего мифописца, чья версия являлась наиболее распространённой. Делают ли изменения и искажения версии первых двух мифописцев неканонической частью свода античных мифов? Будет ли являться поздний римский миф, в котором — одном-единственном из всех — упомянут полузабытый мелкий этрусский божок, подлинным римским мифом? Делает ли введение в произведение каким-либо автором очередного, нигде ранее не упомянутого Древнего, неканонической частью Мифа это произведение?

Нет — на все три вопроса. Не существует хороших или плохих, канонических или неканонических дополнений Мифа; любое дополнение имеет смысл как в общей структуре Мифов, так и само по себе. Не существуй подобных дополнений, Миф просто бы замкнулся сам на себе и, рано или поздно, канул бы в небытие. Категоризации следует подвергать лишь качество изложения, с которым преподносится любое дополнение, а это уже совсем другой вопрос.

До сих пор (причём, что характерно, именно в русскоязычном сообществе) находятся излишне ярые поклонники Лавкрафта, нарекающие любой Миф, вышедший не из-под пера возлюбленного автора, «кошунством», «ересью» и «апокрифом». К счастью, никакого единственно верного свода Мифов, кроме того, что существует в головах таких поклонников и работах некоторых западных «авторитетов», не существует — в отличие от постоянно изменяющегося живого Мифа, существующего здесь и сейчас. Более уныло выглядит только деление Мифов Ктулху на «Мифы Лавкрафта» и «Мифы Дерлета»; при этом к последним недалёковидные читатели и критики относят любой Миф, созданный не Лавкрафтом. Появлением категории «Мифов Дерлета» мы обязаны Р.Л. Тирни и его одноимённому эссе, взятому на вооружение испытывающим открытую неприязнь к Дерлету С.Т. Джоши (жаждущие истины могут прочитать монографию глубокоуважаемого Д.Д. Хэйфеля *«A Look Behind the Derleth Mythos: Origins of the Cthulhu Mythos»* — достойную альтернативу необоснованно и излишне критичной *«The Rise, Fall, and Rise of the Cthulhu Mythos»* Джоши). Да, «Мифы Дерлета», по-своему хорошие, действительно существуют и должны быть выделены в отдельную категорию — со всей своей пресловутой начинкой в виде «христианизации» и «элементарной теории» — и некоторые авторы, написавшие за свою жизнь два-три мифических рассказа, действительно должны быть отнесены к этой категории как явные продолжатели той же традиции мифотворчества. Но существуют также и «Мифы Тирни» — уже не с христианской, а гностической начинкой. И «Мифы Ходжсона», и «Мифы Каттнера», и «Мифы Смита» (удостоившиеся уникального названия «Смифы»), и «Мифы Ламли», и «Мифы Ши», и «Мифы Лиготти»... Мифы тех авторов, чьи дополнения в общий свод Мифов Ктулху имели наибольшую проверенную временем ценность, наибольшую уникальность, наибольшую цитируемость, наибольшую распространённость.

Впрочем, неоспоримое главенство среди прочих традиций мифоизложения всегда будут занимать «Мифы Лавкрафта». Это главенство порой играет злую шутку с иными непластичными ограниченными умами. Так, значительная часть читателей (удивительно, но, по большей части, русскоязычных), упорно продолжает искать в каждом рассказе, написанном не Лавкрафтом, следы Лавкрафта. Находя их, они приходят в бешенство, немедленно обвиняя автора в «эпигонстве», «графомании» и «попытке нажиться на чужом труде»; впрочем, не найдя таких следов, они становятся не менее злы — ведь в этом случае в рассказ «просто напиханы имена», а «атмосферы Лавкрафта нет»!..

Пожалуй, на этом стоит остановиться. Поднимаемые вопросы слишком глубоки, чтобы

посвящать им всю вступительную статью, и будут гораздо более подробно рассмотрены в монографии «В защиту Мифов Ктулху», работа над которой продолжается, несмотря на множество внешних и внутренних проблем. Перейдём к более насущным вещам — к первому номеру альманаха «Пламенник Инобытия», который, собственно, вы сейчас и читаете.

Предпосылкой к созданию альманаха послужил тот странный факт, что, невзирая на огромное число русскоязычных поклонников Мифов Ктулху, до сих пор никто не удосужился создать ни одного тематического периодического издания. Да, время от времени выходят антологии русскоязычных авторов, отдельные рассказы появляются в альманахе «Аконит» и журнале «Darker»... Но ни один энтузиаст так и не решился запустить журнал или альманах, в котором бы публиковались одни лишь Мифы — и это в тот исторический период, когда до русскоязычных поклонников добрались не только переводные книги значимых мифотворцев, но и культовая НРИ «Зов Ктулху», во многом сложившая современный облик Мифов Ктулху. Хвала Тсатоггуа, ситуацию решило исправить литературное объединение «Новый Комморион».

В этом номере «Пламенника Инобытия» (равно как и в последующих) невозможно будет найти то, что можно было бы уничижительно классифицировать как «фанфик» (хотя иные читатели и критики склонны клеймить «фанфиком» любое произведение, созданное не Лавкрафтом, в котором упомянут Ктулху). Собранные под обложкой альманаха рассказы написаны как теми, чьи имена давно на слуху, так и теми, кто известен лишь узкому кругу читателей; но каждый из них касается тех или иных тем и образов Мифов достаточно аккуратно и толково, не скатываясь в неуместную постмодернистскую иронию, прямое копирование сюжетов и во всё то прочее, что, по существу, является единственным, чего следует избегать любому современному мифотворцу. Мифы и ничего кроме Мифов! Рассказам в жанре лавкрафтианского хоррора, использующим приёмы Лавкрафта без привязки к Мифам, на этих страницах места нет. Не появятся здесь и переводные произведения — подобного более чем достаточно в интернете. В конце концов, существование этого альманаха должно служить прямым доказательством того, что сложение Мифа — качественного Мифа — отнюдь не чуждое русскоязычному автору занятие; более того, оно должно приветствоваться и поощряться публикациями за пределами личных блогов и страниц на «Самиздате».

Помимо рассказов, на страницах альманаха регулярно будут появляться тематические стихотворения. Эссе, которое читатель, пробравшийся сквозь мифические дебри, отыщет ближе к концу номера, не следует рассматривать как разовую акцию — в последующих номерах обязательно появятся и другие, поднимающие ту или иную проблематику Мифов Ктулху.

В дополнение к иллюстрациям, первый номер сопровождает необычный тематический фотографический материал, любезно предоставленный редакции Тимуром Мустафиным.

Хочется верить, что новый альманах найдёт должное признание у читателей и поклонников Мифов — а также станет постоянной платформой для публикации русскоязычных мифотворцев.

Что ж, теперь самое время оставить вас наедине с кошмарными и зловещими Мифами Ктулху, о, искатели тайных знаний и путники троп инобытия! Удачи — и будьте осторожны!

А.В. Бородин,
Хранитель Мифа,
декабрь 2022

Достижение святости требует таких же или, по крайней мере, почти таких же огромных усилий; но святость предполагает благие и естественные пути. Это попытка вновь обрести экстаз, который был присущ людям до грехопадения. Грех же является попыткой обрести экстаз и знание, которые подпадают лишь ангелам, а потому, предпринимая такую попытку, человек, в конце концов, становится демоном.

А. Мейчен

Мистер Эмброуз Прайс, говорите?
— Да, да. Но я списывался с мистером Фуллером, не могу ли я теперь увидеться с ним?

За окнами угасал день. Октябрь пел свою песню смерти над посеревшим городом, разбросанным по холмам и долам над свинцовой, полноводной рекой. Там, снаружи, вечер был багрян и пронзителен, а я стоял тут, перед библиотечной стойкой, и вёл бесполезный разговор с джентльменом, напоминающим богомола в очках и хорошо пошитом тёмном костюме.

— С мистером Фуллером, говорите? Погодите, кто это?

— Я вёл с ним переписку, — теряя терпение, громко и отдельно повторил я.

С самого начала, с первых же слов было ясно, что этот разговор никуда не приведёт. Джентльмен-богомол — что-то вроде Цербера, выставленного моей злосчастной судьбой перед самым порогом, за которым — рукой подать до цели. И так всю мою чёртову жизнь. Ты ведь знаешь, моя дорогая, как я боюсь существ, подобных этому джентльмену, всё его племя, облечённое небольшой властью и огромной ответственностью, наделённое правом запрещать, не пускать и отказывать. Подозреваю, что они прекрасно чувствуют мой страх, лишь только я вхожу в какое-нибудь присутственное место, как цепная собака чует страх прохожего. Потому они так любят рушить мои хрупкие надежды, надо полагать, это доставляет им особое, извращённое удовольствие.

— Та-ак... — он так долго и внимательно вчитывался в карточку, словно обнаружил там копию неизвестной прежде надписи со стены египетской гробницы. — Место жительства: Куинси. Род занятий: поэт... Поэт? А вам известно, на каких условиях мы выдаём заказанную вами книгу?

Я сделал вид, что мне не известно. Наверное, мне просто захотелось взять реванш — раз он издевается надо мной, почему бы и мне не поиздеваться над ним?

— Видите ли, молодой человек, разрешение на работу с этим манускриптом получить не просто, мы выдаём его в исключительных случаях, ес-

ИВАР РАГНАРССОН

Рукопись,

ДО СИХ ПОР

НИКЕМ

НЕ НАЙДЕННАЯ

В БУТЫЛКЕ

ли проситель представляет нам веские причины для получения допуска к раритетным изданиям и рукописям — допустим, он проводит исследование, в котором без данной книги никак не обойтись. В этом случае мы требуем предоставить название вашего университета, тематику исследования, опубликованные ранее научные труды...

— Всё это очень интересно, но мистер Фуллер дал мне разрешение в своём ответном письме. Почему бы вам просто не позвать его?

В полупустом зале вдруг стало темнее, как мне показалось, сам воздух помрачнел и сгустился. Ощувив иррациональное чувство нехватки воздуха, я ослабил галстук.

— Чёртова лампа! — пробормотал мой собеседник. — Мистера Фуллера я позвать не могу, у него отпуск, он сейчас в отъезде.

В самом деле, это всего лишь одна из ламп погасла, как раз над нашими головами. Но я уже знал — это угасла моя надежда получить искомое.

Я ещё некоторое время тряс у него перед носом письмом Фуллера и даже осмелился повысить голос, прекрасно понимая, что терять мне уже нечего. Человек-богомол, видимо, обрадовавшись тому, что меня удалось вывести из равновесия, решил устроить мне показательную порку.

— Молодой человек, вы ведёте себя неподобающе, — заявил он. — Не забывайте, что вы находитесь в стенах учебного заведения, а не... в компании себе подобных! По какому праву вы вообще чего-то требуете от нас? Вы кто — учёный с мировым именем? Может быть, вы — получивший признание писатель? Посмотрите же на вещи здраво! Вы — никому не известный человек с улицы, самонадеянно именующий себя «поэтом», который беспардонно ворвался в научную библиотеку известного университета, требуя выдать ему редчайшую, очень ценную книгу, да ещё закатывая непристойный дебош!..

Он ещё долго разорялся, пока я шёл по длинному проходу между ровными рядами столов с одинаковыми зелёными настольными лампами. Да, я весьма неучтиво повернулся к библиотекарю спиной на середине его гневной тирады. Это была моя жалкая месть за растоптанную надежду. Закат врывался через высокие витражные окна, длинными полосами ложился на пустые столы, и мрачные отсветы, наводящие на мысль о мире, гибнущем в огне и крови, соперничали с жёлтым, будничным светом потолочных светильников.

Холодный воздух принёс облегчение. Как я уже писал, октябрь пел свою смертную песнь. Я слышал её явственно: камень домов и улиц издавал неясный тревожный гул, глубокими, яркими нотами звучали небеса, росчерками чёрных молний вспыхивали деревья, словно безумные скрипки в *«Скачке валькирий»*. Я обратил лицо к страшному, торжественному закату, пробегая взглядом все градации — от зеленовато-трупной полоски у горизонта, через ступени охристого, ярко-оранжевого, алого, до багрянца венозной крови, переходящего в мертвенную холодную синеву. Великолепная палитра вселенских катастроф. Несмотря на холод, мои щёки на миг ощутили дымное горячее дыхание чудовищной печи, исполинского пожарища. Я даже закрыл глаза, словно боясь, что они вытекут от нестерпимого жара.

Я стоял с закрытыми глазами и рассуждал. Цербер из Мискатоникского университета указал мне на дверь. Стало быть, делать в этом городе более нечего. Надо забрать вещи и ехать на вокзал. Я возвращаюсь на щите, я потерпел полный крах. Но ничего не попишешь — надо жить дальше.

Господи, Милисент! Почему я не поступил именно так? Почему не отправился в отель, не задерживаясь ни минуты перед негостеприимным крыльцом знаменитого храма науки?

Нет же, я, как полный дурак, стоял и ждал чуда, не желая смириться с поражением. И чудо пришло, Милисент.

В детстве мне читали сказку — я не запомнил её названия, — про бедняка-феллаха, который однажды, потеряв всё, что у него было, сказал, что примет помощь от любого создания, откуда бы оно не явилось — из пустыни ли, с небес или из преисподней. Его услышали:

со стороны пустыни пришёл закутанный в чёрное высокий человек, который предложил ему сыграть в странную игру...

Но я становлюсь многословен — так мы никогда не доберёмся до конца. За те несколько минут, что я стоял в прострации, случилось следующее. Наверху хлопнули двери, и по ступеням резво сбежал какой-то господин.

— Простите, возможно, я вмешиваюсь не в своё дело, — обратился он ко мне, — но я случайно стал свидетелем того, как вы пытались получить допуск к работе с «*Некрономиком*». Напрасно вы связались с этим учёным сухарём! Он всё равно не выдал бы вам разрешения, даже если бы вы встали перед ним на колени. Так что, не ругайте себя!

— С чего вы взяли, что я себя ругаю? — огрызнулся я. — Я просто расстроен. Книга была мне очень нужна. На неё я возлагал... определённые надежды. И я даже не представляю, чем её можно заменить.

— Скажите, а для чего она вам так нужна? Поверьте, это не праздное любопытство! Очень может быть, что я как раз смогу предложить вам замену, если узнаю больше.

Я впервые взглянул на собеседника. Нет, этот лукавый искушитель ничем не напоминал пустынного духа из страшной сказки моего детства. Он обладал весьма заурядной внешностью — средний рост и средний возраст, редкие русые волосы под мягкой шляпой и совершенно незапоминающееся лицо. Может быть, поэтому я вдруг сделался откровенен? Опасность, исходящая от столь прозаического существа? Увольте. К тому же, тогда я был ещё слеп и не понимал, насколько опасны те знания, к которым я стремился.

— Полгода назад мне приснился сон...

— Ну и что с того? Все видят сны.

— Этот сон был слишком необычен. Я видел события давно ушедших времён... даже не так! Времён настолько древних, что вся известная нам история человеческой цивилизации по сравнению с этой бездной времени кажется мигом! Настолько, что и *сама смерть умерла бы*, пролистывая год за годом, пока добралась бы до конца.

— Что вы говорите? — тон моего собеседника изменился. В нём прорезалась живейшая заинтересованность.

Правда, теперь я припоминаю, что было в нём кое-что ещё — алчная радость охотника, который видит, как добыча добровольно идёт в расставленные им силки.

— Да, уверяю вас! Никто и никогда ещё не видел во сне ничего подобного, даже видения Кольриджа уступают той фантастической ясности, тому нездешнему ужасу и безумной красоте, которые предстали перед моим взором. Я, признаться, не уверен, было ли то вообще видением. Меня не оставляет странное чувство, что во сне я был перенесён некой силой на иные планы бытия. Понимаете? Мне кажется, что я присутствовал там физически!

— Почему бы и нет? Не думайте, будто я не понимаю вас или подвергаю ваш рассказ сомнению. Но продолжайте же!

— Передо мной разворачивались странные события, поразительные, ужасные... Не всегда я понимал смысл того, чему стал свидетелем. Безумно яркая фантазмагория, поражающая неземными красками и образами! Уверяю вас, в нашем мире таких красок нет и быть не может!

Собеседник кивал, словно вполне представляя себе то, о чём я говорил.

— Сон оборвался, не получив логического завершения. А знаете, что случилось потом?

— Что-нибудь столь же неординарное?

— Нет, тут другое. Пробудившись, я ощутил себя... как бы это сказать? Избранным.

Точно, избранным из сотен тысяч обычных людей. Мне думалось, древние пророки точно так же чувствовали свою инаковость, вдохновенность свыше. Это не передать словами, можно только испытать. Словно ты заснул обычным человеком, а проснулся уже другим. И человеком ли? Как человек может поднять и осмыслить столь чудовищный времен-

ной пласт, хоть и спрессованный в несколько часов сна, и остаться всего лишь смертным человеком? Ты просыпаешься и понимаешь, что у тебя внутри зажглось солнце, и ты теперь обязан светить, хочешь того, или нет. Да, я был уверен, что удостоился откровения, неизвестно за какие заслуги, но высшим силам виднее! Этот день и много других я провёл за написанием поэмы.

— Совсем как упомянутый вами Кольридж!

— Сходство между нами ещё и в том, что мой труд, как и его, остался незавершённым. Правда, совсем по другой причине. Память о нездешнем не покинула меня, подобно паутинке утреннего тумана. Я писал, и образы, явившиеся мне во сне, послушно укладывались в строки. Впервые в жизни я не ощущал того, что принято называть муками творчества — поэма писалась с невероятной, пугающей лёгкостью. И вдруг перо моё остановилось.

— Почему же?

— Потому что иссяк поток образов, который питал его. Я дошёл до границы сна, обрвавшегося так нелепо, и понял, что путь мне освещало не солнце иного мира, а волшебный фонарь. Коварный волшебный фонарь, в который его создатель вложил конечный набор картинок, и теперь я тщетно пытаюсь добиться от него большего, ведь это всего лишь мёртвый, бесполезный прибор... Вот так неожиданно закончилась моя карьера пророка.

— И как это всё связано с поисками «Некрономикона»?

— Так вот. Поэма так и не была дописана. Полгода я провёл в непрерывном кошмаре, пытаюсь заглянуть за грань естественного. Мне казалось, что я колочусь о стену, за которой — целый мир, солнце и луна, и ветер, и закаты... Я был как узник, запертый в каменном мешке без надежды выбраться на волю. Но я пробовал разные способы...

— Наркотические вещества? Средства расширения сознания? — понимающе кивнул незнакомец.

— Э, да вы, я смотрю, попадали в историю, подобную моей?

— Можно сказать и так. Не очень-то любезно со стороны неизвестных нам сил помянуть вот так человеческое существо и снова оставить во мраке экзистенции. Но вы не закончили.

— Пару месяцев назад я прочёл в одном журнале оккультной тематики любопытную статью. Это была перепечатка из какого-то серьёзного научного издания, снабжённая вульгарным и безграмотным комментарием редакции... но не в этом суть. Автор — некий профессор Фуллер, сотрудник научной библиотеки Мискатоникского университета. В своей статье он упомянул несколько загадочных и одиозных раритетов, находящихся в университетской собственности. Написанные в разные эпохи, в разных уголках земли, все они имеют нечто общее.

— Что же?

— У меня все эти месяцы вертятся на языке три слова: «заглянуть за грань». Так вот, они все, так или иначе, заглядывают за грань. За грань временной шкалы, открывая жуткие зияющие бездны там, где учёные кладут предел не только людской, но и геологической истории. За грань естественного знания, за грань привычной морали и этики. Один из них — пресловутый «Некрономикон». Ничего не говорящее мне название. Но автор дал в статье некоторые выдержки из текста...

— Пугающе знакомые образы? Дайте догадаюсь — вы обнаружили, что вы — не первый, кому показывали эти забавные картинки? — рассмеялся он.

Я был разочарован, даже уязвлён. Но он примирительно подал мне руку.

— Руперт Диксон, врач. А на досуге — любитель заглянуть за грань. Приглашаю вас к себе на ужин, там я и расскажу, что имею вам предложить в качестве замены.

Я принял предложение незнакомца, ведь уже стемнело, и было отчаянно холодно.

Не буду мучить тебя подробностями, а перейду непосредственно к рассказу доктора Диксона.

— Я, мистер Прайс, с юных лет понемногу увлекался всей это оккультной чепухой. Так, без фанатизма. Список — нелегальный! — этого самого «Некрономикона», кстати, держал в руках. Пусть учёные задавали не думают, что обладают монополией на него — время от времени страждущие делают контрабандные копии их сокровища. Тот список, что попал ко мне, полагаю, был не единственным. Если честно, впервые ознакомившись с этой «чудовищной» и «нечестивой» книгой, я не ощутил ни страха, ни священного трепета. Для меня это был очередной алхимический или розенкрейцеровский трактат, сияющий запутать читателя и поведать ему сложным языком простые истины. Так коммивояжёр пытается продать грошовые часы по цене первоклассного швейцарского хронометра, уверяя при этом, что делает вам одолжение. Несколько позже я переменил своё мнение. Впрочем, давайте по порядку.

Три года назад я получил этот дом в наследство, со смертью дядюшки оставшись последним в роду. Это причина, по которой я перебрался сюда из Провиденса. Дом, родовое гнездо моей семьи, находился в очень запущенном состоянии и был битком набит всяким хламом. От хлама-то, копившегося здесь не одно поколение, я и начал избавляться, как только въехал. Самое бесполезное и ветхое я лично снёс на помойку — вышло несколько мешков. Потом настал черёд так называемых «семейных реликвий», всего, что представляло хоть какую-то ценность и могло заинтересовать завсегдатаев антикварных лавок. Большую часть этого добра я выгреб из кабинета дяди. Там была, между прочим, бронзовая масляная лампа, явно восточного происхождения. Эта вещь была мне знакома по моим прежним посещениям дядюшкиного дома.

«Эта лампа — волшебная», — словно наяву услышал я дядин голос.

Я тогда ещё спросил: неужели в ней живёт джинн? И поинтересовался, тёр ли уже дядя её бронзовые бока.

«Она волшебная, и джинны тут не причём, — раздражённо ответил мой родственник. — Если бы ты знал, кто ей владел до меня... Вот только надо разобраться, как она работает».

Я пожал плечами. Дядя тогда уже был стар и склонен к причудам. Впрочем, вещь действительно выглядела старинной, и, возможно, представляла определённую ценность. Судя по сведениям, что мне удалось в тот раз вытянуть из дяди, которого мои шутки про джиннов заставили надуться и сделали немногословным, ранее она принадлежала его не очень близкому знакомому из Провиденса, а с недавних пор (обстоятельства так и остались для меня неясными) обрела свой новый дом здесь. Этот самый знакомый, если верить туманным намёкам дяди, был то ли откровенным колдуном, то ли просто тронувшимся от прочитанного мистиком. Тем не менее, дядя отзывался о нём с большим уважением и даже трепетом.

Итак, я вновь, спустя два года, держал в руках бронзовую лампу.

«Интересно, дядя разобрался, в конце концов, как она работает? — вслух спросил я себя. — А то мне бы сейчас не помешал джинн. Я бы попросил у него денег взаймы».

Моё финансовое положение тогда было не слишком завидным. Но это к делу не относится.

Баракло, предназначенное на продажу, я собрал в одну большую кучу в углу гостиной. Знакомый антиквар, мистер Браун, обещался на другой день заглянуть, чтобы оценить этот хлам. День выдался трудный и хлопотливый, и неудивительно, что, перевозбудившись, в тот вечер я никак не мог уснуть. Снотворное меня не брало, и я решил спуститься в гостиную, выкурить сигару, и ещё разок перебрать своё богатое наследство.

Эта лампа — она словно манила меня к себе! Я разглядывал её так и эдак, поглаживал неровность зеленоватой бронзы, пытался разобрать арабскую вязь, орнамент из слов, но распознал только несколько знакомых букв. Эта вещь была стара, очень стара. «Возможно, ей тысяча лет», — подумалось мне почему-то. В голову мне пришла странная, вздорная мысль. Я решил использовать её по прямому назначению. Я раскрошил свечу и добыл фитиль, принёс из кухни немного рапсового масла. Недолго повозившись, я запалил лампу и

погасил свет.

Некоторое время я сидел в каком-то странном трансе, заворожено глядя на мятущийся неровный огонёк и струйку чёрного коптящего дыма, поднимающегося к потолку. И вдруг всё переменялось. Из старой масляной лампы ударили лучи ровного розоватого света, и она вся заискрилась, как огненная роза. По стенам забегали наперегонки лучи и тени. Это были странные тени, они не имели отношения к предметам, находящимся в гостиной. Что отбрасывало их? Невиданные растения, звери, странные создания, которые существовали, как вы говорите, на иных планах бытия? Думаю, это они явились в мою гостиную в виде бесплотных теней. Я хотел бежать от этого, как мне казалось, злого чуда, но, поражённый до глубины души, не мог даже вскочить с дивана. И тут мой взор обратился на дальнюю стену. Там, в розовом сиянии лучей, начали проступать контуры какой-то местности... Не буду рассказывать, что мне довелось увидеть в ту ночь, и не просите. Лучше посмотреть на это самому. Достаточно сказать, что с рассветом я чувствовал именно то, о чём толковали вы: я был духовидцем, избранным из тысяч и тысяч.

Я находился в столь приподнятом состоянии духа, что немедленно покинул дом и бродил где-то почти до полудня, словно погружённый в какой-то золотистый слепящий туман.

Когда я вернулся, дверь открыла работница, которую я нанял, чтобы помочь привести дом в порядок. Она сказала, что в моё отсутствие приходил мистер Браун, перебрал кучу старья и отобрал несколько предметов, которые, по его словам, имеют шанс быть проданными. Я кинулся в гостиную, как ошпаренный, — как я и предчувствовал, лампы там не оказалось!

Мистер Браун, с которым я незамедлительно связался, сообщил мне, как ему казалось, радостное известие: старую арабскую лампу купили, как только он выставил её на витрину, и дали неплохую цену. Я схватился за голову.

— Так вы утратили её? — воскликнул я.

— Не пугайтесь, дослушайте. Я навёл справки о купившем её джентльмене. Как оказалось, он был в нашем городе проездом и в тот же день отбыл куда-то на запад. Не стану подробно описывать все перипетии поиска лампы. Скажу только, что я шёл по её следу более двух лет. И только недавно, наконец, вернул себе своё сокровище. Поверьте мне на слово, за это время я пережил самые страшные муки, какие знает только застарелый кокаинист или морфинист, отлучённый от своего наркотика.

— Но вы не сказали, чем ваша «волшебная лампа» может помочь мне.

— Ну как же! Вы видели начало истории и теперь хотите продолжения, чтобы закончить свою поэму! Лампа покажет вам то, что вы хотите, и даже больше того. Я вам скажу кое-что, что вас шокирует, но я почти уверен, что автор вашего вожделенного трактата вдохновлялся видениями из этой лампы. За то время, что я вёл поиски, мне удалось узнать о ней немало интересного.

— Так покажите же ваше сокровище!

Я готов был на коленях упрашивать об этом доктора Диксона. Но он заверил меня, что и сам рад показать мне лампу в действии. Всё же я не мог не спросить его о цене, на что он ответил так:

— То, что лампа способна вам дать, не имеет цены. В мире людей — я имею в виду. Так что, забудьте про деньги, с человеческой точки зрения вы получаете желаемое совершенно бесплатно. Но «бесценно» означает также — «баснословно дорого». Именно такую цену взимают за тайное знание иные миры, отличные от нашего. Так что, мистер Прайс, готовьтесь раскошелиться.

Вот такой двусмысленный и загадочный ответ он мне дал. Тут бы мне и призадуматься, но я, увы, пропустил его слова мимо ушей. Затем он принёс лампу, и мы до утра прогрузились в несказанный, дикий, возвышенный бред.

Это был месяц волшебства, месяц откровений, месяц экстаза. Самый дивный и страшный из октябрей. Я почти не спал, даже не помню, ел ли что-нибудь. Розово-золотое сияние

питало меня, давало силы и несло вперёд. Ночи пролетали, осиянные видениями лампы. Дни напролёт я писал. Я закончил *«Розу огня»*, над которой бесплодно бился полгода, проклиная час, когда появился на свет, и внушая страх и сожаление всем моим близким. Кроме того, я написал *«Ночных гарпий»* и *«Изумрудный венец»*. Три поэмы за один месяц! И огромное количество стихов.

Я забыл обо всём, Милисент, обо всём на свете, погружаясь по ночам в невообразимо глубокие бездны времени, наблюдая неспешный ход эр и эонов, перемещения чудовищных народов, ведомых страшными божествами, строительство и разрушение доисторических империй, невиданные никем континенты и океаны, переплавляя подсмотренное в стихи — такие, каких я никогда не писал прежде и никогда более не напишу.

Катастрофа обрушилась на меня внезапно. Подойдя однажды в сумерках к парадной двери доктора Диксона, я обнаружил его дом пустым и заброшенным. Свет не горел в окнах второго этажа, где мы обыкновенно смотрели свои божественные кошмары; нижние же окна были заколочены досками. Краска на двери облупилась, как видно, очень давно, и медная табличка исчезла, словно её и не было. Я, не веря очевидному, принялся стучать и окликать своего таинственного знакомого и сообщника, и так расшумелся, что из дверей соседнего дома вышел старец. Он и рассказал мне, что доктор Диксон уже давно съехал отсюда, «может, обратно в Провиденс, а может — куда подальше», во всяком случае, тут его не видели больше года.

Поражённый этими абсурдными словами, я кинулся в отель, и, захватив вещи, отправился прямо на вокзал. Я ничего не понимал, мой разум горел, словно в жестокой лихорадке, а этот город давил на меня неимоверно. В тот миг мне хотелось одного: уехать, освободиться от тлетворной власти его улиц. Тогда я ещё не понимал, что главной причиной моего лихорадочного состояния была лампа, вернее, её отсутствие. Это мой лишённый привычной дозы ментального (или магического?) наркотика мозг требовал утolenия, забвения и сна. Войти в полутёмный вагон, опуститься на диван, и перестать мыслить, слушая перестук колёс. Но дорога и предвкушение близкого свидания с домом не стали мне спасением.

— Билетов на сегодня нет! — прошипело мне невнятное существо из окошечка кассы.

— Давайте на завтра! — нетерпеливо крикнул я, готовясь внутренне к бессонной ночи на вокзале.

— Про билеты на завтра ничего неизвестно, сэр, — загадочно ответили мне. — Хотите уехать завтра, завтра и приходите.

На миг я ошеломился, но тут же вскипел и принялся требовать, чтобы мне немедленно продали билет. Окошечко бесцеремонно захлопнулось.

Возмущённый произволом служащего, я обежал пустынное вокзальное здание, толкнул несколько дверей — все они оказались заперты. Станция словно вымерла. Лишь уборщик и буфетчик проводили меня недобрым взглядом. Я проторчал всю холодную туманную ночь на перроне. Примерно в полночь к станции подполз поезд, завизжали тормозные колодки, закрипели рессоры вагонов, медленно теряющих инерцию движения. Никто не вышел на перрон. Поезд постоял несколько минут в клубах пара и медленно покати́л себе дальше. В нужную мне сторону вообще ни одного поезда не прошло. Видно, город, в который занесла меня судьба, не пользовался особой популярностью ни у путешественников, ни у железнодорожных перевозчиков.

Надо ли говорить тебе, Милисент, что и на следующий день, и во все последующие дни билетов не было? Как не было и поездов — они перестали ходить. А ведь я готов был вскочить в любой вагон даже на ходу!

Я не сразу сдался. Послав проклятия в адрес железной дороги, я предпринял несколько попыток уехать автобусом, но он каждый раз ломался в одной и той же точке пути, как только последний дом предместья проплывал за окном, и немногочисленных пассажиров просили покинуть салон, неискренне сожалея об их потерянном времени. Всё это повторялось в такой точной последовательности, что не оставляло сомнений в искусственности

происходящего. Как и в случае с железнодорожной кассой, я стал участником тиражируемого изо дня в день спектакля, статистом, бессильным что-либо изменить и пассивно играющим свою жалкую роль.

Поняв, что и тут мне ничего не светит, я даже решился уплыть вниз по реке, наняв лодку. Но река в прямом смысле не пожелала нести несправедный груз, выбросив мой челн на отмель.

И уж не думаешь ли ты, что я оказался слишком робок, чтобы попытаться уйти пешком? Я пытался! Но, раз за разом, спустившись в окутанную туманом долину (а туман стоял всякий раз, когда я отправлялся в путь), шоссе неизменно делало поворот, и моему взору, выплывая из сизой дымки, вновь представал знакомый ландшафт, рассеянные по холмам островерхие крыши. Это противоречило всем законам природы, но факт оставался фактом — ни одна из дорог в этом городе не пожелала вывести меня на волю. Они изгибались, словно живые твари, словно змеи, чтобы вернуть меня в исходную точку!

Лишь исчерпав все попытки, я, наконец, понял, какую цену взяли неведомые мне силы за единственный месяц неземного экстаза, месяц, проведённый в шкуре всемогущего творца...

Я не знаю, кто таков этот доктор Диксон, но почти уверен, что облик заурядного провинциального врача принял некто, имеющий форму, непостижимую человеческому уму. Я боюсь даже представить себе его страшную, противоестественную, аморфную природу, хотя, казалось, чего мне теперь-то бояться, если всё уже случилось?

Он вполне мог бы оказаться духом этого города, *genius loci*, что привлекает в сети проstackов, возжелавших запретных плодов, и замуровывает их в вечность, словно мух в кусок янтаря.

Он — охотник на человеков, охотник на души.

Ах, да, я не досказал до конца ту восточную сказку.

Когда феллах, у которого небесный огонь спалил урожай, землетрясение разрушило дом, а жену укусила ядовитая змея, пришёл в отчаяние и пожелал принять помощь от любого существа в этой Вселенной, на зов откликнулось странное создание. Некто пришёл со стороны безводной пустыни, в которой не жили даже скорпионы, через которую никогда не ходили караваны, ибо солнце выжгло землю и самый воздух этого места, превратив его в жидкий огонь. Разве что злой дух или ангел, проклятый богом, пожелали бы поселиться в этой бездне страха. Так вот, некто пришёл в деревню, и был он высок, статен и укутан в чёрные одежды. Никто так и не увидел его лица, а голос незнакомца, как уверяли люди, напоминал шипение змея. Он прошёл сквозь затихшую деревню, мимо помертвевших от жуткого предчувствия людей, и остановился прямо перед беднягой, что сидел на развалинах своего дома.

— Верно ли, что ты, отчаявшийся, готов принять любую помощь? — спросил пришелец.

— Верно, — ответил крестьянин.

— Значит, ты готов заплатить и любую цену?

— У меня ничего нет, — сказал несчастный. — Судьба лишила меня всего. Иначе я не просил бы помощи.

— Давай сыграем, человек. Ты попросишь меня о трёх вещах. Если я не смогу тебе их дать, то уйду, откуда пришёл. Если же смогу... ты получишь три вещи — на год.

— А цена?

— Ровно через год ты узнаешь цену. И не сомневайся, я не потребую больше того, что у тебя есть.

— Что ж, терять мне нечего, — воскликнул крестьянин. — Играем!

— У тебя три хода, человек.

— Хочу золотую розу, которая бы жила и благоухала, как настоящая! — выпалил фел-

лах, заранее ухмыляясь и радуясь собственной ловкости.

Чёрный странник, не говоря ни слова, достал из складок своих пропылённых одежд цветков, что сверкал на солнце, точно струйка расплавленного металла.

— Но ведь она не живая! — воскликнул, было, крестьянин, жадно разглядывая золотые лепестки. Но тут же осёкся, ибо волшебный аромат, исходивший от цветка, тонкость и мягкость лепестков не оставляли сомнений — эта роза не была выкована искусным мастером.

Незнакомец положил розу на свою тёмную, как орех, ладонь, и она медленно умерла под палящим солнцем.

— Следующий ход.

В этот раз феллах думал долго. Он ходил из стороны в сторону, что-то бормоча, а незнакомец стоял, не шевелясь, всё это время, словно не чувствовал ни жарких лучей, от которых негде было укрыться, ни усталости, хотя прошёл он немалый путь.

Наконец крестьянин решился.

— Хочу, чтобы на этом месте появился дворец из белого резного камня, окружённый садом, в котором бы струилась вода, шумели плодовые деревья, благоухали цветы и пели птицы!

Незнакомец кивнул. И в то же мгновение они оказались посреди невиданного прохладного сада, шумящего пышными ветвями и перекликающегося голосами дивных птиц. Из его яркой зелени восставали белые узорчатые башни поразительной красоты. Как могло всё это появиться в чахлом пыльном оазисе, который питал жалкий мутный источник?

— Вот и последний ход, подумай, как следует, — предупредил чёрный пришелец.

В этот раз бедняга думал ещё дольше и придумал, как ему казалось, то, чего никто на свете не мог ему дать. Он пожелал взамен одной умершей жены весь сонм гурий Аллаха в жёны. Нежных, не тронутых никем, нездешне прекрасных райских дев. И он получил их, вечно девственных, большеглазых и жарких, как пламя.

Незнакомец в чёрных одеждах ушёл в гиблую пустыню, оставив несчастного наслаждаться своими неземными дарами.

А ровно через год всё исчезло — и дворец, и гурии, и сам феллах. Остались лишь занесённые песком развалины его лачуги да выбеленный солнцем скелет, словно этот бедный человек давно уже был мёртв.

Чёрного странника, говорят, видели в это время во многих деревнях, через которые он проходил. Утверждают, что ночь его одежд на этот раз озарял прозрачный кристалл, висевший на шее. В глубине этого странного украшения дрожал и пульсировал золотистый свет, словно моля о пощаде. От этого безмолвного крика, говорят, сжимались и усыхали людские сердца.

Вот и вся сказка, моя дорогая.

Вот и вся сказка про ловца душ и глупца, который сам сунулся в ловушку.

Я уже смирился с тем, что пойман и заключён в волшебный кристалл. Лишь одно не даёт мне покоя. То, ради чего я заплатил такую цену, мои творения, они никогда не увидят свет. Правда, я придумал одну хитрость.

Сейчас я допишу это письмо, поставлю подпись, аккуратно сверну и помещу в бутылку из-под виски. Как можно тщательней подгоню пробку и для верности залью сургучом. Затем я кину её в Мискатоник. И буду надеяться, что хоть весть о моей участи река когда-нибудь вынесет к живым людям.

Своей очереди дожидаются ещё пять бутылок. В них «Роза огня», «Ночные гарпии», «Изумрудный венец» и стихотворения. В детстве я любил романы об отважных путешественниках. Героев этих книг море выбрасывало на необитаемые острова, в дикие, страшные

земли, населённые каннибалами. Послание в бутылке порой спасало жизни этих отчаянных людей. Мою жизнь не спасти. Но мне мучительно думать, что плоды моего восторга и безумия не прочтёт никто. Может быть, я и бездарный, но, всё же — поэт, а значит — скромный соавтор Творца Вселенной.

Моя дорогая, никак не могу дописать последние строки, мне страшно кончить это письмо и отдать его волнам, словно тогда окончательно разорвётся связь между нами. Нет, я буду надеяться, что ты когда-нибудь возьмёшь в руки это послание, пусть и через много, много лет. Я буду надеяться, что эта река всё-таки течёт в мир живых.

Что ж, прощай. Мне предстоят бессчётные века, сложенные в один длинный, холодный и туманный день. Один день в вечном октябре, что поёт свою смертную песнь над островерхими крышами седого города. Мне предстоят века сожалений, но, боюсь, то будут не сожаления о доме, друзьях, простых радостях жизни, о тебе, моя любовь. Эти века безвременья будут наполнены мукой, превосходящей страдания всех морфинистов и кокаинистов на земле, тоской по утраченной лампе и её экстатическим, страшным и дивным пророчествам. Ибо не целый мир я утратил, но больше, чем мир.

Что ж, я готов встретить свою вечную осень в призрачном граде.

Видишь, я больше не бьюсь в твои прозрачные стены, светильник моей души более не вопиёт безмолвно, он ровно светит в глубине ледяного кристалла — негдешнего града по имени Аркхэм.

Мы с Ликой сидели на пустынном ночном пляже у самой кромки воды. Чуть тёплые воздушные потоки разливались от остывающего моря, позволяя не прятать лицо в толстый шарф. За спиной стихал городской шум, исчезали редкие огни. Бесконечно далёкие звёзды отражались в неподвижной глади.

Казалось, мы сидим на берегу затаившей дыхание вечности.

Нас окружала пустота.

Сонный город, безжизненные горы, чёрная глубина возле ног... Ни единого звука. Зима поглотила каждый шорох и каждый всплеск. Каждый шаг и каждое слово растворились, стали частью безликой тишины.

Привычное летнее очарование, благоухание моря и сочные ароматы жизни ушли в пучину. Укрылись во мраке воды и неба, словно надеясь, что никогда не вернутся в суетный людской мир.

Мы жались друг к другу, как два космонавта, потерявшие корабль на пороге новой вселенной. Луч фонарика блуждал по воде, изредка выхватывая из темноты далёкий чёрный волнорез.

Я стянул перчатку и, расстегнув куртку, пробрался Лике под свитер и футболку. Девичье тело изогнулось навстречу ладони. Слегка влажная кожа приятно скользила под пальцами. Я аккуратно сжал маленькую грудь.

— Ай-ай, — усмехнулась Лика, обдав меня тёплым ароматом вишнёвого морса. Термос дымился у неё в руках. — Нельзя...

— Нельзя?

— Большой дяденька, сильные руки... А девочке ещё и четырнадцать нет...

Она подалась назад.

— Тем интереснее, если девочке нет четырнадцати, — я поцеловал её улыбку и опустил руку ниже.

— Ай-ай, — повторила она упираясь. — Придётся дяденьке пару годиков подождать.

— Максимум — пару минуточек...

— А если девочка закричит?

— Дяденька бросит её в морскую пучину и надругается над холодным телом.

— Бррр... Ты мерзок.

— Опять муж плохой? — я отстранился и забрал у Лики термос.

— Ага. Очень. Обзывается.

— Я просто сказал, что ты маленькая и ми-

Николай Романов

УЖАС В

КАУ-ЛИТЕ

ленькая.

— Как школьница?

— Это же образно!

— Ты поэтому на мне женился?

Я не видел её лица, но знал — она снова улыбается.

— Конечно, нет. Мне вовсе не нравятся миниатюрные женщины. И вообще никакие женщины не нравятся. Только ты. Мужчины, если что, тоже не нравятся.

— Этого ещё не хватало!

Ли́ка засмеялась, толкнула меня на гальку и забралась сверху, словно проворная кошка.

Мы приезжали в Кау-Литу и раньше. Каждый август открывалось нам упоительное черноморское побережье. Раскалённое солнце и тёплые ночи, вылазки в горы и экзотические экскурсии, разноцветные карнавалы на набережной и много-много музыки, сладостей, светлых лиц — здесь всегда царила счастливая молодость.

Мы пообещали друг другу, что будем приезжать сюда как можно чаще. Загадали в один из отъездов и бросили две монетки в море — как сотни таких же отпускников.

Когда бабушка покинула нас, её старенькая московская однушка осталась Лике. Жить в ней мы не собирались, сдавать — хлопотно. Бесцельно продать — нечестно по отношению к бабушке. «Деньги растают со временем», — сказала Ли́ка, она была категорически против. Тогда и решили купить летнюю квартиру на берегу моря. Разница со столичным жильём оказалась заметной. Мы могли позволить себе те же заветные квадраты, и оставалась немалая разница на ремонт и прочее.

Первым делом появился бумажный листок, который разделили чертой пополам и написали все плюсы и минусы нашего приобретения. Перечень плюсов радовал глаз. В минусах значились лишь приятные хлопоты и небольшие риски. Вне категорий был один странный пункт, из-за которого мы и очутились в ту ночь на холодном пляже.

Мы никогда не были в Кау-Лите зимой.

— Я хочу увидеть курорт зимой, — сказала Ли́ка.

— Ты же не собираешься зимовать на море?

— Пока не знаю.

— Там будет скучно и холодно. Зимой на море приезжают одни пенсионеры и меланхолики.

— И поэты.

— И поэты-меланхолики. Зая, мы потратим отпуск на зонтики и носовые платки.

— Я хочу посмотреть.

— Посмотри в инете.

— Понятно, ты согласен.

— Да.

— Молодец. Встретимся с риелтором, что-нибудь присмотрим к сезону. Зимой на курортах цены ниже. Врубается, глава семьи?

Мы редко спорили. Я поддался и на очередное сумасбродное требование — провести первую ночь на зимнем пляже. Это было даже романтично. Прибыли к полуночи и прямо с чемоданом пробрались на пустое побережье.

— Я должна почувствовать это место со всех сторон, — говорила Ли́ка. — Может, когда-нибудь переедем сюда навсегда?

Конечно, мы замёрзли, так и не занялись любовью и слопали всё, что приготовили на завтрак. Безумную идею «а давай искупаемся?» отвергли ещё на старте.

День встретил нас холодным дождиком. Настолько мелким, что ради него лень было

доставать зонт. Низкое серое небо осело на горы.

Мы покинули пляж и поднялись к центральной улице. Ветер усилился. Море бросало в спину первые брызги зарождающегося шторма.

Город был предсказуемо пуст. Ни автомобилей, ни суетливой торговли с лотков. Несколько торопливых фигур промелькнули под невзрачными вывесками.

— Не очень-то тут дружелюбно, — обронил я.

Лица не разделяла моё настроение.

— Утро же, выходной. И погода не ахти. Ничего необычного. Теперь — жильё.

Ещё один загадочный эксперимент, который она задумала, не допускал привычного размещения в отеле. Лица хотела найти жильё по приезду, строго у местных и вообще — вкусить все прелести безумного дикарского отдыха.

— Мы едем не отдыхать, а пропитаться атмосферой!

Я мысленно попрощался с ежевечерним душем и поддержал её затею.

С восходом солнца, которое так и не вышло из-за серых туч, воздух стал густым и тяжёлым. Появилось ощущение, что мы находимся не посреди города, а внутри огромной теплицы.

Лица достала из рюкзака карту. Бумага мгновенно покрылась влагой.

— Смотри, — она ткнула пальчиком в тёмно-зелёную окраину. — Вот здесь.

— Старые улицы?

— Риелторы называют это старым фондом. Гляди, всё очень круто. Город стоит на трёх холмах. Каждый спускается с горного плато к морю. Как лапа дракона с тремя когтями. Видишь, их обрамляют речки? Вот здесь — город, новострой, магазины... Фактически, жизнь бурлит только на этих двух холмах. Мы раньше останавливались тут и тут.

— Да, да. Помню. Вот тут шаурмой траванулся.

— Не отвлекайся. А вот — третий холм. Сейчас его называют девятым микрорайоном, а раньше — Чёрной горкой. Не смейся. Крестик в центре — старая церковь. Отсюда, с этого холма, город за столетия и разросся. Что интересно, церковь построили на месте развалин другого святилища, совсем древнего. Его фундаменту больше двух тысяч лет. Про святилище ничего толком не нашла, но, думаю, если копнуть глубже, то окажется, что на холме был какой-нибудь храм или место жертвоприношения... Осталось от киммерийцев и кровожадных тавров.

— Кровожадных и похотливых?

— Конечно. Дикари же. Позже сюда приплыли эллины и римляне, появились сарматы, готы, гунны...

— Я даже слов таких не знаю.

— ... а следом за ними — хазары, генуэзцы, печенег, половцы... Всех не вспомню, но картина, в целом, такая. Причём появлялись далеко не лучшие представители народов. Оно понятно — места дикие. Веками на склонах этого приморского холма оседали пираты, разбойники и работорговцы. Все со своими культами, ритуалами и обрядами.

Мы обошли закрытый стрелковый тир и миновали пустой вещевой рынок. Непривычная для москвичей мясистая южная листва не добавляла зимнему городу жизни. Сырость, колючий ветер и набухшая влагой зелень превращали город в исполинский аквариум. На тротуарах недоставало огромных разлагающихся рыб.

— Сложно сказать, что здесь привлекало переселенцев. Через плато не перебраться. Ни сеять, ни разводить скот на таких склонах они не смогли бы. Да, очевидно, и не собирались. Если верить летописям древних греков, тут творились страшные и кровавые дела... Вот эта паутинка на карте — от церкви до моря — древнейшие кварталы. До сих пор жилые. Я тебе всё распечатала, считаешь.

— Маловероятно.

— Брось, здесь очаровательный исторический антураж. Возможно, в этих домах обитают прямые потомки геноуэзцев.

— Не древность, а глухомань. Хибары какие-то. Заборы каменные, дореволюционные дома, бывшие конюшни... И пятиэтажные зиккураты из старых гаражей. Коту пролезть негде — как муравейник. Всё застроили и проводами опутали.

— Между прочим, там одни из самых дорогих квартир, если летом снимать.

— Потому что море близко.

— Зануда.

— Не буду читать твои бумажки.

— И вредина.

— Реалист. Тупо замёрзнем в доисторических избушках без отопления.

Подъём резко пошёл вверх, по спине побежали ручейки пота. Мы дюжину раз круто повернули в лабиринте узких улочек. Вскоре из-за кипарисов выглянула высокая колокольня кирпичного цвета.

— Отсюда церковь не видно, деревья закрывают, — Лика остановилась и убрала карту. — Пришли.

Церковь окружали кипарисы. От деревьев к морю спускались массивные каменные ограды и высокие заборы из листового железа. Они возвышались над головами, скрывая первые этажи геометрически абсурдных зданий, подпорки и перекрытия невероятных строений. Сколоченные и воздвигнутые без каких-либо представлений об эстетике и пространственной логике, постройки топорщились железной арматурой, скалились неровными швами и гнилой древесиной. Местами забор становился ниже — виднелись то широкие, то узкие входные двери с монтажной пеной на покрытых плесенью щелях. У ржавой металлической сетки красовались новенькие пластиковые окна и старомодные нежно-кремовые фрески.

Заросли глицинии обвивали чёрные захламлённые балконы, вышки, башенки, неожиданные выступы и решётки. В маленьких двориках, за пальмами и бельевыми верёвками, скрывались стеклянные веранды и открытые террасы. Каменные здания выглядели, так, словно продержались столетия без ремонта и простоят столько же. Остальные — или крошились от времени, или сияли новизной и безвкусицей.

За вызывающим хаосом чувствовалась чья-то сумасбродная мысль, чей-то извращённый вкус. Если архитектуру называют застывшей музыкой, то нашим глазам предстала застывшая какофония панк-рока.

Бесконечные надстройки и пристройки загромождали любое свободное пространство. Дома, заборы, гаражи — сливались в одно целое. Прозрачная галерея в стиле хай-тек недурно разместилась на тёмном от сырости сарайчике для дров, которому буквально не давали расползтись бетонные стены соседнего сооружения — пугающего вида куба без окон, с одиноким шезлонгом на крыше. Рядом, на хрупкой лачуге, громоздился недавно достроенный более широкий второй этаж. Его укрепляли стальные трубы, вонзившиеся в рыхлый асфальт. Сверху достраивался третий этаж, что придавало дому вид перевернутой пирамиды.

— Лика, мне страшно туда заходить.

— Я знала, что тебе понравится.

Она бодро направилась к ближайшей калитке, на которой висела табличка с надписью: «Жильё. Своё». Открыли после пятого звонка. Пожилая женщина, выглядевшая беременной, молча выслушала робкие приветствия и проводила нас внутрь небольшого дворика, откуда выходили настолько тесные проулки, что зайти в них можно было лишь боком.

Отсюда приземистые каменные здания казались ещё чуднее. Они затейливо соединялись друг с другом лестницами и верандами, возвышаясь из неровной брусчатки, словно мрачные скалы из беспокойных волн.

Женщина стукнула сухим кулаком в зелёную дверь и быстро удалилась.

— Лика, это не тот город, в который мы приезжали раньше, — прошептал я жене. — Мы где-то не там свернули.

Дверь распахнулась. На пороге стоял колоритный старик. Под бушлатом неопределённого цвета виднелась кислотно-зелёная футболка, в горловину которой была заправлена его пышная борода. Новенькие джинсы красовались на мощных бёдрах, а изъеденное оспой лицо наполовину скрывали кустистые брови.

— Нам бы квартиру снять, — сказал я. — Барышня вот... Вас порекомендовала.

Старик уделил мне долю секунды и внимательно рассмотрел Лику.

— Одна тысяча рублей, — с расстановкой произнёс он.

— Тысяча в сутки, отлично, — Лика перехватила инициативу. — Можем сейчас посмотреть?

— Одна тысяча рублей... — повторил старик медленно, — ...за ночь. И одна тысяча рублей — за день.

Я невольно покосился в сторону спасительной калитки. Её скрывал угол ближайшего дома.

— Ага... Ясно. — Лика легонько толкнула меня локтем. — Две тысячи рублей за сутки... Если квартира нас устроит, мы остановимся на десять дней.

Лику квартира устроила, меня — нет.

Просторная, первый этаж, широкая кровать и большое окно во двор. За окном упирались в низкое небо дюжина кипарисов. Вместо обоев — слой белой краски на здоровенных камнях, из которых, похоже, был выложен весь дом. Телевизора не наблюдалось.

— Дорогая, это первая попавшаяся комната. Посмотрим ещё парочку?

— Нет. Это судьба. Где твой дух авантюризма? Слушай, я именно такое хотела. Экзотично и романтично. Хватит бузить, а?

Нет, комната выглядела неплохо, но...

— Уважаемый, — я повернулся к старику. Тот безмолвно возвышался за нашими спинами, будто надгробный памятник. — А где, например, батарея... Или обогреватель...

— Ночью будет тепло, — покачнулся тот. — Дом за день прогреется.

— Понятно. Дом прогреется. Лика, это безумие. Нет ни кондиционера, ни обогревателя, ни печки. Мы замёрзнем.

Старик любовно похлопал широкой ладонью по белой стене.

— Бутовый камень! — торжественно сказал он. — В жару сохраняет прохладу. Ночью отдаёт тепло. Ледниковый бут!

— Ледниковый бут?

— Ледниковый бут со дня моря! Веками вымочен в сероводороде, пропитан распадом и тленом. Идеальный для строительства ледниковый бут.

— В сероводороде?

— Ваш мужчина, видимо, глуховат, — серьёзно произнёс старик.

День пролетел удивительно быстро. Мы едва успели разбросать по углам вещи, помыться в пристроенной тесной душевой и обойти ближайшие дворики, когда начало темнеть. В соседнем магазине закупили нехитрый ужин и уничтожили его прямо на кровати.

— Ты слышала? Что за дичь он нёс про бутовые камни?

— Я в стройке не разбираюсь. Забей, просто чудной дед.

— Ахинея какая-то. Сероводород, распад...

— Про сероводород на дне Чёрного моря я слышала. Якобы толща воды сдерживает в глубине огромную подушку из ядовитого газа, и если он всплывёт на поверхность, то всем

кранты. Кучу лет назад здесь было пресное море, но однажды его через Босфор затопило солёной водой. Всё живое погибло и осталось гнить на дне. Там, в темноте, миллионы тонн тлена. Жуть.

— Ты ходячая энциклопедия. Он сказал, что камни достали оттуда? Бред. А при чём тут ледник?

— Он просто хотел нас развлечь. Считай это бесплатным аттракционом.

— Ага. Бесплатным. Одна тысяча рублей за ночь. И одна тысяча рублей за день.

Ли́ка засмеялась, и нас поглотили плотские утехы.

Чуть позже за окном появились какие-то фигуры — выбиралась из нор местная молодёжь. Послышался смех, разговоры. Кто-то тихо напевал незатейливую мелодию.

Ветер терзал упрямые кипарисы.

Я встал и задёрнул занавеску.

Ли́ка заснула довольно быстро, а я битый час ворочался на чистых простынях и пялился сквозь темноту на окружающие нас камни.

Соседство незнакомых людей в незнакомом месте тревожило не меньше. Я разыскал в ящиках кухонный нож и положил его на тумбочку возле кровати. На всякий случай подпёр стулом входную дверь.

Утром позвонил риелтор и поинтересовался — как добрались, где остановились? С сожалением сообщил, что сегодня приехать не сможет, попросил перенести встречу. Ли́ка договорилась на завтра, и мы отправились в город.

Покидая двор, я обратил внимание, на чистоту вокруг. Ни мусора, ни пустых бутылок, ни окурков. Похоже, наши соседи чертовски аккуратны.

Я предложил подняться до церкви, но Ли́ка вооружилась распечатками и сказала, что в городе нас ждут не менее интересные места. Летом на музеи и достопримечательности у нас практически не оставалось времени — купание и активный отдых поглощали его полностью.

Кау-Литу было не узнать. Разница с курортным сезоном оказалась удручающей. Дождь прекратился, но приветливее город не стал. Из подворотен веяло сыростью. Краски терялись и таяли среди угрюмых серых оттенков. Серые дороги, серые дома, серые деревья и серые лица. По влажным стенам с отслоившейся штукатуркой расползались ржавые разводы.

Людей на улицах было мало. Вместо полуголых и радостных отдыхающих, коих привычно видеть летом, вдоль серых строений куда-то спешили редкие угрюмые горожане. Теперь, не скрытые, не растворённые в толпе, они показывали истинный облик города — не пёструю карнавальную маску, но бледное, суровое и пропитанное солью лицо уставшего морехода.

Ли́ка что-то рассказывала о первых гостиницах и доходных домах, говорила про быт города во время войны и летние дачи писателей прошлого века... Я же с тревогой оборачивался, ловя краем глаза очередную нырнувшую в подворотню фигуру. Я не мог сосредоточиться. Одинаковые прохожие кружили вокруг, вновь и вновь проскальзывая мимо и быстро скрываясь в арках сразу за нашими спинами. В конце концов, зловещий хоровод меня изматывал.

— Ли́ка, мне надоело.

— В смысле?

Она словно не замечала тягостного давления и нависшей неведомой угрозы. Её больше интересовали сорища котов и очередная историческая кондитерская.

— Мне надоело ходить по городу, — наконец выдавил я.

— Не узнаю тебя. На себя не похож. С животом нормально?

— При чём тут живот? Эти люди... — я понял, что не смогу толком объяснить. — Ты заметила, сколько в городе кипарисов?

— Кипарисов? С ними-то что?

— Странно... Я никогда не обращал внимания, но в городе очень много кипарисов... Помнишь, бабушка всегда говорила, что кипарисы — кладбищенские деревья? Они на кладбищах растут. Охраняют тех, кто спит. Так она говорила.

— Ох-хо... Иначе я представляла наше чудесное вторжение в Кау-Литу. Послушай, это зима. Курортные города зимой выглядят именно так. Засыпают. Это просто мёртвая спячка.

— Мёртвая? — я вздрогнул. — Послушай, мне, пожалуй, надо пройтись.

— Мы и так идём. Сам же сказал — надоело ходить... Да что с тобой?!

— Нет. Хочу один. Зайду на рынок... Или ещё куда. Встретимся дома. Всё в порядке, наверное, астма обостряется.

Полагаю, Лика не поверила в астму.

Перспектива шагать по пустынному городу восторга не вызывала, но меньше всего хотелось, чтобы она видела мужа в смятении. Несомненно, на картину города повлияло моё состояние. Недомогание окрасило Кау-Литу в мрачные тона, добавило зловещие краски в облик города и его обитателей.

Мы разошлись, но зайти в здание городского рынка я не решился. Пьянящий запах сырого мяса и душистых специй вызвал приступ тошноты. Меня чуть не вырвало прямо на входные ступени.

Я наспех нахватал с уличных лотков зелени, огурцов и ещё каких-то овощей. Мысли о еде вызвали повторные приступы тошноты и головокружения. Я и правда мог отравиться. Или сказывалась адаптация к зиме в субтропиках... Идея прогуляться оказалась неудачной, нужно было возвращаться.

В беспорядке прибрежных улиц царил суевея бытовых мелочей: мелькали ставни и жалюзи, щеколды и домофоны; урчали выносные генераторы, капали кондиционеры, воняли мангалы и коптильни.

Казалось, путь до квартиры занял несколько часов. Дотянув до двора, я открыл калитку и замер от неожиданности.

Лика стояла у распахнутой двери в компании молодых людей. Шесть или семь высоких юношей, довольно легко одетых, выстроились полукругом и о чём-то оживлённо беседовали, перебивая друг друга. Очевидно, это были наши соседи. Все, как близнецы, тощие, широкоплечие, со впалой грудной клеткой. Они одновременно повернулись ко мне, и я с неприязнью отметил, насколько несимметричны их лица.

Лика приветливо помахала рукой. Моё состояние её вовсе не беспокоило.

— Ты быстро! У нас новые знакомые! — крикнула она и представила каждого.

Я пожал холодные руки, но имена тут же улетучились из головы. Не запомнил ни одного. Какого чёрта? Зачем она вообще с ними заговорила?

— ...любезно пригласили! — Лика завершила фразу, которую я тоже прослушал.

Юноши тоже что-то сказали.

Секундой позже мы вместе шагали в сторону проулка, соединяющего наши дворы. Лика тараторила без умолку.

Я чувствовал себя отвратительно и нелепо. Запоздалый муж с пакетом зелени и огурцов.

— Куда мы идём?

Лика проигнорировала вопрос.

— Боялась, что ты будешь против. Уверена, это интересно. В конце концов, всегда можем извиниться и тихонько уйти, — шепнула она.

Я собрался ответить и почти нашёл слова, но меня прервала мелодия — та, что слышалась вчера вечером за окном. Станные звуки одновременно напоминали и мычание, и

хлопки по басовым струнам.

Мелодия раздавалась из глубины соседнего двора, куда мы вскоре свернули. За беседкой, увитой тяжёлой виноградной лозой, на стыке двух старинных домов показалась низкая округлая арка над разбитой лестницей. Ступеньки вели вниз, в подвал. И здания, и арка, и лестница выглядели тысячелетними. Заплесневелые трещины покрывали серые стены и декоративные колонны. За пыльными окнами не было видно ни цветов, ни занавесок.

Дум-ту-та-тум... Дум-ту-та-тум... Мелодия зазвучала громче. Монотонный мотив повторился.

У лестницы стояли ещё несколько юношей. С ними были и девушки, но спокойствия не прибавилось.

Ли́ка и спутники уверенно направились к подвалу.

— Постой, — я схватил её за руку. Звуки отдавались внутри черепа, точно удары молотком по автомобильной крышке. — Мы не пойдём.

— Почему? — она смотрела невинными глазами, будто ничего не слышала. Будто ей не казалась странной наша компания, не вызывало подозрений приглашение неизвестно куда и даже моя паника не производили на неё впечатление.

— Брось, — Ли́ка шутливо толкнула меня кулачком. — Посидим, послушаем. Будет скучно — уйдём. Не каждого приезжего с улицы позовут на...

— Куда?! — я не обращал внимания на удивление окружающих. — Куда позовут?! Ты сама-то понимаешь? Или я один такой?! Нет? Тогда в чём дело? Сложно нормально объяснить?!

— Не сложно... Да что с тобой? Послушай, это просто...

— Довольно!

Я резко развернулся, хлестанув пакетом по чьей-то ноге, и, не отпуская руку жены, быстро пошёл прочь от подвала, навязчивой мелодии и виноградной беседки.

Вечер прошёл в тишине. Мы просидели молча в разных углах комнаты. Ли́ка — на краю кровати. Я — на неудобном стуле.

Она что-то листала в планшете, согнувшись пополам. Это всегда меня раздражало. Я пялился в книгу, но так и не добрался даже до середины страницы.

Головокружение и тошнота отступили. Я чувствовал себя гораздо лучше.

Ночью на Кау-Литу обрушился ураган. Природа бушевала, как обезумевший цербер. Капли дождя с мелким градом шипели в бурлящих воздушных потоках, словно разъярённые змеи. Ветер бил в стену огромными кулаками, сгибал кипарисы почти до земли. Из щелей и вентиляции раздавался то дьявольский визг, то предсмертный волчий вой.

Я наглотался таблеток, лежал на кровати и наблюдал, как мечется в окне жёлтый фонарный свет. Гнев утих.

Идиотский день оставил неприятный осадок. Мы с Ликой, конечно, ругались раньше. Бывало всякое и на людях. Но к утру от ссор не оставалось следа — мы по умолчанию прощали друг друга и вели себя, как ни в чём не бывало.

Ли́ка лежала рядом, скинув тонкое одеяло. Её грудь едва заметно поднималась. Я протянул руку, чтобы прикоснуться к белой коже, но внезапно почувствовал, что мы в комнате не одни. Жёлтый свет прыгал по стенам, выхватывая из полумрака неровные прямоугольники камней.

Нож по-прежнему лежал на стуле. Я пододвинулся к нему ближе. В комнате раздалось ритмичное мычание.

Мелодия зазвучала совсем близко. Справа и слева. Перед лицом и за спиной.

Дум-ту-та-тум... Там-там-ту-там-дум...

Глубокие настойчивые звуки заглушали вой ночного урагана и мягко били в низ живота. Вибрации исходили от стен.

Я присмотрелся. Ледяные мурашки побежали по коже.

Камни шевелились.

Они плавно изгибались в такт с мелодией. Вибрировали и трепетали. Чуть сморщивались, втягивались и тут же выпирали из стен, каждый в своём неведомом танце. Они были будто послушны таинственной мелодии. Податливые грани, как тонкие мембраны, чувственно реагировали на необычные звуки.

Как зачарованный, я наблюдал за движением камней и не сразу заметил настолько невероятную перемену, что ужас на время уступил место удивлению.

Подвижная поверхность втягивалась, съёживалась внутрь, постепенно раздвигая сморщенные края. Возникающие отверстия, до неприличия похожие на гигантские анусы, активно двигались. Они сжимались и раскрывались, приоткрывая внутри влажную бордовую плоть. Там, в горячих и мокрых утробах, шевелились короткие толстые языки.

Мелодия преобразилась — теперь камни подпевали, вторили неведомым позывным. Ужасающие беззубые отверстия-рты распахивались и изгибались, безобразно копируя человеческие губы.

Я посмотрел на руки. Они были красные, словно омытые кровью.

Комнату заливал ярко-алый свет. Он врвался в окно, бритвой резал глаза. Это была сама мелодия, которая звучала, обливаясь пылающим красным цветом. Это пели огромные подвижные камни вокруг. Я крепко зажмурился и зажал уши. Слезы, будто крупные виноградины, выкатывались из-под век, а откуда-то издалека донёсся тонкий бессильный писк — мой крик. Крик тонкой нитью тянулся в комнату, которая оставалась где-то позади. Меня же стремительно уносила в пульсирующую бездну невыносимая, раскалённая докрасна мелодия...

Утро третьего дня было болезненным.

Горло адски саднило, будто в носоглотку насыпали толчёного стекла. Ночной кошмар отзывался в каждом суставе.

— Сраный ледниковый бут... — пробормотал я и разодрал сухую корку на глазах.

Лики рядом не оказалось, я лежал на кровати один.

В комнате гулял лютый холод. Входная дверь — открыта настежь.

Я с трудом сбросил ноги на пол, разыскал джинсы, натянул колючую куртку на голое тело. Обматерив комнату, камни, старика и всё, что попало под руку, добрался до двери.

Судя по солнечному пятну на бугристых тучах, было уже за полдень. Долго же я провалялся.

Двор устилала изодранные листья и ветки. Кипарисы стояли невредимые, а сырой воздух застыл как в стеклянной банке. От луж остались тёмные пятна.

Я знал, где искать.

В этот раз их было гораздо больше. Некоторые сгруппировались возле виноградной беседки, некоторые стояли возле подвала. Кто-то сидел на ступеньках. Лица что-то взахлёб объясняли двум девушкам, таким же одинаковым, как и окружающие их молодые люди. Девушки смеялись, кивали в ответ.

Я подошёл.

— ...потом рассказывала, что видела кота, похожего на динозавра! — закончила Лика и девушки снова засмеялись. — Привет, солнце! Проснулся сразу хмурый? У меня для тебя куча интересного. Кушать пойдём?

— Пойдём, — я кивнул.

Проходя мимо «соседей» я невольно опустил глаза и смотрел себе под ноги. Близость чужаков была настолько неприятна, что я готов был побежать. От отвращения сводило челюсть.

Лика поставила кастрюлю на газовую плитку и достала планшет.

— Пока ты вчера дулся, я кое-что узнала.

— Серьёзно?

Она не уловила сарказм.

— Да-да. У них тут клуб реконструкторов или типа того. Ребята увлечены историей родного края, изучают и воссоздают фрагменты культов, бывших здесь аж с дохристианских времён.

— Вот эти оборванцы?

— Прекращай. Я об этом читала давным-давно, но даже не предполагала, что всё происходило в Кау-Лите! Что ты знаешь об Ифигении?

Боже, что она несёт? Что она несёт?! Я сдерживался из последних сил.

— Ифигения? — я скрипнул зубами. — Это болезнь или насекомое?

— Древняя богиня! Дева, которой поклонялись племена тавров. Интереснейшая легенда. Хотя, если честно, в целую картинку она не складывается. Древние греки сообщают, что так звали царскую дочь, которую Артемида спасла от жертвенного огня и перенесла сюда, чтобы сделать своей жрицей. Тавры почитали её за верховную — а может и единственную — богиню. Всё весьма запутано, но летописи сходятся в одном — кровавые жертвоприношения. Странники, торговцы, застигнутые бурей моряки — любого у здешних берегов ждала смерть. Кровь проливали или сама жрица, или преданные поклонники. Жертвам разбивали головы, сбрасывали со скалы или отрубали части тела, чтобы потом украсить жилища...

Мелодия появилась, как и раньше, сперва чуть слышно. Я был готов и даже не вздрогнул.

— Интернет, конечно, бестолковая помойка, — продолжала Лика. — Возможно, я опять что-то путаю... Но дальше совсем странно. Если рыть глубже, находятся источники, которые утверждают, что Ифигения — и есть сама Артемида. А если ещё глубже... Ты готов?

— Ага.

Мелодия звучала громко и отчётливо.

Лика увлечённо жестикулировала, пытаясь заболтать меня глупыми небылицами.

— По одной из версий, даруя жрице бессмертие, Артемида превратила её в богиню Гекату! Повелительницу мрака, ночи, ведьм и колдовства! Черноволосая и ужасная, в окружении призрачных псов — эффектная дама. Быть может, здесь и до греков был культ кровавой Девы — богини преисподней. Культ, который позже пытались скрыть или заместить сказкой о некой Ифигении. Обалденная тема. Я скачала пару книжек... Почему ты так смотришь?

— Как смотрю?

— Что случилось? Ты сейчас очень злой...

— Правда? Злой?

Я резко вlepил открытой ладонью по её рукам. Планшет вылетел и звонко хрустнул о стену.

— Шибко умная? Ещё много чего прочитала?

Я сказал это совсем негромко, но Лика отпрянула и побледнела.

— Какого хрена ты там второй день въёшься? Прикормили? — я подошёл вплотную. — Присмотрела кого-то?

Вопросы действовали на неё как плевки. Остановиться я уже не мог. И не хотел. Камни за спиной начали подпевать.

— Слышала поговорку: если сучка не захочет, кобель не вскочит? Про тебя, да?

— Не верю, что это ты...

Я ударил её коротко, без замаха. Кулак влетел между носом и верхней губой, буквально не встретив сопротивления. Голова дёрнулась назад, следом метнулись хрупкие плечи. Руки взлетели, словно пытаясь ухватиться за воздух. Я рванулсЯ вперёд, не понимая, чего во мне

больше: ошеломляющего раскаяния и ужаса от сотворённого, или желания растоптать отлежавшую к стене Лику. Я хотел подхватить её, не дать упасть на жёсткий пол. И одновременно жаждал снова крушить окровавленное лицо.

Красная мгла встретила меня, как волны горячего океана. Я врезался в багровую вязкую стену под оглушительный вой возбуждённых камней. Они трясли слюнявыми языками, жадно облизывали морщинистые отверстия. Я же захлёбывался кровавым илом и растворялся в забытьи. Растворялся тяжело и мучительно, осознавая, что возвращение неизбежно.

Когда я очнулся, марево перед глазами осталось. Тёплый красный туман расплывался по комнате. Липкие капли оставляли на руках яркие неровные дорожки.

Уютное и приятное место. Чудесное, как лоно матери.

Настала пора его покинуть.

Я поднял на руки лёгкую, по-паучьи ломкую Лику. Она ровно дышала, но была без сознания. Камни волнами ёрзали в стенах. Жадно вздыхали и постанывали, когда я выносил её из злополучной квартиры.

Голоса стихли, когда я шёл по пустынному двору сквозь влажную пелену. Молчали, когда проходил между домами и огибал беседку, увитую виноградной лозой с красными листьями. И зазвучали вновь, когда спускался по скользким ступеням со своей невесомой ношей.

Сомнения ушли. Я знал совершенно точно, куда и зачем иду. Знал, что ждёт в конце пути. Знал, что встречу по дороге.

Ступени спускались под невысокую арку и терялись в тёмной глубине подземелья. Мгла сгущалась, но стены узкого коридора слабо мерцали алыми отблесками. Свет исходил от подвижных камней. Рты-анусы причмокивали и сопровождали нас тихим ворчанием. Они высовывали шершавые языки и касались моих плеч, ласкали ступни и волосы Лики.

Я разобрал слова завораживающей песни. Это были имена. Многие я слышал впервые, но повторял дивные звуки нараспев вместе с камнями.

— Горго и Мормо, Астарта и Лилит, — шептали мы.

Капли кровавого тумана набухали на ресницах.

— Медея, Гекуба... Лимес и Никта... Великая Мать Геката...

Лестница закончилась, коридор по наклонной уходил в глубину. Стены поднялись выше, в боковых ответвлениях открылись сумрачные крипты и анфилады комнат. В проёмах, сквозь хлопья паутины, угадывались тёмные богомерзкие ниши, устланные человеческими костями и гниющей плотью.

В одной из ниш я увидел нагромождение тёмных досок, напоминавших разбитые старые гробы. На них в противоестественной позе лежал знакомый бородатый старик — хозяин квартиры. Его суставы и шея изогнулись, будто в ужасной агонии. Одежда была изодрана в клочья, а ноги чуть ниже колен заканчивались обрубками. Судя по раздроблённым костям и изжёванной плоти, его ступни отгрызло нечто злобное и неистовое.

На стенах виднелись отвратительного вида фрески, на которых сцены безудержных оргий соседствовали с невероятными в своей изощрённости пытками и убийствами — отрубленные головы и вырванные внутренности громоздились на пиршественных столах и под ногами танцующих сатиров и фавнов.

Каменные рты по-прежнему открывались, но внутри виднелись уже не языки. В поющих утробах мелькали чьи-то искажённые лица и оголённые части тела. Из отверстий высывались изящные женские руки, смеющиеся бородатые головы с изогнутыми рогами, ноги без кожи, собачьи хвосты и козлиные копыта.

Я догадывался, куда ведут эти рты-туннели. Словно полые гигантские черви, они извивались в холодной земле и поднимались к вершине холма. К старой церкви, до которой мы так и не дошли. К величественному древнему храму, который некогда возвышался на Чёрной горке, но давно был разрушен людьми и временем. Низвергнутый и уничтоженный,

он всё же незримо присутствовал, питаясь миазмами могильника на дне моря. Осквернённая земля, пропитанная кровью сотен тысяч жертв и зловонием тёмного колдовства, охотно делилась слезами, страданием и ужасом. Я медленно шёл по мерцающему алому коридору, не обращая внимания на каменные осколки под ногами.

Создания ночи выбирались из нор в стенах и следовали рядом. Юноши и девушки извивались в бесноватом танце, заламывали тощие руки, хохотали, визжали, стонали, блеяли и рыдали, заглушая песнь камней. Несимметричные лица призывно гримасничали, а обнажённые тела неестественно складывались и выворачивались. Выкрикивая кошмарные имена, они испражнялись, совокуплялись, падали и шли по головам собратьев.

От грохота и воплей я временами терял слух. Крики многократно отражались эхом от невидимых в темноте стен.

Свод подземелья исчез из виду, когда мы вышли на берег озера. Мутные воды неподвижно застыли, но воздух над поверхностью колыхался. Красный туман подхватил безумный танец окружавших нас существ и продолжил его над озером. Окровавленные призраки танцевали над чёрной бездной, крича и содрогаясь вместе с отвратительной процессией.

У самой воды возвышался алтарь.

Прямоугольный монолит походил на надгробие древнего гиганта. Его поверхность покрывали следы от множества ударов — топоры и мечи тысячелетиями рубили на нём человеческую плоть.

Я осторожно положил Лику на изуродованное жертвенными клинками холодное ложе и снял с неё всю одежду.

Она выглядела совсем маленькой. Хрупкие руки-веточки и белая полупрозрачная кожа — ненужная кукла на дне мусорного контейнера.

Я невольно залюбовался её тонкими губами. Верхняя треснула ровно посередине и припухла, словно после страстного и жестокого поцелуя. Кровь покрывала бледные щёки. Она всё ещё была без сознания.

Я опустил глаза и увидел, что сжимаю в руке большой кухонный нож.

Гвалт вокруг достиг апогея. Существа и камни надрывались изо всех сил. Чёрная поверхность озера за алтарём дрогнула. Из воды поднялось невероятное существо. Оно походило бы на обнажённую женщину, если бы не собачьи лапы вместо человеческих конечностей, гигантский рост и отталкивающий фосфоресцирующий свет, изливающийся от её безобразного тела. Вытянутое лицо напоминало оскаленную морду. Обильная слюна стекала на высокую грудь, которая в других обстоятельствах казалась бы роскошной. Острые возбуждённые соски и неприкрытое лоно вызвали во мне волну звериного возбуждения.

Тварь замерла перед алтарём, раскачиваясь и содрогаясь от нетерпения.

Теперь все ждали только меня.

Я перехватил нож обеими руками, взмахнул и с силой вонзил в тело жены. Лезвие скрипнуло по груди, удар смял рёбра как пустую картонную коробку. Внутри изуродованной плоти что-то глухо забурило. Лица распахнула глаза и, захрипев, выгнулась дугой. Кровь брызнула на брюхо светящегося чудовища, на каменный алтарь, на моё лицо.

Глаза обожгло огнём, я отшатнулся. Тут же раздался гром, заглушивший хохот и неистовое пение.

Стены и пол задрожали. Пыль, булыжники и комья земли посыпались мне на плечи. Я обернулся в сторону фосфоресцирующей твари, но потерял равновесие. Подземелье вздрагивало, камни били по голове, срывая куски кожи. Город над нами терял опору и рушился в воды озера. Я закрылся руками, но очередная глыба — неимоверно тяжёлая и разрушительная — сбила меня с ног и вдавила в плиты подземной набережной. Тьма стала непроглядной, а спасительная тишина поглотила безумный карнавал. Во мраке Тартара сгнули и озеро, и алтарь, и толпы нечисти.

Меня вернул к жизни звонкий треск. Это дребезжала блёклая люминесцентная лампа.

Лампа истерично моргала, вспышки озаряли пыльный захламлённый подвал. Вдоль стен вросли в землю деревянные ящики, валялся ржавый инструмент и пачки рекламных газет. От серых труб веяло холодом. В воздухе стоял тяжёлый запах плесени. Я попытался встать, отрывая руки от липкого, залитого кровью пола.

Лица лежала возле рулона старой ветоши, свернувшись в позу эмбриона. Она что-то сжимала у себя на груди, словно хотела скрыть от посторонних глаз.

Я осмотрелся.

К входной подвальной двери поднималось несколько ступенек. Дверь была открыта. В проёме виднелась беседка, увитая тяжёлой виноградной лозой.

Эта история произошла в древнейшие времена. Прекрасная Атлантида только набиралась сил и не превратилась ещё в окутанную Тьмой землю, поражённую чёрным колдовством. Ледяная Гиперборея, наоборот, дряхлая и клонилась к упадку. А таинственная Меана лежала на дальнем юге и хранила свои тайны.

На самом краю северной земли, на высокой скале, нависающей над бушующим ледяным океаном, в серые мрачные небеса вздымается подобная обгоревшему в демоническом огне персту трупа высокая, собранная из огромных чёрных плит башня, отсвечивающая странными всполохами, то и дело пробегающими по её гладкой словно стекло поверхности.

Безрадостные и безлюдные земли лежат на много миль вокруг — лишь каменные пласты, острые скалы и одинокие равнины, поросшие пожухлой травой, разбавленной тут и там клочками редких кустарников, на чьих кривых измождённых ветвях еле держатся сухие сморщенные листья, потерявшие свой истинный цвет. Холодный ветер — ледяное дыхание севера — о чём-то пронзительно кричит в тоскливой вышине, гоня вдаль хмурые тяжёлые облака, и изредка заплутавшая одинокая птица промелькнёт у горизонта, оглашая окрестности своим безрадостным криком. Лишь печаль, вечная хмарь и одиночество царят на просторах этого края.

Но обитатель башни оттого и выбрал столь удалённое от любого человеческого жилья место. Он любил одиночество и тишину.

На самом вершине башни, в обшитой деревянными панелями комнате, освещаемой подрагивающим зелёным светом толстых свечей из жира демонов мира Натх и сиянием сплетённых из странных мягких волокон фиолетовых конусов, заставленной высокими шкафами, полными старинных книг и древних рукописей, сидел он за огромным тяжёлым столом из окаменелого дерева. Перед ним лежал раскрытым массивный фолиант, от чьих пожелтевших и высохших от времени страниц исходил ощутимый запах плесени и старости. На хрупких листах красными и чёрными чернилами были изображены старинные формулы, тексты множества заклинаний и обрядов, различные пентаграммы и колдовские печати, а также подробные описания ритуалов и существ, неведомых никому на земле, которых можно было призвать из недоступных для человека сфер — Чёрной бездны, Плающего Антара, Каменных лабиринтов Т'х-на'ли и

РОМАН ДРЕМИЧЕВ

ЧЁРНЫЙ

МОНОЛИТ

многих других — неважно, будь то истинные демоны или привычные обитатели тех далёких и таинственных мест.

Колдун — о чём несложно было догадаться при первом же взгляде на сидящего в комнате мужчину средних лет в дорогом шёлковом халате синего цвета, переливающегося тёмными полосами — положил подбородок на ладонь и о чём-то задумался. В его чёрных как бездонный омут глазах появился странный блеск. Что-то в словах книги смутило его, породив ряд сомнений, и он захотел разузнать об этом побольше.

Одинокий обитатель высокой башни закрыл книгу, оставив в нужном месте небольшую, сделанную из тонких полос плотной ткани, соединённых меж собой золотой нитью, закладку, затем встал и направился в соседнюю комнату. Конусы и свечи за его спиной словно по немоу приказу тут же погасли. В новом помещении — небольшой комнате, в которой, не считая узкого резного стула в углу, не было никакой мебели, вспыхнул, залив всё вокруг таинственным малиновым светом, огромный драгоценный камень, висящий в оправе из серых костей под самым потолком.

**«...И ТЬМА БРОДИТ ПО ЛАБИРИНТАМ ИЗ КАМНЯ И
ПУСТОТЫ, ОБЖИГАЮЩАЯ И МРАЧНАЯ. ТАМ, ГДЕ
ИСКРА СОЗНАНИЯ СТАРШИХ БОГОВ ПОРОДИЛА
ИСКУССТВЕННУЮ ЖИЗНЬ...»**

— Что же это значит? — размышлял колдун, чьё имя было Саан. — Я уже сталкивался с тьмой и горячей, и ледяной, в склепах под руинами Индарстана и в гробницах древних родов Шалама. Я видел тьму живую и пожирающую, истекающую кровью и безмолвную... Тханатос — обитатель мрака; я встречался с ним в древних пещерах под проклятым городом Сальтахар... но что означает искра сознания и... искусственная жизнь?

Отведя в сторону занавес из плотной ткани, Саан вошёл в комнату и замер на пороге, купаясь в лучах малинового света. На его худом аскетическом лице без единого намёка на усы и бороду проступило выражение крайней задумчивости. Внезапно его тонкие губы слегка растянулись, складываясь в некое подобие ухмылки, что говорило о том, что он всё же пришёл к какому-то решению.

Достав кусок белого мела из узкой ниши в стене, где, кроме него, хранились сделанный из костей человека подсвечник, усиленный лунным металлом, чей-то абсолютно чёрный череп с отпиленными рогами и несколько замысловатых предметов неизвестного назначения, он принялся чертить на дощатом полу пантакль. Даже невооружённому взгляду было заметно, что здесь часто занимались подобными делами — на полу были видны меловые следы и разводы от стёртых старых изображений.

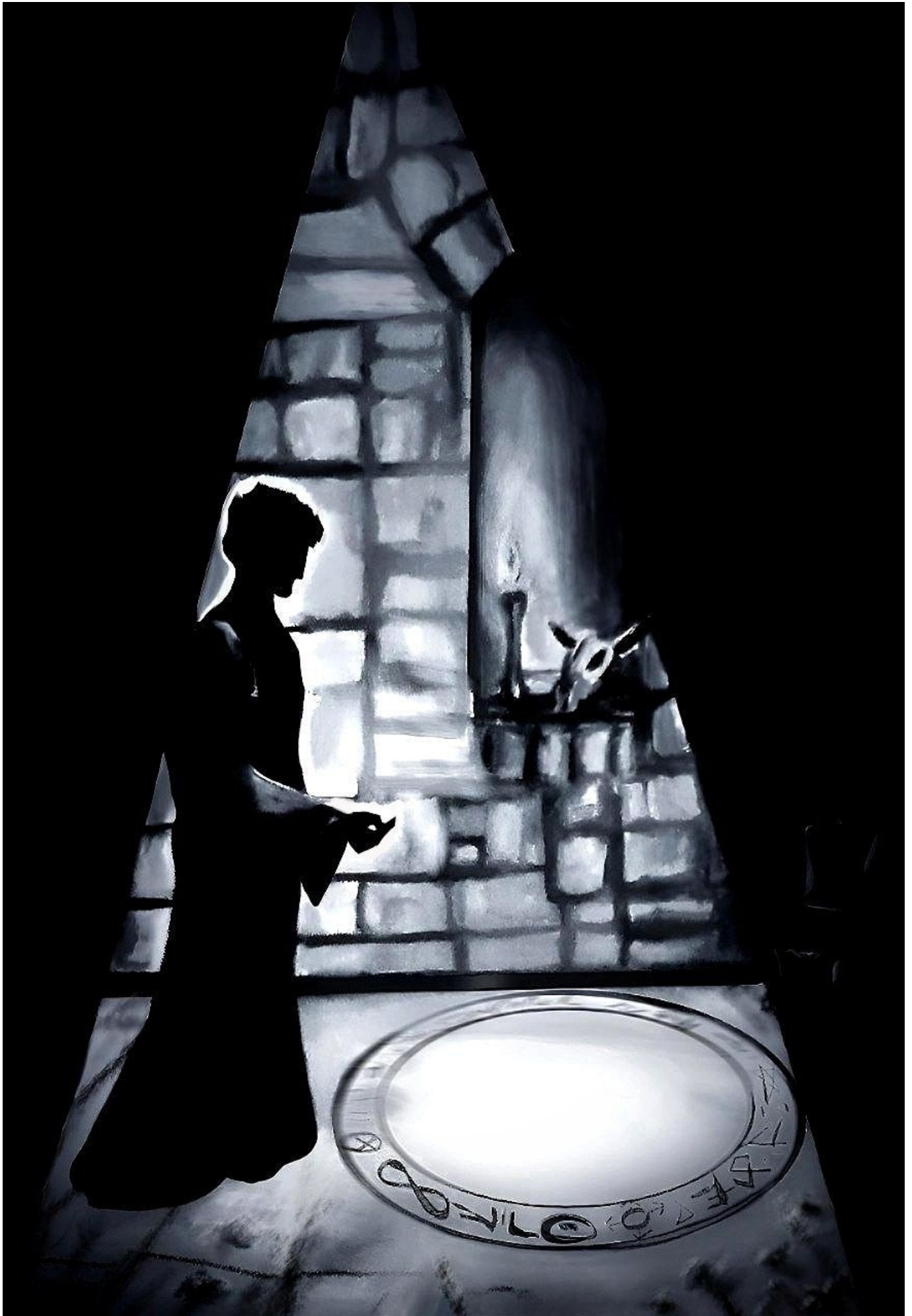
Саан нарисовал круг, указал место силы и точку входа, изобразил знаки луны, солнца, основных небесных светил, властвующих в этом секторе вселенной в данный сезон, затем добавил второй круг, вписав в пространство между ними символы давно забытого языка народа н-горо, общавшихся на нём, как говорят легенды, с первородными богами земли. Снаружи он изобразил несколько печатей божеств и могучих существ, а затем, внутри первого круга — пятиконечную звезду, на концах лучей которой нарисовал символы, чуждые тайным искусствам земного мира — знаки Великой Тьмы и Великой Силы.

Закончив, он окинул оценивающим взглядом своё творение и, удовлетворившись результатом, отошёл к резному стулу, вокруг которого начертил ещё один круг и символы защиты, а после сел, оставив кусок мела на полу у своих ног.

Саан прикрыл глаза и начал читать заклинание. Лишь тихий шёпот его нарушал тишину залитой малиновым светом комнаты.

Какое-то время ничего не происходило. Но вот в центре пентаграммы возникла яркая точка, она расширялась, увеличиваясь в размерах, и вскоре из неё повалил густой чёрный

дым, обжигающее тепло разлилось по комнате, принеся с собой невероятную вонь, будто где-то вскрыли древний склеп, который простоял много лет закрытым на склоне тревожного вулкана. Но колдун не обратил на это внимания, продолжая плести заклинание.

Когда он закончил и открыл глаза, его взору предстало странное существо, скорчившееся в центре пентаграммы. Это был косматый зверь, покрытый густой жёсткой шерстью алого цвета, с длинными передними конечностями и клубком щупалец вместо задних. Венчала всё это похожая на волчью голова, чьи багровые глаза с чёрными точками зрачков гневно смотрели на того, кто посмел вырвать их обладателя из привычного мира и призвать сюда, пленив в защитной прозрачной сфере.

Саану было глубоко плевать на чувства демона; пентаграмма налилась ярким зелёным светом и прекрасно справилась со своей задачей. К тому же, он уже не раз вызывал этого демона к себе и знал, как с ним общаться.

— Хтанг, ты снова понадобился мне.

— Немного времени прошло с последнего вызова, колдун. Чего ещё ты хочешь? — тихий хрипящий голос родился в голове колдуна, в нём чётко различались нотки ярости и гнева. О, как бы демон хотел броситься сейчас на этого человека и разорвать его на куски, вкушать его плоть и испытать его горячей крови, но знаки силы не давали ему сделать это!

— Знаешь ли ты, где находится источник искусственной жизни, порождённой древними существами со звёзд?

В глазах демона заискрился неподдельный страх:

— Это мёртвое место, там нет ничего, кроме мрака и пыльной тишины веков. Ты хорошо подумал, человек?

— Я задал тебе вопрос, отвечай!

— Хорошо. Сейчас ты — хозяин. В землях долины Пнат расположено это место, у обугленного пика, где обитает самый старший из вампиров, на границе рощи теней... — демон на мгновение сник, словно пытался собраться с силами, и вскоре продолжил:

— Там, на одинокой поляне, найдёшь ты то... что так страстно ищешь.

— В долине Пнат? В преисподней Мира Грёз? Ты в этом уверен?

— Да, именно там было сокрыто это знание от глаз всех живых существ.

— Туда можно попасть, минуя лестницы и коридоры Грёз?

— Используй луч Ант и ускоритель Тхаар — и попадёшь в нужное место.

Колдун на мгновение задумался, делая какие-то вычисления в уме. Затем мотнул головой и взмахом руки отправил демона прочь. С гневным рёвом существо исчезло в клубах подсвеченного алыми вспышками дыма.

— Значит, долина Пнат. Хм.

Саан встал и занялся новыми приготовлениями. Он тщательно стёр пентаграммы, достав для этого всё из той же ниши кусок серой губки, на которой виднелись странные символы и синие прожилки. Затем сел прямо на пол посреди комнаты, закрыл глаза и начал напевать необходимые заклинания.

Через несколько мгновений комната в башне колдуна наполнилась мраком. Камень под потолком потускнел и казался сейчас лишь одинокой звездой в клубящейся пустоте. С каменных стен начал срываться белёсый искрящийся туман, и тихие шорохи, скрип когтистых хищных лап и чьё-то утробное рычание слышались из темноты. Заклинание Тхаар переводило астральную душу колдуна по лучу Ант за грань мира смертных, сквозь пелену измерений в область кошмаров и проклятых видений Мира Грёз.

Закончив одно заклинание, Саан начал читать другое — не открывая глаз, он начертил перед собой в воздухе три вспыхнувшие багровым, синим и зелёным светом символа. А после завершил всё странным словом на давно мёртвом языке неземной расы.

Мир вокруг него подёрнулся рябью и медленно растаял. Колдун оказался сидящим на

земле в неведомом месте.

Саан тяжело вздохнул и открыл глаза. Он очутился на краю широкой, окружённой тёмным лесом поляны; стояла глубокая ночь, и в небе плыла синяя луна, заливая всё внизу своим призрачным светом.

Прямо перед колдуном искрились в свете ночного светила мраморные ступени, они вели на собранную из огромных каменных блоков площадку, по краям которой высились резные колонны.

Колдун встал и, с необычайной для его возраста лёгкостью поднявшись по лестнице, направился вперёд. Даже сквозь толстые подошвы сандалий, что он носил, Саан почувствовал обжигающий холод каменных плит, но продолжал идти. Мимо в сумраке проплывали высокие колонны, украшенные на вершине кошмарными гротескными статуями странных существ — не то демонов, не то обитателей древних миров.

Странная аура накрывала это забытое место, затерянное в тумане Мира Грёз. Энергетические потоки пересекались здесь и медленно уплывали прочь, заставляя колдуна ощущать некий дискомфорт. Лёгкие тени скользили следом за ним, скрываясь по ту сторону исписанных загадочными письменами колонн, над которыми хорошо поработало беспощадное время. Несмотря на огромный опыт, Саан неожиданно вздрогнул, когда почувствовал чьё-то незримое присутствие. Нечто, не принадлежащее знакомому ему миру, взидало на него из мрака, лежащего у корней высоких деревьев за стеной колонн, но ничем иным не выдавало своего присутствия.

Где-то через сотню шагов каменная аллея закончилась, оборвавшись у небольшого пруда с зеркальной водой, в центре которого был расположен небольшой островок, а на нём вздымался в ночное небо чёрный монолит. К острову вёл узкий арочный мостик, лишённый перил. Колдун, не остановившись и на миг, спокойной походкой прошёл по нему и замер перед монолитом, внимательно осматривая его.

Станный, непривычный глазу орнамент покрывал чёрный камень. Это было нечто нереальное: извивающиеся структуры, сломанные линии, кривые штрихи — точно перед ним пульсировал клубок переплетённых разъярённых змей. От взгляда на эти переплетения голова шла кругом, сознание путалось. Саан был колдуном, и многое узнал и повидал за свою жизнь. Но сейчас он с трудом держал себя в руках, противясь неведомой слабости и наваждению.

Вот он коснулся монолита рукой. Зачем, почему — он не смог бы с уверенностью ответить. Что-то незримо подтолкнуло его к этому. И, едва его руки дотронулись до холодного камня, всё вокруг изменилось.

Он услышал свист яростного ветра, чьи-то всхлипы, противное хлюпанье и тихий гулкий смех, долетающий издалека. Его сознание в единый миг было словно всосано внутрь монолита, и он очутился посреди бушующего хаоса — огромное тёмное пространство, лишённое звёзд и проблесков света, окружало его. Извивающиеся и покрытые наростами щупальца заматались вокруг колдуна, и там, где они касались его плоти, он чувствовал острую боль, как от попадания сильной кислоты. Саан забился в глухой пустоте, беззвучно закричал, стараясь увернуться от длинных щупалец, но у него это не получилось, гибкие отростки везде находили его.

Это и была искусственная жизнь — теперь-то он понял, о чём были те старинные слова! Он знал этих существ, чей изначальный код был сокрыт в этом проклятом камне.

Шогготы — монстры, порождённые некой неземной расой, кошмарные сущности, чью плоть помогали создавать высшие существа из иных миров и вселенных. А Старшие Боги после Великой войны с мятежными слугами укрыли истину их создания здесь, во мраке преисподней Мира Грёз. Он нашёл то, что искал — а, возможно, ещё и свою смерть. Даже столь могущественному колдуну может не хватить сил в сражении с шогготами — это иная форма материи, протоплазма, наделённая неким искусственным разумом, искусственная жизнь...

И тут Саан разглядел посреди массы змеящихся щупалец, на которых неожиданно вспыхнули сотни глаз, замерцавших зелёными и синими огнями, огромную сферу, отливающую металлическим блеском. Его неудержимо потянуло к ней, повлекло сильным потоком. С трудом уворачиваясь от бьющих во все стороны щупалец, испытывая жуткую боль от их прикосновений, Саан наконец добрался до сферы — это время показалось ему целой вечностью — и тут произошло непредсказуемое.

Он услышал механический мёртвый голос, что-то произнёсший на неведомом языке. Яркое сияние заполнило всё пространство вокруг, затем послышался громоподобный рёв, оглушительный треск и грохот...

Свет внезапно отступил, и Саан, тяжело дыша и истекая потом, осознал, что находится в своём доме, в башне, высящейся над ледяными волнами северного океана. Его одежды превратились в лохмотья, а плоть была покрыта ожогами и кровоподтёками. От него исходил мерзкий запах, и пар клубами поднимался к потолку, как если бы он побывал в неведомой преисподней и едва не сварился там — что было не так уж далеко от истины.

Мотнув головой, пытаясь собрать разрозненные мысли, постепенно приходя в себя, он зачесал опалённые волосы назад, с трудом поднялся на ноги, придерживаясь за стену, и, усмехнувшись, поплёлся в свою спальню — приводить себя в порядок и отдыхать. Вечер этого дня был полон невероятных сюрпризов и откровений.

— Проклятье, шогготы! — воскликнул он перед тем, как отойти ко сну.

Вадим Вербицкий

ЗНАК КОРОЛЯ

В остывших сумерках и призрачном тумане,
Где чернотой лобзает шпиль звёздный свет,
Заката ослепляющий ярится пламень —
Знак Короля, что в жёлтый тлен одет.

И в гемме его перстня, точно в кубке яд,
Сокрыт зловеший блеск скопления Гиад.

· 1 ·

Виктор увидел её в антикварной лавке. Картина сочно выделялась на фоне многочисленного старья изумрудно-голубыми тонами. Он замер перед ней на несколько секунд, залюбовавшись притягательным пейзажем. В свете полной Луны, освещающей большое мутное болото и одиноко торчащий огромный камень, играло множество холодных оттенков синего, зелёного и голубого. На переднем плане деревья и лианы гармонично обрамляли живописный рисунок, создавая природную раму.

Неимоверная древность этих болот очаровывала. Было в этом покрытом тиной валуне нечто такое, что цепляло глаз. Казалось, ещё в те времена, когда Земля была молода, огромный осклизлый камень уже нарушал тихий покой водной глади заболоченного лесного озера. И неизвестно, какие неведомые твари нежились на нём, подставив брюхо мёртвым лучам Луны.

— Вам что-нибудь подсказать? — спросил консультант.

— Э, нет, спасибо, — растерялся Виктор. Он слишком долго стоял, загипнотизированный бледной Луной и изумрудным зеркалом воды. Неожиданный вопрос заставил его вырваться из мрачных грёз и поспешить к выходу из маленькой антикварной лавки, каких полным-полно в центре Санкт-Петербурга. Было морозно; Виктор поднял воротник и зашагал вдоль старого канала на работу. Октябрьское солнце приятно грело спину, но холодный ветер повсюду бесчинствовал в северной столице, напоминая о скорой зиме. Мутные воды канала тихо шелестели, словно выражая своё недовольство осенью.

На следующий день у Виктора был выходной. Картина не выходила у него из головы. Ночью его атаковали фантазмагорические образы, так или иначе связанные с болотом и луной, замшелыми камнями и зелёной тиной. Провалившись в кровати всё утро и пытаясь заснуть, он со вздохом заставил себя подняться. Так не пойдёт, наваждение какое-то. Проще пойти и купить, чем и дальше терзаться, думалось ему.

Впервые ему так запала в душу чья-то картина. Виктор мнил себя ценителем искусства, сам немного рисовал и фотографировал, вдохновляясь тёмными дворами-колодцами, коричневыми водами многочисленных каналов и сумрачной погодой тоскливого Санкт-Петербурга.

Приняв решение, Виктор уже не мешкал. Ули-

ГЕОРГИЙ АКБАА

ХОЗЯИН

ВАЛУНА

ца встретила его иголками холода и белёсыми тенями. Он жил близко к центру и отправился пешком, стараясь не обращать внимания на плохую погоду, вечную спутницу Санкт-Петербурга. Было около нуля, изо рта валил пар, а низкие свинцовые тучи клубились над самыми крышами, будто намереваясь поглотить город.

Чувствовалось, что скоро пойдёт снег. Но до тех пор было не вздохнуть полной грудью, не надышаться. Липкая тяжесть давила на мрачный город. По крайней мере, так казалось Виктору, не любившему затяжную осень. Она напоминала ему о смерти и тщетности человеческой жизни, сравнимой с маленькой снежинкой, которая в один миг истаяла на тёплой ладони, оставляя после себя мокрое место. Битый час проплутав по лабиринту кривых закоулков и мрачных дворов-колодцев, изрядно замёрзший, он вышел к невзрачной антикварной лавке, куда случайно забрёл вчера.

В такой хмурый день в магазинчике царил полумрак. Картина стояла на том же месте у окна и производила зловещее впечатление в сумрачном свете. Луна, словно заплесневелый блин, ухмылялась в небе. Казалось, ещё немного, и он сможет почувствовать исходящие от болота ядовитые миазмы. Лишь усилием воли удалось оторваться от созерцания голубой жижи.

Консультант вопросительно смотрел на него. Слава Богу, сегодня работает другой продавец, который не видел моего вчерашнего нелепого ступора, промелькнуло в голове у Виктора. Сегодня ему хотелось узнать происхождение полотна.

— Жутковатая вещь, — начал беседу Виктор, указывая на картину.

— Но при этом по-своему прелестная, — поддержал беседу служащий.

— Откуда она у вас? — продолжил Виктор, пытаясь скрыть интерес за скупающей миной. По своему опыту он знал, что антикварные вещицы могут быть жутко переоценены. Но бывает и наоборот. Жемчужины искусства за сущие копейки. А в том, что перед ним настоящий шедевр, Виктор не сомневался.

На картине не было ценника, значит, действовало правило аукциона, можно было предлагать свою цену и устраивать торги. Проявив ярко выраженный интерес, он бы дал сигнал консультанту накрутить стоимость втридорога. В уме прикинув наличность, пару дней назад полученную зарплату за вычетом затрат на более чем скромную жизнь, Виктор понял, что располагает суммой в семнадцать тысяч.

Для вида пройдясь по лавке, скупающим взглядом окинув пыльные полки, заваленные столетним хламом, и выждав пару минут, он вернулся к стойке продавца и продолжил начатую беседу:

— Я хотел бы её купить. Три тысячи вас устроит?

Виктор приготовился к долгим и жарким торгам. Он работал в продажах и твёрдо решил не отдавать за картину больше семнадцати тысяч рублей. Но, к его удивлению, консультант согласился на первую же ставку, не предприняв попыток завысить цену.

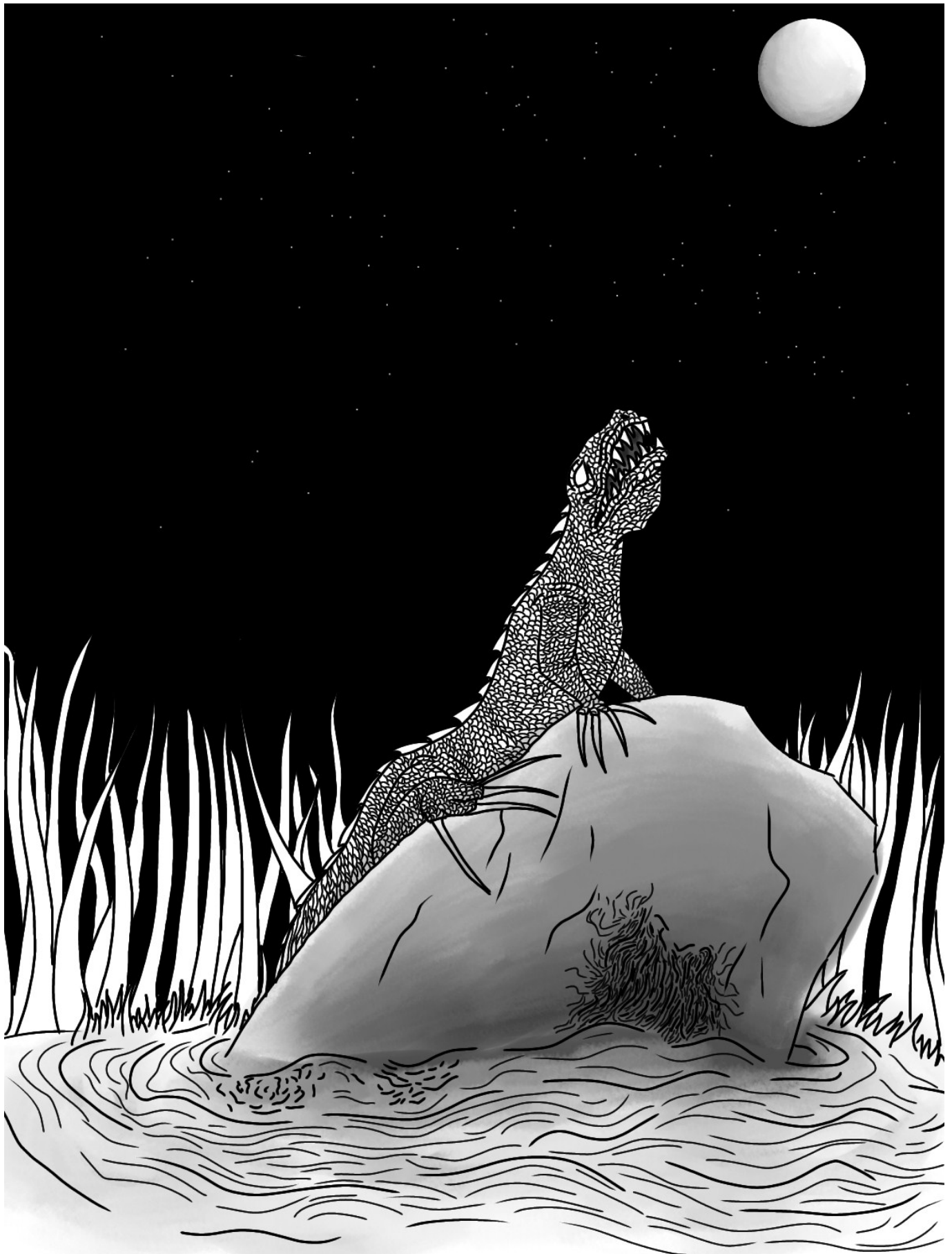
— О'кей, она ваша. Я запаковываю. Заберёте сами или закажете доставку?

— Эм... сам. Мне тут недалеко, — немного растерялся Виктор. — Так откуда же она у вас?

— Давненько она тут стоит. Кто только не порывался купить, большие деньги предлагали. Только потом не возвращались. Забывали, похоже. В общем, так и не приходили, чтобы оплатить и забрать. Ну а мы снимали бронь и пытались продать вновь. И так не единожды, пару лет точно прошло уже... А она всё стоит, красивая и никому ненужная. Начальник наш сказал недавно, чтобы продавали за первую цену, что предложат. Поэтому вам крупно повезло: купить шедевр за бесценок. А кто её принёс — я не знаю. Я устроился работать с год назад. Картина уже была тут. Мой коллега устроился ещё позже меня, в этом он тоже не помощник. Только если директора спросить, может быть, он вспомнит. Правда, его нет на месте.

— Ладно, зайду в другой раз, — сказал ликовавший в душе Виктор. Картина была у не-

го. Ему резко захотелось домой.

· 2 ·

Склизкий валун сиял в свете Луны. Лианы-змеи чуть шевелились от лёгкого дуновения ветра. Пахло застарелой тиной, по зеркалу болота мягко пробегала мелкая рябь. От грязной воды веяло таким спокойствием, что Виктор невольно залюбовался первозданной красотой.

Тут он услышал далёкий многогласный шёпот, словно само болото пыталось что-то ему рассказать. Зов нарастал, но Виктор, начинавший нервничать от зловещих неразборчивых звуков, не мог разобрать ни слова; лишь смутное ощущение неизвестной угрозы почувствовалось в хоре гула над болотом.

В нос ударил резкий, неопишимо омерзительный запах, будто смешались воедино зловонные ароматы тухлой рыбы, мертвецов, гноя и прокисших продуктов.

Вдруг водная гладь начала пениться и бурлить. Отвратительная тварь огромных размеров, покрытая чешуёй, с буркалами, напоминавшими горящие огни жёлтого светофора, цепляясь когтями размером с бивни слона медленно вскарабкалась на валун. Задрав голову, похожую на жабью и крокодилю одновременно, огромная ящерица-жаба раскрыла пасть, усеянную кривыми грязными зубами, и обратила взор на Луну. Глаза монстра засияли ещё сильнее, отражая свет проклятого ночного светила. Вонь стала нестерпимой.

Виктор обливался холодным потом, но отвести глаз от болотного мегалита и его страшного хозяина не мог. Омерзительная и непонятная сцена разворачивалась перед его глазами. Как только волны от огромной неуклюжей туши успокоились, и гладь болота вновь стала зеркальной, Виктор вновь услышал зловещий шёпот. Многоязыкий гул пытался ему что-то сказать.

Взгляд гигантской твари не отрывался от ночного светила. В этот момент она вновь открыла бледно-розовую пасть и неожиданно издала громоподобный рык. Страшный рёв заставил Виктора задрожать и вынырнуть из тяжёлого забытья.

Спасительная реальность. Сквозь занавески пробивались лучи полной луны. Задёрнув поплотнее шторы, не желая видеть ночную госпожу небосвода после такого ужасного сна, мокрый и дрожащий, Виктор поспешил принять горячую ванну. Нужно было согреться и унять дрожь в руках и коленях.

Тёплая вода в ванне успокаивала его. Он расслабился и прикрыл глаза. Тут произошло то, чего он никак не ожидал. По ванне начал разноситься слабый запах болота. Он подпрыгнул как ужаленный, пытаясь найти его источник. Его резко обуяло отвращение к воде, ко всему с ней связанному. Увидев небольшую плесень на кафеле плитки, он схватил щётку и принялся остервенело оттирать небольшие зелёные разводы. В эту ночь ему больше не удалось сомкнуть глаз.

· 3 ·

Бессонница подарила глазам сухой блеск, вычертила вокруг них тёмные круги. Сизосерое утро медленно втекало в комнату, однако солнце так и не вышло. Город продолжал хмуриться, оставшись в сумерках с самого раннего часа. Виктор медленно собрался и понуро поплёлся на работу.

После работы он, несмотря на усталость и холод, долго гулял по набережным, глядя на тёмную воду. На душе было тяжело, организм просил свежести. Облегчение принёс бы первый пушистый снег, который не спешил выпасть на улицы Питера, словно издеваясь, выжидая, когда Виктор сойдёт с ума от опостылевшей хмурой осени.

Придя домой, он вновь почувствовал противный запах плесени вперемешку с каким-то застарелым тухлым запахом болота. Виктор в очередной раз содрогнулся от омерзения, представив, что так пахнет от мертвецов, которых находят на берегу неприметных озёр, болот и рек. Он неистово искал источник запаха, потратив на это остатки вечера. Пугающий запах шёл откуда-то с кухни. Ближе к полуночи он упал на кровать без сил и в мгновение заснул. В эту ночь Гипнос был милостив, и кошмары не терзали Виктора, проспавшего много

часов кряду.

На следующий день отдохнувшему Виктору стали забываться подробности ужасных снов. Если бы не противный запах, воцарившийся на кухне, он был бы в наилучшем настроении. Только эта болотная вонь и завораживающая картина напоминали о тех пленительно-страшных снах.

И всё же где-то в глубине души засела тревожность, от которой хотелось отмахнуться, списав всё на осеннюю усталость и мрачную погоду. Слишком реалистично пугающим был сон. Слишком много страшных деталей, которые засели в памяти. Слишком мерзкий шёпот, от которого холодело внутри.

Виктору удалось вспомнить одно слово, которое часто звучало в хоре болота. *Бокруг. Бокруг. Бокруг.* Интересно, что это за слово такое и что оно означает? Виктор решил разгадать эту тайну. Он сел за компьютер и открыл поисковик.

Ответ нашёлся довольно быстро. Бокруг оказался чудовищно древним зверобогом из рассказа некоего Г. Ф. Лавкрафта «*Рок, покаравший Сарнат*». Имелось и описание этой мерзкой огромной твари: «Шкура его вся в чешуе и морщинах, а удлинённая морда напоминает ужасных крокодилов. Он ходит на согнутых ногах с когтистыми лапами, балансируя длинным позвоночником...»

Однако эта новая информация не принесла облегчения Виктору, а лишь усилила тревожность. Не укладывалось в голове, откуда в его сне возникли образ и имя существа, о котором он никогда не слышал? На это не было ответа. Он решил зайти с другого конца и отправился в антикварный магазин.

На этот раз директор был на месте.

— Добрый день, я на днях купил у вас полотно, там луна над болотом изображена, помните такую? — спросил Виктор

— Да, конечно. Такой шедевр нескоро забудешь, — ответил владелец магазина.

— Вы не могли бы рассказать, как она попала к вам?

— Могу. Её принёс какой-то странный парень. На вид сущий наркоман. Опухший весь. Было лето, жара. Я отпустил своих работников пораньше — а тут он. На вид совсем больной, глаза смотрели сквозь меня, на руках и ногах непонятные волдыри и шишки размером с мячик от пинг-понга. Зрелище, конечно, не из приятных. Но картину я купил, он просил сущие копейки. Сказал, что не помнит, как её нарисовал, но совершенно точно знает, что должен принести её сюда и продать. Я не стал перечить, желая поскорее от него избавиться. От него ужасно воняло тинной. Помнится, я рассчитывал выгодно продать такой шедевр... Жаль, не вышло, славу Богу, что хоть вы купили.

Выслушав историю директора, Виктор попрощался и медленно побрёл домой. Он думал, стараясь связать воедино все факты. Какой-то нарик, начитавшись страшных рассказов, нарисовал картину, вроде бы дело ясное. Но каким образом он смог внушить нынешнему владельцу картины мысли о существе? Заключив, наконец, что это проявление коллективного бессознательного, Виктор пришёл домой.

Мерзкий запах на кухне стал ещё сильнее.

· 4 ·

Помоги владыке.

Он стоял по колено в болоте. Жирные блестящие пиявки впивались в ноги. Хор голосов шёпотом просачивался в мозг, минуя уши. Теперь ему удалось увидеть тех, кто взывал к нему. Уродливые и склизкие человекоподобные существа — тени этих существ — восставали из болота. Их души звали его, просили помощи. Не для себя, а для своего крокодилоподобного владыки, обитающего с незапамятных времён на этом болоте. Вновь по воде пошли огромные круги, и омерзительная голова с пронзительно-жёлтыми глазами показалась из зелёной пучины. На этот раз Виктору повезло больше, и он вынырнул из сновидения до того, как болотный гигант явит себя полностью.

Проснувшись и увидев впившихся в его ноги пиявок, он заметался по ванне, расплёсывая воду в попытках отодрать их от себя. Виктор никогда в жизни не чувствовал себя так омерзительно, тошнота, сжавшая его грудь, не замедлила излиться наружу потоками рвоты. Правая нога страшно опухла и покрылась кровоточащими язвами. Нужно было поспешить к врачу.

Хирург осмотрел огромную опухоль и сразу же категорично сказал, что нужно резать. Виктор согласился. Под местным наркозом он ничего не чувствовал, однако услышал звон, когда медик выронил скальпель из рук от неожиданности. Огромная мерзкая личинка, жирный опарыш около десяти сантиметров в длину извивался в ране. Справившись с удивлением, врач извлёк мерзость пинцетом.

— Никогда не видел ничего подобного, — отметил он.

Виктора охватил шок, он не мог сказать ни слова. В очередной раз его обуял липкий страх от происходящего. «Это всё проклятое болото», — мелькнуло в голове прежде, чем он лишился чувств.

Но мутная вода не собиралась его отпускать. Перед ним расположился огромный валун, бледные тени вновь сбились в кучку на огромном зеркале воды. Их шёпот вновь зазвучал в голове у Виктора.

Прими благословение Древних. Скорми её Великому Бокругу. Помоги нам.

Он увидел, что сжимает огромную извивающуюся личинку в руке. От омерзения он швырнул её в мутную воду. Болото тут же начало пениться. Огромные светофоры-глаза показались над водой, хищно и немигающе наблюдая за большим опарышем. Древняя рептилия сделал рывок, и огромная пасть, кляцнув, захлопнулась совсем рядом с Виктором. Его обдало таким вековым смрадом, что он осознал — это не сон, всё происходит наяву.

Эти огромные личинки были едой Древнему многие миллионы лет назад, когда ему поклонялись и приносили дары жители Сарната. Тысячами Бокруг пожирал их, жирея на бездонном болоте, покинутый своими братьями-Древними, проклятый Старшими Богами, но избежавший плена, как это произошло с ужасным Ктулху.

Бог-ящерица, урча, вновь взобрался на свой валун. Огромная зелёная и склизкая туша обратилась к ночному светилу. Виктор почувствовал неимоверную тоску ужасного монстра. Оно хотело вернуться домой, в отдалённые уголки вселенной, где его ждали бездонные пещеры с подземными озёрами. Но проклятие Старших Богов держало его на этом мерзком болоте.

Врач привёл Виктора в чувство. Он аккуратно зашил рану, воспользовавшись забытьём пациента. Мёртвая личинка, скукожившись, лежала на столе.

Виктор отправился домой. Он решил прочитать «Рок, покравший Сарнат» Лавкрафта и узнал героев своих сновидений, которые сгинули миллионы лет назад и теперь существовали лишь в виде зыбких теней, сопровождающих своего ужасного бога:

«...они были на редкость уродливы, их облик поражал грубостью и отталкивающей необычностью форм, что вообще характерно для существ, появившихся на свет во время зарождения мира. На сложенных из кирпичей колоннах Кадатерона есть надписи, свидетельствующие о том, что населявшие город Иб существа имели телесный покров зеленоватого цвета, точно такого же, как вода в озере, как поднимавшийся над ним туман; у них были очень выпуклые глаза, толстые отвислые губы и уши совершенно необычной формы. Кроме того, они были безголосыми. Ещё на этих колоннах можно прочесть, что в одну из ночей эти странные существа спустились с Луны в повисший над землёй Мнар густой туман, и вместе с ними спустилось на землю большое тихое озеро и серый каменный город Иб. Обитатели серого города поклонялись каменному идолу цвета зелёной озёрной воды, формы которого повторяли очертания Бокруга, огромной водяной ящерицы; перед этим идолом устраивали они свои жуткие пляски в холодном свете выпуклой луны...»

После этого описания Виктор закрыл книгу, не решаясь узнать, что было дальше. Древний бог преследовал его. И это было как-то связано с проклятой картиной. Он сорвал её со стены и бросился на улицу.

Болотистый Петербург, словно зная о его планах, с укори́зной бил ветром в лицо. Серые тучи давили, пытаясь удержать от необдуманного поступка. Запах болота преследовал его всю дорогу до ближайшего канала, пока он мчался бегом по каменным мостовым мрачного города. Виктор, как безумный, подбежал к краю канала, бросил картину в коричневые воды — и, поскользнувшись на липких наростах, отправился вслед за шедевром.

С темнотой пришло облегчение.

· 5 ·

Виктор лежал на спине в грязной вонючей воде, видя где-то высоко над собой решётку ливнёвки. Бокруг даровал ему способность жить в пещерах. А канализация — это почти те же пещеры. С облегчением он понял, что потерял желание бороться. Не мигая, смотря вверх, где сквозь прорези в крышке люка виднелся ничего не подозревающий серый мир, Виктор думал о тёмной стороне сущего. Наивное Солнце и короткий день в любой миг могут погибнуть с приходом ужасных монстров, выжидающих своего часа и набирающихся сил в изнанке вселенной. Наивные, беспечные люди даже не знают, что ночная тьма и бледная Луна замышляют против них.

Теперь он понял, почему Луна — это солнце мёртвых. В сущности, что мы знаем о вселенной? Какие тайны скрывают глубины космоса, и какие чуждые существа могут обитать там, в безымянных безднах, познавшие не свет, а тьму. Его опухшее и раздутое от сотен личинок тело медленно дрейфовало в сточных водах. Но теперь ему было всё равно. Виктору нужно было кормить голодного хозяина.

Антон Денисович Корф свесил ноги с койки и в темноте нащупал туфли. Когда он накинул на себя сюртук, полундру прокричали во второй раз. Пружинящей широкой походкой — качка разыгралась недюжинная — Корф поднялся на палубу, где толпились у правого борта матросы. В воздухе колыхалась ледяная солёная взвесь, с которой ему не удалось свыкнуться за эти месяцы; ветер завывал, о форштевень корабля тяжело бились невидимые волны.

— Что случилось? — спросил Корф у первого встречного, но матрос не одарил вниманием корабельного врача, подтягивая к борту бухту каната.

— Давай, бросай конец в воду! Авось... — хрипло выкрикнули из толпы.

Корф обогнул матросов и боязливо глянул за борт, опёршись на планшир; ноги его танцевали на скользкой палубе, будто сами по себе. В тихом свете фонарей нельзя было разглядеть ничего, кроме нескольких канатов, уходящих в коронованные пеной гребни волн Берингова моря.

— Доложить о происшествии, — властный спокойный голос заставил матросов отпрянуть от борта и выстроиться перед Андреем Ильичом Рудаковым, капитаном первого ранга, кавалером Святой Анны и просто местным вседержителем, повиновение перед которым на корабле было беспрекословным.

Рядом с капитаном стояли мичман Чиковани, юнец, быстро поважневший от близости к начальству, и корабельный секретарь Липгарт, извечный флегматик, весь темперамент которого ушёл в пышный ус. С дальнего края шеренги отозвался не замеченный прежде Корфом боцман Санин.

— Выпал за борт матрос Авсеенко, — громкий бархатистый голос боцмана, способный приласкать и приструнить любого подопечного, как будто в одно мгновение выцвел. — Спасти не удалось, Андрей Ильич.

Капитан снял с головы треуголку и перекрестился, вынудив последовать его примеру ёжащихся секретаря и мичмана. Потом смахнул с блеснувшей залысины влагу, водрузил шляпу на прежнее место и, кивнув, отправился обратно в каюту. Матросы проводили его взглядами и, понукаемые боцманом, стали вытаскивать из воды пустые концы, точно неудачливые рыбаки леску.

— Есть. Есть что-то! — словно не веря в удачу, закричал один детина с красными заветренными щеками.

Тут же к нему на помощь пришли ещё несколь-

ДМИТРИЙ НИКОЛОВ

Чужая

ЗЕМЛЯ

ко товарищей, а боцман, пытаясь разглядеть хоть что-то внизу, свесился за борт. Ноги Санина оторвались от палубы, и Антон Денисович бросился следом, обхватив боцмана за бёдра, как женщину. Матросы сбегались со всей палубы, подхватывая канат; если бы не буря во круг, не пропавший их товарищ, это было бы почти похоже на ярмарочную забаву. В конце концов, шеренга перетягивающих протянулась до левого борта, но, как не старались матросы, их усилия были напрасны.

Краем глаза Корф видел, как канат рубит кипучую соль за бортом, не поддаваясь ни на йоту. Но не успел он удивиться этому странному упрямству, как снасть замерла, заскрипела и начала напротив уходить в глубину. Державшие её матросы сопротивлялись недолго — в изнеможении один за другим они бросали натянутый, точно струна, канат; тех, кому не повезло отпустить вовремя, тащило по палубе следом. С остатка бухты слетало кольцо за кольцом, пока, в конце концов, щёлкнув кисточкой хвоста на ветру, канат не скрылся в пучине.

Длилась эта неравная борьба не более трёх минут, но обессилившие матросы не могли подняться на ноги. Боцман обходил их по одному, говоря слова утешения и крепко похлопывая по щекам. Словами и нехитрыми посулами, вроде стакана вина на ночь, Санину удалось восстановить вахту — остальные отправились отдыхать. Антон Денисович осмотрел у раненых ободренные локти и заножённые пальцы, после чего с чистой совестью отправился к себе. Матросы, однако, не успокоились — сквозь сон Корф слышал, как за тонкой переборкой снова и снова на разные лады они пересказывают друг другу произошедшее, словно все сами не были тому свидетелями.

После восьмой склянки Антона Денисовича опять разбудил неясный шум, хотя полундру не кричали и никто не свистал наверх. Когда Корф поднялся на палубу, только начало светать — холодное северное солнце не спешило появиться, но неясные сумерки перерезал прозрачно-голубой скальпель.

Море почти успокоилось, будто принесённая ночью жертва умаслила разыгравшийся скверный нрав, лишь бежали по его поверхности рядами тихие пенные коньки. Мысль о том, что спрятанная в этой бездне силища способна пребывать в покое, вводила Корфа в обманчивое умиротворение, но лучше было не представлять себе, во что может превратить это благолепие шторм в считанные часы.

Антон Денисович пошёл на тихий гомон, доносящийся с бака. У бушприта сидела кружком дюжина матросов и жарко вполголоса спорила.

— Господа, вы бы совесть имели. Разве вам самим спать не хочется? Что у вас здесь за декабристский кружок? Хотите свергать нашего Андрея Ильича, так я вам потом пули вытаскивать не стану, — Антон Денисович тихо рассмеялся со свойственным ему благодушием.

— Вы, дохтур, смейтесь не смейтесь, а видел я только что погибшего Авсеенко, — худой голубоглазый юнга смотрел на Корфа открыто и прямо.

— Правду он говорит, — добавил, как будто нехотя, седой усатый матрос, сидящий рядом на корточках. — Рядом мы стояли и оба видели — колыхается на волнах наш товарищ, а между пальцев свечка зажата, как у покойника. Митька побежал боцмана кликать, а пока его не было, Авсеенко ко мне голову обратил и подмигнул... А потом под воду провалился!

Антон Денисович посмотрел на Санина, но боцман только пожал плечами — ручаться, мол, не могу, сам не видел.

— Я вот думаю, что просто затосковали вы, как и полагается хорошим товарищам, а с бессонных глаз чего не привидится...

— Не был бы я седой, как чайка, может, и не поверил бы глазам, — скрипнул усач. — Верить вам мне или нет — воля ваша. Только капитану не докладывайте — и без того ему забот хватает. Ходит, как в воду опущенный, из трюма в каюту и обратно.

Корф хотел было поспорить, но решил оставить этих не слишком счастливых и куда менее учёных людей в покое, который их вылечит скорее всякого спора. Ласково попро-

щавшись, он прошёл к корме, убедился, что свет в каюте капитана не горит, и спустился к себе, досыпать. На средней палубе он столкнулся с поднимающимся из трюма Рудаковым, который при виде врача отвернулся, чтобы не встречаться взглядами.

Три дня погода благоволила морякам — волны были ласковы не по сезону, ветер дул исправно, не переставая. Разговоры о произошедшем постепенно сошли на нет — жизнь на корабле вернулась в обычное русло. Вечерами матросы собирались на средней палубе и рассказывали истории из жизни. Кто былички, кто небылицы, кто шутки. Антон Денисович любил постоять поодаль, чтобы не смущать народ своей учёностью, покурить трубку и вполуха послушать, о чём говорят. Впервые в жизни в подобном обществе он чувствовал себя уверенней, чем среди выходцев из своего сословия.

Многочтимый Андрей Ильич хоть и вызывал всем своим видом и заслугами уважение, а всё-таки был замкнут и необщителен. Санин, знавший Рудакова много лет, сказал, что капитан переменялся совсем недавно, когда его приказом отозвали с Аляски, и с тех пор был мрачен, как туча. Заносчивый Чиковани и лишённый чувства юмора Липгарт раздражали корабельного врача против его воли, особо, когда собирались вместе — даже оставаясь замкнутым и бесстрастным, капитан не отменял привычки ужинать в компании старших офицеров.

Следующим вечером, когда матросская балагурня только начинала разгораться — сперва всегда вспоминали рассказанное намере — наверху опять раздались крики.

Пробившись между высыпавших на палубу матросов, Корф оказался у самого борта; вокруг стоял такой гвалт, что ему пришлось закрыть уши руками.

— Живой!

— Точно, Авсеенко!

— Везучий же дурак!

— Етить его в поперёк!

— Слава Богу!

Крики и вправду заставляли поверить своим глазам: посреди ледяной глади Берингова моря качалась на волнах светлая точка, с каждой минутой всё более походившая на человека.

— Этого просто не может быть, — пролепетал врач, — в такой воде и пятнадцать минут не продержаться. — Но голос его утонул в рёве толпы, а сомнения исчезли, как только человек в океане махнул кораблю рукой.

Даже появление Рудакова впервые не вызвало всеобщего присмирения; даже выстроившись на палубе матросы продолжали оглядываться и перешёптываться.

— Докладывайте, Санин.

— Человек справа по борту, Андрей Ильич!

— Опять?

— Да нет же, это Авсеенко, сами посмотрите.

— Не может быть, — Рудаков насупился, но отдал команду мичману. — Право руля.

— Право руля! — завопил в тот же миг Чиковани.

Через десять минут к утопающему, поникшему на обломке старой доски, спустили беседку с матросом. Тот оторвал окоченевшего Авсеенко от спасшей его доски и перебросил через доску беседки. Когда их обоих подняли наверх, корабельный врач был уже во всеоружии.

— Несите ко мне!

— Это не Авсеенко, — раздался обиженный голос юнги.

— Нет. Не он, точно! — вторили ему другие матросы.

— Так что ж теперь, не нести?

Абсолютно голого — из одежды только крест на верёвочке, а под ним увесистый мешочек-ладанка — молодого вполне мужика спустили в каюту Корфа и положили на койку. Врач быстро обмыл застывшее тело, в котором едва теплилась жизнь, вытер насухо и принялся растирать водкой каждый его вершок. Матросы толпились в дверях, тихо перешёптываясь всё время, пока Антон Денисович кутал мужика в одеяла, вливал ему в губы приготовленное заранее лекарство и аккуратно состригал с лица длинные русые волосы. Только когда Корф вымыл руки, они расступились, чтобы врач мог выйти и двинулись следом, не задавая вопросов, молча, как телята. Они беззастенчиво заглядывали в окна капитанской каюты, пока Антон Денисович докладывал Рудакову о состоянии спасённого, и разошлись по местам лишь после деятельного внушения со стороны боцмана.

К утру утопленник вспомнил своё имя, к обеду встал и обрядился в приготовленные для него брюки, бушлат и фуфайку, а к ужину уже порывался выйти к матросам, но был препровождён Антоном Денисовичем в капитанскую каюту, где кроме самого Андрея Ильича находились Чиковани и Липгарт. Рудаков не спешил с расспросами, поэтому ели в тишине. У гостя оказался зверский аппетит. Хотя врач не советовал ему усердствовать, тот хватал всё, до чего мог дотянуться рукой и даже находил в себе силы поглядывать в чужие тарелки. Закашлявшись после предложенной сигары, матрос, никем из присутствующих не перебиваемый, начал, наконец, свой удивительный рассказ.

— Звать меня Василием Фёдоровичем, а сколько лет отроду мне, я знать не могу — со счёту сбился. Слишком давно скитаюсь я по морям, рад и тому, что имя своё да язык человеческий не позабыл. Память моя прохудилась совсем. Одно помню будто вчера, другое — словно и не было этого со мной. На шлюпе, наречённом в честь нашего императора Александра в год его коронации отплыли мы к берегам Америки. Искали место, где хорошо бы русскому владычеству быть, али с кем торговлю свести.

Однако, по несчастью, не доплыв совсем немного до островов, где живут туземные гавайцы, попали мы в шторм. Страшно было, темно, как ночью, хотя ещё полдень не миновал. Волны рушились на палубу с такой силой, что перешибали матросов насмерть. Команда наша, впрочем, трудилась на славу, что нас и спасло с Божьей помощью. Вынесло корабль на скалы у небольшого островка, голого, как коленка. Туземцы встретили нас без великой радости — пришлось застрелить нескольких, дабы подружиться.

Жили они хуже крестьян в Тамбовской деревне, а я-то знаю, я сам из тамошних. Только говорить стал и вспомнил — чудно. Так вот, голые, босые, косоротые, чумазные, живут одной отвратительной человекомордой рыбой, что водится вокруг острова, да травами-кореньями. Корабль наш можно было спасти, но дабы залатать пробойны весьма большие, дерево было надобно. Поблуждали мы среди плешивеньких кусточков и заприметили на дальней оконечности острова рощицу над самым окияном. Едва мы приблизились, без топоров да пил покуда, с одним токмо интересом, как выскочили невесть откуда эти черномазые дьяволы с гиканьем и давай матросов копьями колоть. Так яры были, что даже грома порохового не испугались. Спасибо Господу, подоспела подмога, и удалось нам одолеть их. Оставили мы дозор на опушке да отправились в рощу.

Деревья там произрастали холёные, водой напоенные, солнцем согретые. В обхват рук толщиной, высотой с корабельную сосёнку. Токмо всю эту красоту портила дикость несусветная — меж деревьев селяне мертвяков своих подвешивали, и те сидели, как в качелях, тут и там. Высохшие подобия человеков колыхались у нас над головой, улыбаясь безгубыми ртами, а в глазах у них, как в скворечниках, гнездились крохотные птички. Внизу же, меж корней — бесчисленные подношения: красивые, однако дурно пахнущие цветы, рыбы головы с близко посаженными глазами и растопыренными жабрами, поделки в виде болванчиков, которым они молиться выбрали.

На скале же, над самым морем увидали мы самое огромное дерево. Широкое, в не-

сколько аршин в обхвате снизу, оно вздымалось к могучей ветвистой гриве наверху. Но самое страшное было не в размере его да зловещей вековой коре, испещрённой странными туземными рисунками, а в том, что ветви его, извиваясь самым неожиданным образом, придавали древу зловещее сходство с тварью невиданной. Корни его, толстые, как швартовочные канаты, оплетали уступ и тянулись на десятки сажений вглубь рощи, словно щупала гада морского. Назад, к обрыву, ветви опадали, разделяясь надвое, подобно огромным крыльям, а через переплетение клыкоподобных сучьев глядели на нас ярые неусыпные глаза.

По тому, какая оторопь охватила всё наше товарищество, ясно было, что все мы увидели одно и то же, что наши глаза не обманывают нас. Шутками мы, конечно, развеяли зловещий дух этого кладбища, храбрились, пинали туземные подношения. Один даже снял с человека детское чучелко и убаюкивал его ради смеху. И я смеялся тогда подленько. А всё-таки лучшего оружия против страха нет. Так и сподобились мы приблизиться к идолу да увидели, что глазами служат ему два огромных карбункула.

Один из матросов предложил стянуть их, однако никто не решился, да и сам предложивший заосторожничал. Решили грех на себя не брать — послали за капитаном. А капитан наш был человек строгий, православный. Его чуть кондратий при виде этой хулы не забрал. Приказал он, одним словом, карбункулы забрать, а идола пустить на доски. Тут уже и желающие нашлись — по приказу-то сподручней злодеяничать. Да и я в стороне не стоял, чего уж. Хорошо, однако, что капитан с охраной явился, как полагается, поелику тепереча вся деревня местная кто с чем был, с тем и пришёл на защиту идолища.

Когда дым рассеялся, половина уж, почитай, и не дышала. Остальных свели под охраной в деревню и там сидеть наказали. Покуда мы рубили идолище да рощу, выли они безостановочно днём и ночью, что за пять вёрст слышать было. Работали мы споро — рубили, пилили, строгали, бросали со скалы померших — свежих да чучелованных разом. Пущай не моряки они, однако, лучше по морскому обычаю сухопутных хоронить, чем так на поругание оставить. А дерево не ахти оказалось — всю рощу, почитай, и извели, чтоб оживить наш шлюп израненный.

Стоило нам тимберовку закончить да в лодки забраться, ринулись туземцы к погосту своему наперегонки. Мы, дабы на курс верный лечь, остров обогнули и видали, как они на скале спины гнут да глотки рвут. Ветер долго не шёл, промаялись мы у того острова с течением, опасаясь сызнова на скалы наскочить, не до туземцев стало уже. Только на закате боцман полундрой нас всполошил. Собрались мы все на корме и видим — бросаются эти маляхольные со скалы в море один за другим, а над ними... роща стоит, как ни в чём не бывало. Разошлись мы в тяжёлых странных думах иплыли тепереча с одной мыслью, чтоб от этого острова подальше оказаться.

Однако подумать было проще, чем сделать. Ясное небо южное, ветер в паруса — плыви не хочу — да токмо корабль плетётся по морю, будто один немощный бурлак его тянет. Перебрали мы все снасти, паруса перештопали до самых крошечных прорех — всё без толку. Так и волочились день за днём, покуда не заметили, что правый борт, тот который больше всего от скал потерпел, стал слизью диковинной истекать доска за доской.

Поползла эта ересь по снаружи, а опосля и изнутри, даже в трюме проступила. Мы её вымывали, смолили, токмо напрасно. Следом зараза эта и на левый борт перекинулась, все палубы осалила. Моряки в панике, поскальзываются, чёрта поминают. Пошли капитану жаловаться и застали его с теми самыми карбункулами — сидит, пялится на них, как гимназист влюблённый. Мы давай его тормозить, а он и говорит, мол, грехи мои тяжкие, солгал вам братцы, мы давно уж наугад скитаемся — звёзды на небе переменились, не знаю я их, да и картам в этих морях веры нет никакой.

Тут-то народ не стерпел, в ярость впал. Хотели капитана за борт бросить, да пострашились — всё-таки спокойней при живом капитане, а поквитаться завсегда успеется. Однако с той поры про обязанности все будто позабыли. Капитан перестал из каюты показываться да приказы раздавать. Паруса трепались на ветру тряпками, леера болтались неприкаянные, палубы гноем заплыли по щиколотку. Боцман отпер провизионные кладовые, отчего все

принялись перепиваться, жрать от пуза с утра до ночи.

В первый же вечер зарезали юнгу, да так и бросили на палубе кровью истекать — никому до того не было никакого дела. Только когда спросонья поднялись до ветру, так и заметили, что в киселе поганом болтается лишь одёжа бедолагина, а самого его нет ни волосика, ни ноготочка. Нас, ошалевших от пьянства, тогда не удивила такая страннота — может, кто сжалился да схоронил тело в волнах, а одёжку решил прибрать к рукам. Только следующей ночью пьяный вусмерть боцман вывалился из койки. Тяжёлый плюх многие слышали, да чего спину трудить — небось, сам скоро проснётся. Однако не проснулся боцман, а с утра в слизи плавали лишь брюки, бушлат и ботинки евонные.

Опосля того случая все немного в себя пришли, паруса поставили, слизь, которой понабралось уже порядком, повычерпали. Постучались в каюту капитана, однако тот не отворил. Тогда по своему разумению себе наряды назначили да разошлись по ним. В море тишь да гладь, видать далеко. Я пошёл галюн облагородить, а тут слышу крик и плеск. Обернулся, а там, где прежде матрос палубу драил, токмо пятно водицы морской и водоросля неприглядная. Покуда все метушились, концы в воду бросали да на крик исходили, не заметили, как впереди островок вырисовался. Небольшой, однако, издалека видать.

Взяли курс с грехом пополам и бросились капитана обрадовать. Стучали, стучали — всё без толку. Поговорили — выходит, что капитана уже много дён никто не видал. Вышибли мы дверь тогда, ворвались всей толпой, а он сидит на кресле своём, как сидел, токмо лицо его мертвенно-синее, из ноздрей червяками слизь свисает, а вместо глаз в кровавых заско-рузных подпалинах карбункулы горят. Тут уж началось столпотворение — все будто ума лишились. Ну а я-то не лучше прочих. Спорили, хоронить капитана али так бросить, выкинуть карбункулы али себе оставить. Передрались в итоге, троих в суматохе ножами заколо-ли, а когда вернулись на палубу, того островка, что мы видели, след простыл.

Побросали мы в море всех покойников и капитана, да покуда управились, карбункулы из глаз его пропали. С тех пор корабль как будто шибче по морю пошёл. Паруса висят, а он прёт, словно заведённый, не разбирая, в корму волны, али в борт, да скрипит всеми мослами, будто на ладан дышит. Только проку от того было немного — руля корабль слушаться перестал, а виданный нами остров тепереча объявлялся где придётся. То за кормой, то прямо по курсу, то по левому боку, то по правому. А то и исчезнет бесследно.

От такой оказии матросов вновь обуяло тяжкое безразличие ко всему. Так и сидели все на средней палубе, не видя солнца, задрав ноги подальше от колыхавшейся внизу слизи. Тех, кому не посчастливилось закемарить в гною, пропадали без следа. Без солнышка над головой жизнь стала как один бесконечный день, где все без устали дерутся, пьют, играют в кости, убивают выигравших, а те, кто рискует подняться на палубу, хоть бы до ветру, не вер-таются назад.

Корабль же и вовсе своею жизнью жить стал. Шпангоуты сжимались, будто мы оказа-лись меж рёбер гигантской твари, выдыхающей всё глубже и глубже. Гной более не лежал холодцом под ногами — тепереча он был везде: капал с потолка, карабкался по ножкам сту-льев, по шкентросам подбирался к койкам. Но самое ужас — слизь проглотила весь наш и без того истощившийся провиант. Началась обычная свара среди сильно поредевшей ко-манды — каждый день не досчитывались мы кого-нибудь из матросов. Я нашёл припасён-ный крючок, взял грузило и, смастерив удочку, выбрался на палубу ещё до поножовщины.

Сперва я подумал было, что вышел в ночь — кругом было темно, на небе карбункулами сверкали звёзды крупные, незнакомые. Только меж звёзд, подле серпа молоденькой луны качался серебристый блин солнца, а за ним ещё один — голубой; вдоль горизонта протяну-лась сиреневая окаёмка, а по воде скакали разного цвета отражения. Невозможно было по-нять, в какое время суток или, того больше, в каком мире я очутился.

Стоило мне сделать шаг, палуба затрещала, заскрежетала, завсхлипывала пуще преж-него — доски стали вылетать из неё, как клавиши клавесины. Обернулся я на грохот — кор-ма заламывается. Ринулся от неё, а нос задирается мне навстречу, словно угодил я в огром-ный капкан. Поскальзываясь на гное, перескакивая провалы и увёртываясь от пружинящих

досок, я бросился к борту и, не раздумывая, сиганул вниз.

Не помню, как отплыл я подальше, как вцепился в одну из вырванных досок. Помню только один миг, когда, обернувшись, увидел смыкающиеся циклопические челюсти, оглушительно чмокающие гноющими губами. А после всё низринулось в пучину, и дух из меня вылетел вон.

Проснулся я уж на бережку, обнимая свою доску-спасительницу. Остров, к которому прибило меня, оказался до удивления мал и гол. Саженой пятьдесят, покрытых жёсткой, как щетина у борова, несъедобной травой. И ничего более. На том острове провёл я не менее трёх лет, если разум, конечно, не оставил меня ранее, а по чувству — гораздо дольше. По-перву я считал дни, надеясь на спасение. После, чтоб не отчаиваться, бросил считать.

При мне осталась леса с грузилом и крючком, каким я перед забросом прокалывал свою руку вместо наживки. К великому удивлению нехитрый мой план, рождённый от отчаяния и помешательства, — а никому виденное с моё даром не даётся, — приносил плоды. Раз за разом я торжествовал поклёвке и рвал на себе волосы, поелику море приносило мне никогда не виданных прежде тварей. Состояли они сплошь из костей, обтянутых прозрачной склизкой кожей без чешуи, а морда их из-за близко посаженных глаз и подобия носа страсть как напоминала человечью. И то бы ничего, да на этих костях не было и крохи мяса. Я высасывал из них, дырявя пальцы, гнилостный сок, однако не утолял он ни голода, ни жажды. Скоро я решился выпить морской воды — каковая оказалась не солёной, а горькой — опосля чего впал в бред.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Токмо бред и спас меня. Я долго бродил по острову в беспамятстве, покуда не схватил доску и не стал копать пружинистую, тугую землю под ногами. Едва удалось мне пробить покров, как в маленькой лунке стала собираться розовая кисельная жидкость. Вкусом она походила на разведённую в вине кровь и заменила мне всякую пищу — довольно было зачерпнуть горсть этого киселя, чтоб тебя оставили все чувства, и ты погрузился в равнодушное бдение, когда движение светил по небосводу становится заметным глазу — так споро катятся один за другим солнца, так неожиданно вспыхивают да гаснут звёзды.

Отсчитав таким образом три года, я бросил считать и ждать всякого спасения. Я пил кисель без всякой жажды, через силу, и весь мир вокруг меня вращался бесконечно быстро, вспыхивая в глазах. Я видел сны наяву и мог пощупать рукой стены величественных городов, перед которыми меркнет десятикратно Санкт-Петербург, не говоря о Тамбове. Я видел таких диких и пугающих тварей, что всякого из вас свели бы с ума своими несоразмерными дикими членами, туловами и мордами. Я летал к звёздам и назад, через ночную черноту. Я чувал, как остров подо мной дышит, порой до меня доносились обрывки его мыслей. Страшных мыслей... Однако в один день на горизонте появился ваш корабль и остров ушёл у меня из-под ног, скрылся в океане. К счастью, была со мной моя доска-спасительница, на коей я к вам и прибыл.

Закончив свою странную повесть, Василий Фёдорович добродушно, но с нервными переливами рассмеялся. Следом рассмеялся Чиковани, но грубым, оскорбительным смехом. Все остальные хранили молчание: Рудаков — непроницаемо-задумчивое, Липгарт — равнодушное, словно он взял билет на трагедию, а попал в водевиль, Корф — профессионально-заинтересованное.

— Однако, что с людьми делает безумие! — воскликнул, отсмеявшись, мичман. — Начитался сказок Ершова и в бреду нафантазировал, будто попалась ему собственная Чудо-Юдо Рыба-Кит!

— А может быть, он просто пытался донести до нас философскую теорию о корабле Тесея, где постепенно переменили все старые доски новыми и теперь выясняют, тот перед ними корабль или не тот? — Липгарт отпустил флегматическую шутку в своём духе.

— Вон. Оба. Прямо сейчас, — Андрей Ильич говорил тихо, не поднимая глаз, но Корфу, наблюдавшему сцену со стороны, сразу сделалось не по себе.

— Простите, Андр...

— Вон, Чиковани, или вы разучились понимать по-русски? — зарычал Рудаков.

Липгарт поднялся и, не теряя достоинства, каким он его себе представлял, вышел. Ничего не понимающий мичман щёлкнул каблуками и последовал за секретарём.

— Может быть, вы хотите, чтобы я тоже... — Корф замешкался, полупривстав в кресле.

— Бога ради, Антон Денисович, простите, но сегодня нужно обойтись без болванов, а вы в их число не входите, — досказав, капитан повернулся к спасённому. — Вы отправились в плавание в год коронации Александра. Какого именно Александра?

— Павловича, вестимо, а разве другой был? — Василий Фёдорович казался удивлённым.

— Был. Был за Александром Павловичем «Благословенным» Николай Павлович, а следом уж наш всероссийский самодержец Александр Николаевич, второй своего имени.

Матрос замолк, шаря глазами по потолку, будто вычислял алгебру, а Корф непонимающе улыбнулся.

— Андрей Ильич, я думаю, мы рано потревожили нашего гостя. Совершенно очевидно, что он хоть телом и здоров, но духом ослаб. Классический случай бреда. Позвольте мне проводить...

— Не спешите, Антон Денисович, всё может оказаться не так просто.

— Да как же непросто? Они плавали в южных морях около Гавайев, а мы сейчас у берегов Аляски! Как прикажете объяснить, что этот человек на досочке сюда приплыл через весь океан?

— Чудо-Юдо-Рыба-Кит... — протянул капитан. — Только не думайте, доктор, что здесь двое сумасшедших против одного. Василий Фёдорович, а вам неизвестно, кто же всё-таки стащил те самые карбункулы?

Матрос сжался, как от удара, рука его непроизвольно потянулась к кресту и мешочку, где полагалось быть ладанке. Но Рудаков опередил его, ловким движением сорвав с шеи заветный ковчежец.

— Вы наверняка снимать не стали, Антон Денисович, думали у него там ладанка, а там вот, — капитан вытряхнул на ладонь два крупных, сверкающих даже в тусклом лампадном свете камня.

На матроса было жалко смотреть, но Рудаков более и не глядел на него. Он встал из-за стола и вышел на палубу в пронизывающий северный ветер. Василий Фёдорович бросился следом, не стал отставать и Корф.

— Вы, Василий Фёдорович, ничем не лучше туземцев. За две стекляшки погубили корабль с командой, а теперь... Теперь и нас погубить вздумали? Только я вам этого не позволю. — Рудаков размахнулся и что было силы бросил камни в океан.

Ни слова не говоря, матрос вскарабкался на борт и прыгнул следом. На палубе стояла абсолютная тишина, вся команда застыла на своих местах, наблюдая, как намедни спасённый из пучины, добровольно в неё бросается.

— Прикажете спасать? — тихо спросил изумлённый Санин.

— Не надо, боцман. Продолжайте нести вахту.

К этому времени Василий Фёдорович сумел добраться до того места, куда канули карбункулы, и раз за разом окунался в волны, будто можно запросто нырнуть на дно океана. В один миг под ним разверзлась огромная воронка; вода закипела, затягивая неудачливого ныряльщика в водоворот. Когда всё было кончено, море вмиг разгладилось, став даже спокойнее, чем было прежде.

По возвращении в капитанскую каюту, Рудаков долго молчал, а Корф не хотел нарушать его задумчивости. Наконец, видимо собравшись с силами, Андрей Ильич заговорил.

— Я не открыл бы никому своей тайны, если бы не этот случай, подтвердивший самые страшные мои догадки. Я стал управляющим Российско-Американской компании, или, как звали меня за глаза, губернатором Аляски, довольно молодым мужчиной, но моя безупречная биография и флотская служба не заставят вас усомниться в прежнем моём здравомыслии. Я, в общем, и не терял его до последних месяцев.

Так случилось, что на одной из скучнейших охот в первые месяцы службы здесь, забредя в деревню тлинкитов, мы стали свидетелями варварского обряда — шаман готовил к грядущему жертвоприношению совсем юную девушку, что сопротивлялась злодейству изо всех сил. Родственники отреклись от неё в пользу некоего всемогущего зловещего божества, помогающего туземцам в океане, и никакими уговорами нельзя было заставить их забрать дочь домой. Больше того, попытка освободить её закончилась перестрелкой, став поводом для небольшой войны. Со временем этот случай загладился, а девушка... Она осталась при мне. Так многие делают здесь, но немногие воспитывают потом своих детей, как это сделал я.

Мой Аполлон вырос совсем непохожим на меня — он раскос и коренаст, но я научил его читать, писать и считать. Принявшие его алеуты — более спокойное и мирное племя — обучили мальчика охоте, слежке и жизни в этих неприглядных пустошах. Он взял лучшее от двух миров, и я полюбил его всем сердцем. Отбыв свой губернаторский срок, я остался служить здесь дальше, чтобы не расставаться с ним как можно дольше. Я знал, что, как всякий демиург, ограничен в своих силах — мальчика не приняли бы за своего ни в Санкт-Петербурге, ни здесь. Но, в конце концов, когда мне пришёл приказ о переводе, я решился взять Аполлона и его мать с собой.

Однако, незадолго до отбытия, во время охоты мальчик пропал, а индейцы, сопровождавшие его, погибли. Мои матросы искали его вместе с алеутами, но не смогли найти, и тогда мать Аполлона в слезах бросилась мне на шею. Она сказала, что нашего сына выкрали тлинкиты. Дескать, её кровь осталась непролитой, а, значит, ритуал не был завершён, и теперь они возьмут кровь от её крови. Лишь угрозой объявления войны и огромными деньгами смог я разузнать место жертвоприношения, надёжно спрятанное от человеческих глаз.

Посреди снежной пустыни наш проводник безошибочно указал на сугроб, под которым открылся проход в недра огромного лабиринта. Хоть мысли мои были заняты Аполлоном, я не мог не отметить масштабов этого города, скрытого под поверхностью безжизненной тундры, не оценить его ужасающей красоты. Я и трое верных матросов блуждали по улицам, висящим над пропастью, видели дома без дверей и окон, статуи невообразимых существ и многочисленные засыпанные костями капища, прежде чем нашли, наконец, место поклонения. Стоило спасённому вами утопленнику описать идол, увиденный им на далёком южном острове, и я тут же узнал его, потому как именно такой, только высеченный из камня, высился посреди огромной залы, погруженной в мерцающий сумрак северного подземелья.

Мы застали похитителей врасплох в последний момент и безжалостно перебили всех — жрец не успел пустить в ход ритуальный кинжал, лишь начертал на идоле несколько таинственных знаков кровью Аполлона. В тот миг я не был склонен к суевериям и не придавал этому значения, ведь меня переполняла радость. Однако по возвращении в порт я узнал, что мать моего мальчика сбежала, прознав о том, что ему пустили кровь. С её слов, теперь нам было невозможно пересечь океан, а даже если бы мы добрались до русского берега — Аполлон всё равно погиб бы. Проклятие всесильного бога, властвующего в этих диких, не знавших Христа землях, преследовало бы моего мальчика всюду.

Отплывал я с тяжёлым сердцем, а, чтобы избежать кривотолков, оборудовал для Аполлона небольшую каюту в трюме, спрятанную подальше от любопытных глаз. Тогда я куда больше опасался человеческого возмездия, чем проклятий, всё ещё казавшихся мне суевериями. Однако день ото дня мальчику становилось только хуже. Простите, но вы, доктор, для нас человек новый, почти случайный, и я не решался довериться вам в таком деликатном деле. Теперь же... Теперь уже всё равно. С момента отбытия Аполлона тошнило странной слизью, он грезил наяву и говорил, что каждую секунду чувствует на себе голодный, жес-

токий и всеильный взгляд.

Сейчас я знаю, что проклятие существует. Знаю, что будет дальше. Мы все погибнем, как команда на корабле этого сумасшедшего. Или... Да, пожалуй. Простите, теперь мне нужно поспать.

До утра Антон Денисович не смыкал глаз, снова и снова возвращаясь к давешнему разговору. Всё происходящее казалось ему безумным, абсурдным и пугающе-настоящим одновременно. Весь день капитана не было видно на палубе. Море было спокойно, дул крепкий попутный ветер. Встретившись в обед с Чиковани и Липгартом, Корф узнал, что к ужину их обоих не пригласили. Не уверенный в настроении капитана, Антон Денисович думал было не идти, но Рудаков прислал за ним вестового.

За столом Андрей Ильич не притрагивался к еде, налегая на табак и поощряя говорить гостя. Корф, не умеющий вести пустых бесед, после нескольких неудачных проб разговаривать Рудакова, решил наконец рассказать историю, слышанную много лет назад, после прочно забытую и неожиданно настигшую его бессонной ночью.

— Вы наверняка слышали о Николае Петровиче Резанове, том, что на «Юноне» в Калифорнию плывал? — спросил Антон Денисович, но, не дождавшись от капитана ответа, продолжил. — А мне выпало работать вместе с учеником корабельного врача «Юноны» Лангсдорфа. Старик незадолго до смерти поведал историю моему коллеге, а тот, во время одной пирушки, мне. Я принял тогда этот рассказ за чистой воды анекдот. Злой, несмешной анекдот. Взяли романтическую фигуру Резанова да опорочили, мол. Но теперь я уже не знаю, чему верить, поэтому расскажу вам кратко, как было рассказано мне.

Была у Резанова невеста из испанок, благопристойная католичка Кончита, с которой они сошлись в Калифорнии. Прекрасная душой и телом, Кончита даже учила диких индейцев слову Божьему. Да только, видать, и индейцы взамен кое-чему научили юную девушку, которой от чистого сердца не хотелось разлучаться с возлюбленным, собравшимся в Россию. Что она подсыпала Резанову, колдовала или приносила жертвы, мы теперь не узнаем, но знаем, что тот умер скоропостижно и бесшабашно.

Лангсдорф вспоминал, что, чем дальше корабль отходил от американского берега, тем пуще чах Николай Петрович. Его одолевали слабость, тошнота и дурные сны, ему казалось, что щупальца трогают его глаза изнутри, а в кишках поселился змей. От этого он спешил в Санкт-Петербург, от этого бросился через всю ледяную Россию, чтобы найти спасение у лучших врачей. Все считают, что умер он от тяжёлой простуды, но Лангсдорф утверждал, будто Резанов был буквально съеден изнутри, а в ночь его смерти от бивачного костра метнулась в лес многолапая тень...

Рудаков всё так же молчал, глядя мимо собеседника, казалось, он не слышал ни одного слова, сказанного Антоном Денисовичем. Поняв, что не выдержит более ни секунды молчания, Корф задал вопрос, снедавший его последние сутки.

— Андрей Ильич, вы решили, как поступите с мальчиком?

— Решил. И поступил, — поймав испуганный взгляд врача, капитан опустил глаза. — Не хотел, чтобы вы попытались помешать мне.

— Вы хотите сказать, что... — губы Корфа дрожали.

— Знаете, я счёл бы лучшей наградой отправиться в пучину вместе с Аполлоном, но этот кретин Липгарт пустит ко дну корабль вместе с командой и без всякого чудища. А я не терплю напрасных жертв.

Теперь Антону Денисовичу пришёл черёд молчать; мысли его не могли улечься, как волны под ветром.

— И что же вы собираетесь делать теперь? — вымолвил наконец Корф.

— Не допустить, чтобы эта проклятая, чужая земля оставалась частью России. Конечно, я не стану рассказывать никому ни одной из этих историй — всё равно не поверят. Я от гу-

бернатора до императора дойду и экономикой, математикой им докажу, что в кратчайшие сроки и любой ценой нам следует продать Аляску, а также все американские владения. К счастью, желающих на это дело довольно.

Андрей Ильич замолчал на этот раз окончательно и до конца ужина не проронил ни слова. Когда Корф вышел из каюты, море было абсолютно спокойно, дул попутный ветер. Благоприятная погода держалась до тех пор, пока корабль не пересёк Берингово море и не пришвартовался в российском порту.

Сбежав по сходам на непривычно твёрдую землю, Антон Денисович в последний раз обернулся к океану. На мгновение ему почудилось, что у самого горизонта качается в волнах небольшой островок, но стоило моргнуть, как наваждение это рассеялось.

ень угасал. Пылающее солнце нехотя спускалось к горизонту в безуспешной попытке удержаться на небосводе. Нестественный свет окрасил кровью пики дальних хребтов. Закат напоследок лизнул ледяную пустыню, изрезанную шрамами расщелин и каньонов.

В этот миг случайному наблюдателю могло показаться, что на лице светила проступило нечто... неопишное. Что-то, царапающее душу незримыми когтями чудовищного зла. Впрочем, зритель списал бы это на разгулявшееся воображение, которое пресытилось видами чужеродного ландшафта.

И как бы ни старалось алчное солнце пожрать небо, мириады звёзд упрямо светили с болезненной бесконечности.

Но зомби не обращали внимания на фантастическую картину. Глядя перед собой пустым взглядом, в котором застыл посмертный тлен, один из них бурил лёд архаичным «дробителем». Существо наплевать на подавляющий разум облик пейзажа. Есть только бесконечный труд на лютom морозе под надзором отвратительного светила.

Отлетевшая шрапнель со свистом рассекла униформу оживлённого. На рыхлой плоти распахнулся зев ужасной раны. Кадавр и ухом не повёл, не заметив, что его рука повисла бесполезной плетью. Он только неуклюже попытался продолжить работу в карьере, в котором трудились сотни таких же мобилизованных после смерти.

Ночь не принесла темноты — десятки тысяч звёзд галактического ядра, не гаснущие даже днём, разгорелись ещё ярче. Колючими взорами они впились в мир-гробницу, что умер задолго до рождения человечества где-то на окраине Млечного Пути. Молодой расы людей, ветвь которой по прихоти экспансии оказалась здесь.

И не самый лучший её представитель только что раскурил трубку дорогого табака, обогащённого алкалоидами. Отработанным жестом он достал пульт и набрал серию команд. Браслет на шее работающего зомби щёлкнул и послал импульс по модернизированной нейронной сети оживлённого.

Мертвец тут же бросил бур и безвольно потопал в реконструктивный пункт. Там его быстренько подлатают. Или пустят в расход. Время и живые деньги, продиктованные безжалостным графиком горнодобывающих работ, ждать не любят.

Удалив зомби, Оливер Симпл, главный надсмотрщик, он же начальник смены, попыхивая трубкой, призвал запасного кадавра. Привычная

Василий

Куручкин

Мечта,

ЧТО СТАЛА

ПРОКЛЯТИЕМ

рутина, ничего необычного. Оливер ценил стабильность. А руководство шахтёрской гильдии любило ставить его в пример. Секрет прост — впечатляющий темп выработки и качественная логистика.

И сидя в тепле дежурки, отделённой от лютой стужи стеклом и толстой сталью, Оливер представил, как после глубинного бурения преодолит отметку поставленного плана. А там, глядишь, новая положительная запись в социальный рейтинг и премия. А может, его и вовсе назначат начальником всего рудника. Это поважнее, чем голословные опасения трусоватых учёных.

Свитые в туманные кольца мысли вещали, что он, как профессионал, прекрасно знает о технике безопасности и методах добычи среди льдов переменной плотности, в «текучих» пластах и естественных замкнутых водных резервуарах под давлением. Оливер самодовольно улыбнулся и вновь затянулся.

Из-за удалённости от Аркхэма-7 карьеры инспектировались редко. Поэтому руководители смен частенько были сами по себе. Симпл отлично знал своё дело и обладал авторитетом, который оберегал его от лишних проверок.

Скачки его мыслей прервал сигнал входящего вызова. Пиктограмма «экстренно». Нахмурившись, надзиратель выдохнул желтоватый дым и посмотрел профиль звонившего. Трубка полетела на пол. До побледневшего мужчины дошло, кто был на линии.

Эклексия Астроархеологов, чёрт бы их побрал. Такие организации никогда не звонят так просто.

Терзаемый скверным предчувствием, Оливер припомнил несколько подобных звонков от яйцеголовых, затеи которых хорошо не заканчивались. Точнее, совсем нехорошо. Может, их заинтересовали недавние находки на глубине? А они были весьма... необычными.

Оливер жаждал спокойного дежурства без всяких происшествий, к чему прилагал титанические усилия. Шахтёры, кроме безразличных кадавров, и так взвинчены. За глаза хватало инцидента во второй каверне, замять который удалось с невероятным трудом. Вон сколько здоровья уходит на треволнения, и тут на тебе...

— Начальник смены Симпл на связи, — отчеканил надсмотрщик, борясь с предательскими интонациями.

— Пабло Микац, глава Астроархеологии. Говорю как уполномоченное лицо Градоуправления Аркхэма-7. Прекратите все горные работы. Удалите второстепенный персонал. Ожидайте прибытия объединённой исследовательской группы. Подчёркиваю важность скорейшего прекращения какой-либо деятельности в раскопе. Для обеспечения безопасности к вам будут высланы подразделения полиции специального назначения. Директива с инструкциями выслана на ваш личный номер. С глубоким уважением, Эклексия Астроархеологии.

Оливер задержал дыхание, испытывая головокружение и небольшую тошноту, что были вызваны не только волнением.

— Вас понял, господин Микац. Выполню, — выдавил надзиратель, отмахнувшись от розовых мушек, которых на самом деле не было.

На другом конце телефона воцарилось непродолжительное молчание, которое как показалось Симплу, обжигало холодом космической бездны.

— Вам нездоровится, Оливер? — в голосе появилась родительская забота, обманчивая, как первый лёд на реке. — Может, вы обратитесь к дежурному врачу?

— Всё в порядке, господин Микац, — обливаясь потом, пробубнил надсмотрщик. Он проклинал поспешность, с которой он предался своей неистребимой привычке, явно ставшей зависимостью. — Просто... съел не то. Право, не стоит беспокоиться. Я посету эскулапа, когда буду не так... занят. Дела, сами понимаете.

— Искренне надеюсь, — голос уже был холоднее ветра снаружи. — Наши медики по прибытии проведут профосмотр. Просьба не уклоняться от предписанных мер. Конец связи.

Выйдя из ступора, Оливер с отвращением посмотрел на шипящую ядовитой змеей телефонную трубку. Грязно выругавшись, он с раздражением бросил её. Плакало невыполнение плана. Теперь предстояло попотеть по-настоящему, изображая из себя радушного хозяина. Но сперва нужен медик. Тот, кто может провести кое-какую нехитрую процедуру и умеющий держать рот на замке. За дополнительное вознаграждение, разумеется.

Пабло Микац задумчиво посмотрел на улицу. Пейзаж из огромного панорамного окна на тридцать седьмом этаже башни университета впечатлял, но учёному он уже порядком приелся.

Старинные опустевшие дома, что дышали неразгаданными тайнами. Мемориалы покинутого и опасного города. Последние наследники канувшей в бездну эпохи исчезли безвозвратно, похоронив старые секреты, которые таковыми и останутся. Население, вынужденное жить и работать глубоко под поверхностью планеты, заботило только выживание. Век просвещения угас, и Аркхэм-7 переживает не лучшие времена.

Машинально поглаживая аккуратный шрам, что кольцом протянулся по всей голове, Микац смотрел на горизонт. Там, среди коварных льдов, пряталась цель его многолетних поисков.

Судьбоносное открытие произошло случайно. Всё началось с одного минерального карьера, откуда поступили разрозненные сообщения. Некоторые даже удостоились освещения на страницах «Аркхэм сегодня».

В обширной системе древних пещер открыта новая галерея с необычайно большим количеством останков вымерших головоногих.

Исчезновение подлёдного озера Касмен, на дне которого найден вход в вертикальную шахту в форме октагона.

Приступы бреда у персонала выработки, которые заканчивались кошмарными случаями, лежащими в зоне ответственности Полиции.

Странное поведение воскрешённых, общающихся между собой на фыркающем наречии, в котором сведущие люди различали отрывки леденящих кровь фраз.

Врата из зеленоватого камня, расположенные на дне крупного водоёма Помпилий. Наглухо запечатанные, они скрывались на глубине четырёхсот метров.

Это намекало учёному, что в нескольких лигах от Аркхэма-7 может находиться одна из величайших реликвий всего В'урла.

Забывтый город исконных обитателей планеты. И, пока шли раскопки, Пабло не отпускала тревога. Чем больше новостей с карьера, тем сильнее скребли кошки.

Вскочив с кресла, Микац зашёл в личную библиотеку. Он достал увесистый свиток, в котором содержался перевод из древнейших источников, якобы принадлежащих могущественной расе Йит. И чем дальше учёный читал, тем больше вспоминал то, что было глубоко похоронено в его памяти.

Невероятно, но координаты беспокойного карьера совпадали с положением легендарного города, настолько древнего, что страшно представить. Пабло понял, что это один из Первейших Городов. Город-миф, мегаполис-загадка. Столица огромной области В'урла. Загадка истории и уникальная возможность совершить гигантский эволюционный скачок для всего человечества.

Но есть и обратная сторона.

Это ужасное место. Настолько чуждое, что даже сами йитианцы упоминали о нём с опаской. С изощрённым коварством затаившегося протогорода не сравнится ничто. Ни жуткие руины Саркоманда, ни inferнальные бездны крипт Зина, ни загадочный Нгранек, пик Иных Богов, ни даже обманчивая страна Ксура — край недостижимых удовольствий, усеянный дивными цветами и источающий зловоние кладбищенского моря.

Неверный шаг — и люди обречены на участь неизмеримо худшую, чем смерть. Кто бы мог подумать, что одна из величайших ценностей и опасностей этого мира скрывалась прямо под носом?

Когда учёный вспомнил название этой обители, его охватил ужас. Это она приютила разрушительные силы, родственные той, что упокоилась в глубинах пустынной акватории Тихого океана на далёкой Земле. Люди, сами того не подозревая, всё ближе к ужасной ловушке, о которой ничего не знают.

Великий Боже! Необходимо обуздать всю деятельность на северном карьере! Пока не пробудился чудовищный сверхгород невыразимого кошмара, имя которому — Р'глит. И, наскоро набрав номер начальника смены, Пабло молился лишь о том, чтобы не случилось непоправимое.

Руперт Хаст поднял с земли полицейскую дубинку. Повесив её на пояс, он злобно посмотрел на задержанного. Тот лежал лицом вниз, бесцеремонно придавленный дюжим патрульным. Руперт присел на корточки и встретился взглядом с бандитом.

— Знаешь, Камиль, ты разочаровал меня уже трижды. Первый раз — когда разослал свою пропагандистскую бахвальбу, на которую откликнулась только малолетняя шпана. Второй раз — когда твоё отребье с позором вышибли мои рекруты. Которые, кстати, впервые вышли в рейд. И, наконец, третий раз — сейчас. Оказывается, видок у тебя, мягко говоря, как из ж...

Заплывшая физиономия разбойника исказилась, когда он изрыгнул поток отборных ругательств, захватывающих родню полицейского аж до пятого колена. Лицо Руперта потемнело. Но он не отреагировал на оскорбление преступника, возмнившего себя ещё одним революционером-реформатором. Который, как оказалось, начисто лишён харизмы и неотягощён интеллектом.

Знаком сержант приказал увести пленника, а сам попытался очистить бронированные перчатки от крови и грязи. Преступники сдаваться не хотели. Бой был яростным, но коротким — не слишком показательным для молодого поколения, которое ещё только вступало на опасный путь правоохранителей. В голове офицера пронеслась крамольная мысль, что он соскучился по настоящему делу, где бы потребовался весь его опыт и всё мастерство.

«Мысли материальны...» — Руперт не успел додумать, как тут же услужливо зазвонил коммуникатор.

— Сержант Хаст на связи, — отрывисто произнёс офицер.

— Пабло Микац, глава Астроархеологии, — проскрипел динамик, — простите, что отвлекаю от службы. Я звоню по прямой рекомендации от командного состава Полицейского Управления Аркхэма-7. Пару минут не уделите?

«...что и требовалось доказать», — закончил мысль Руперт после краткого согласия и приготовился выслушать именитого собеседника.

Воровато озираясь, Симпл скользнул в медицинский отсек. Нашёл нужную дверь, постучал. Она отворилась, и перед начальником смены предстала долговязая фигура в хирургическом костюме. Хозяин медблока тренированным взором оценил визитёра.

— Хо! Здравствуйте, мистер Симпл, — поприветствовал гостя врач, старательно скрывая усмешку. — Опять нездоровится?

— В каком-то смысле, — буркнул Оливер, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли, — не откажешь в одной маленькой услуге, а, док?

— Что именно вы хотите? — спросил медик, прекрасно зная причину отнюдь не внезапного визита.

— Не прикидывайся валенком, Рич! — раздражённо бросил Оливер. — Ты как пить

дать уже догадался, что мне надо.

На тонких губах доктора обозначился намёк на змеиную улыбку.

— Разумеется. Вы уж простите, но это моя работа — задавать вопросы. Для уточнения анамнеза, так сказать.

— Если что, я к... ммм... «анамнезу» могу сделать важное дополнение, — надзиратель как бы между прочим засунул руки в карманы своей спецовки, в недрах которой что-то весело звякнуло.

— И я внимательно вас выслушаю, — голос Рича был сам мёд, но его кинжальный взгляд просканировал пространство за внушительной фигурой надзирателя. — Не будем стоять в проёме. Заходите.

Когда дверь закрылась, ещё один силуэт вышел из тени. Неодобрительно покачав головой, человек поспешил к оперблоку. Став невольным свидетелем этой беседы, заведующий травматологией мысленно пообещал покарать нерадивого сотрудника, слухи о сомнительных делах которого всплывали не единожды. Но это пока подождёт из-за страшного травматизма на нижних уровнях.

Ещё немного, и он станет катастрофическим.

Вскоре кабинет вновь открылся. Посвежевший начальник смены тепло попрощался с медиком. Решив деликатную проблему и сосредоточившись на насущных делах, Оливер решительно зашагал к новому раскопу.

Идя по едва освещённым коридорам, мужчина чувствовал себя неудобно. Неровные ледяные стены, ломающие скудный свет, искажали реальность. Симплу померещилось, что в толще льда он увидел нечто отталкивающее. Гигантское паукообразное? Огромный моллюск? Оливер не знал.

На ум пришли рассказы о находках в недавно открытых галереях, которые оказались склепами древних обитателей этой Богом забытой планеты. Конечно, он слышал много разных жутковатых историй, но считал их выдумками. Однако здесь и сейчас...

Может ли оказаться так, что Симпл смотрит на того, чей род вымер миллионы лет назад? Моргнув глазом и присмотревшись внимательнее, надзиратель понял, что его смутило — это были лишь причудливо разбегающиеся в стороны трещины и каверны.

«Привидится же такое!» — подумал Оливер, торопливо продолжив путь. — «Надо подтянуть электриков в эти тоннели...»

— А ну подвинься!

Полицейские с ворчанием и переругиваниями заняли места в тесном транспорте. Когда на своих машинах разместились учёные, экспедиция тронулась в путь.

Пришла ночь. Свет мириад звёзд, усыпавших чёрный бархат неба драгоценными камнями, резал глаза. Проезжая мимо несущих дозор громадных электробашен, Руперт смотрел на бескрайние и безжизненные льды.

Сержант размышлял о том, что их ждёт. Северный минеральный рудник не отвечал на вызовы и молчал уже два часа. Конечно, в раскопе всякое могло случиться. Но глядя, как взвинчен глава Астрогеологии, запросивший подкрепление и заказ на «груз пятнадцать», сержант понял, что в миссии наметились крутые перемены. Попытавшись расположиться удобнее, офицер постарался выгнать ненужные мысли.

Один из патрульных, Геллерт, пытаясь разрядить напряжённое ожидание, затянул неприличную песенку, встреченную смешками ребят. А куплет про Машку-Промокашку заставил улыбнуться и сержанта. Ясно, что «певцу» медведь на ухо наступил, но моральный дух парней немного поднялся.

Машины замедлились. Скрипнули тормоза, и броневики остановились. Опустилась по-

садочная рампа, и под бодрящие приказы командиров бойцы высыпали наружу. Пока они разбивали лагерь, Микац и сержанты собрали совет. После жаркого спора все сошлись на том, что первыми в рудник войдёт четвертое отделение во главе с Вильгельмом. Состоящее из ветеранов многочисленных облав в недра Аркхэма-7, оно было готово к любым неожиданностям.

— Не переживайте. Если что, мы всё уладим, — с лёгкой бравадой усмехнулся рослый офицер со шрамом во всё лицо, сверкнув стальным зубом.

— Нос не задирай, — добродушно фыркнул Руперт, — вот будет потеха, если моим щенкам придётся выручать дедушек.

— Закатай губу обратно. Пока мы заняты делом, согрей чайку к нашему возвращению, — рассмеялся Вильгельм под улыбки бойцов своего отделения.

— Ваш оптимизм радует, — угрюмо вклинился в беседу Пабло, — но отнеситесь к заданию максимально серьёзно.

Вытащив из кейса ряд хитрых устройств, он раздал их полицейским:

— Возьмите с собой эти компасы. Помимо определения магнитных полюсов планеты они содержат карты ледяных пещер. Так вы не заплутаете в лабиринтах. На них отмечены...

Пока тот говорил, Геллерт тихонько шепнул товарищам:

— Наверное, они называются НУНАХ: неведомая учёным невероятная адовая х...

— ... и потенциально опасные участки, поэтому будьте готовы к любым неожиданностям, — закончил Микац под глумливый смех полицейских.

Учёный неодобрительно взглянул на них, но промолчал. Он жестом подозвал пару ассистентов.

— Каждый из вас получит по экземпляру «груза пятнадцать», он же «моногнат».

Микац ухмыльнулся.

— Думаю, вы без проблем разберётесь, что к чему. А сейчас прошу меня извинить.

Когда учёный удалился, ассистенты распечатали большой ящик. С пыхтением они доставали крупные футляры и раскладывали их на столе. Один из сотрудников поправил круглые очки и уставился на столпившихся вокруг солдат взором голодной стрекозы.

— Ну что, доблестные стражи правопорядка, готовы познакомиться с новой игрушкой?

Вильгельм по привычке проверил боезапас. Бойцы методично прочёсывали раскоп. Рудник казался абсолютно пустым. За прошедший час им не попалось ни души. Даже кадавры куда-то подевались. Опустевшие коридоры и переходы, заброшенные административные, жилые и складские помещения были в идеальном порядке. Складывалось впечатление, что все трудящиеся загадочно исчезли. Что заставило более трёхсот рабочих и около полутора тысяч реанимированных деться неизвестно куда?

Перед новым перекрёстком сержант разделил отряд. Обозначив точку будущей встречи поисковых групп, Вильгельм с остатками отряда спустился на нижний ярус, не забывая сверяться с показаниями хитроумных компасов и указателей. Солдат не жаловался на своё умение ориентироваться на местности, но здесь...

Нездоровая аура пещер нервировала. Пол извилистых тоннелей, выдолбленных в толще льда, был ненадёжен. Ответвления, напоминающие норы червей, уходили под наклоном в неисповедимые бездны.

Люди остро ощутили свою уязвимость от низкого стопа и треска движущихся льдов, стука капель, воя ветра, доносящегося из шахт и промышленных шумов гигантских машин. Шутки стихли. Окружающая обстановка, в которой было что-то гнетущее и ненормальное, завладела сердцами людей. Чем дальше они спускались, тем более дикими казались пещеры. Обширные галереи и изъеденные эрозией гроты сменялись отвесными обрывами, в глубине которых стальным блеском мерцала вода. Уходили вдаль коридоры. Расходящиеся

во все стороны, он вели в неизведанный мир, ставший гробницей неисчислимые миллионы лет назад.

Один из полицейских поёжился.

— У меня от этого места мурашки по коже.

Вильгельм фыркнул, маскируя неуверенность.

— Впредь не забивай голову всякой чушью вроде экспедиции к Хребтам Безумия.

Пискнул коммуникатор. Вильгельм щёлкнул переключателем.

— Ратц на связи.

— Сержант! Это Нгаби, — раздался взволнованный голос, — мы вошли в медсектор на третьем ярусе и приближаемся к хирургическому отделению. Чёрт, здесь натуральный бардак! Ничего целого!

— Следы вражеского присутствия?

— Уже нет, сэр. Похоже, тут была крепкая драка. Повсюду кровь. Господи, сколько крови!

Офицер нахмурился. Всё это ему очень не нравилось.

— Слушай мою команду, солдат. Продолжайте разведку местности и ждите нашего прибытия. Своего присутствия не выдавать, противника избегать.

— Вас понял, сэр... — тут голос говорящего на мгновение резко прервался. Встревожившись, Вильгельм послал текстовый запрос, чтобы не демаскировать бойца: «Нгаби, приём!»

— Сержант, один из наших что-то заметил, — Нгаби говорил полушёпотом, — что-то неясное, распозн...

Не успел полицейский договорить, как сквозь шумы помех прорезался новый звук. Как царапанье по стеклу, от которого кровь стыла в жилах. Вслед за ним истошно завопил смертельно напуганный человек.

— Нгаби, докладывай! — рявкнул Вильгельм. Сквозь какофонию криков и треска выстрелов вклинилось пыхтение обладателя рации.

— Контакт с неопознанным противником. Природа неизвестна. Заняли оборону.

— Держись, сынок, мы идём! — крикнул сержант.

Обернувшись к остальным, Вильгельм гаркнул:

— Чего встали, увальни?! Бегом марш!

— Тактическое отступление невозможно, нас окружили. Лекс погиб! — уже на бегу услышал офицер голос солдата, в котором появились истерические нотки. — Боже, оно убивает... Оно пож... Бога ради, скорее! Помогите!

— Отставить панику! — выкрикнул побледневший сержант, но вместо ответа он услышал иное. Крики ужаса сменились смертным визгом. Вскоре они перешли в сдавленный хрип. На краткий миг командир услышал странный звон, что завершился хрустом, и рация умолкла, не считая мерного шума помех.

Едва сохраняя самообладание, борющееся с нарастающей яростью, Вильгельм переключил частоту.

— Всем бойцам. Это сержант Ратц. Контакт с неизвестным врагом в медицинском секторе, хирургическое отделение, третий ярус. Живо туда!

Повторив ещё раз, он набрал Руперта. Пора сообщить лагерю паршивые новости.

Микац был бледнее мела. Крепко сплетя пальцы, учёный попытался унять дрожь. Гибель людей глубоко потрясла его. Обдумывая данные, включающие абсурдные показания биосканеров, Пабло силился понять, что убило несчастных. Сопоставляя сведения из свитка,

он сложил кусочки паззла.

Об исследовательской экспедиции не было и речи. Остаётся лишь запечатать карьер, похоронив просыпающийся кошмар Р'глита, и надеяться на милость Всевышнего.

Руперт и сержант второго отделения Тамборо всю готовились к спуску. Угрюмо проверяя снаряжение и вооружение, они были настроены решительно. Когда Микац захотел к ним присоединиться, разгорелся спор. Полицейские настаивали на поиске выживших и пылали мстостью, тогда как учёный стремился поскорее заложить взрывчатку, чтобы обвалить раскоп.

— Не вернёмся через три часа, — говорил Пабло бригаде подрывников, заложивших заряды на верхних уровнях, — взрывайте всё к чёртовой матери.

Одетые в защитные костюмы, и вооружённые до зубов, бойцы начали спуск. Небо, сплошь усыпанное злыми звёздами, вскоре скрылось за нависающим гротом, ощерившимся алчной пастью. Полицейские безуспешно пытались связаться с Вильгельмом. Когда показались ворота в медицинский сектор, отряд остановился. Руперт обратился к присутствующим:

— С этого момента мы на вражеской территории. Смотрите в оба и не отставайте. Помните, наша задача — спасти людей. И только.

Сержант со значением посмотрел на Пабло:

— И никаких научных миссий. Валим врага, вытаскиваем уцелевших — и дёру отсюда.

Более не тратясь на слова, сержант первым шагнул во тьму медицинского сектора, сняв «моногнат» с предохранителя.

— Взрывчаткой не пользоваться, если не хотите оказаться под тоннами льда, — лишний раз напутствовал Микац, занятый настройкой хитроумного устройства. Похожее на укороченный вариант снайперской винтовки, оно вместо ствола имело три длинных и тонких шипа.

Поймав любопытные взгляды, Пабло пояснил:

— Когда мне придётся применить «тауматихта», держитесь подальше.

В медсекторе словно прошёл ураган. Нервно мерцали уцелевшие лампы, выхватывающие страшную разруху. Двери сорваны с петель, пол усыпан стеклянным крошевом. Один из патрульных присвистнул, когда заметил ампутационный нож, на всю длину воткнутый в потолок. И повсюду блестили тёмно-красные лужи. Неприятный холодок пробежал по спине солдат.

— Донорская, — пояснил один из ассистентов, указав на пластиковые пакеты, лежавшие на полу как выброшенные прибоем медузы.

— Что за безумие тут произошло? — спросил Тамборо, ожидаемо не получив ответа.

— Сержант! — окликнул его один из бойцов. — Я что-то нашёл!

Боец указал на груды тряпья, сваленного в тёмном углу. Когда присутствующие внимательно присмотрелись, они вздохнули от ужаса и отвращения. Куча ветоши оказалась телами двух людей. Обезображенными до неузнаваемости и небрежно накрытыми рваными простынями. Освежёванные и выпотрошенные, они были сшиты между собой хирургическими нитями. Глядя на это кошунство, ледяная волна страха охватила людей. Одного из полицейских вырвало.

Грязно выругавшись, Тамборо с гадливостью сплюнул. Посеревшее лицо Пабло превратилось в маску, а Руперт сквозь зубы прошипел проклятие. В изуродованных телах несчастных он узнал полицейских из отделения Вильгельма.

Какое зло затаилось глубоко подо льдами, пока весь город был в блаженном неведении?

Из глубин лабораторий донёсся стук. Издевательское эхо растаяло в царящем мраке, не

обещая непрошеным гостям ничего хорошего. Руперт ощутил, что он боится. Это был не тот кошмар, с которым сталкиваются люди на полях сражений, а совсем другой, иррациональный страх неведомого, что зарождается в глубине подсознания. Когда инстинкты кричат об опасности, лежащей за пределами человеческого понимания.

Сержант приложил палец к губам, а Геллерту и Маркусу велел следовать за собой. Тихо скользя в темноте с оружием наизготовку, он был готов стрелять в любой момент. Стук повторился, но уже гораздо ближе.

На мгновение осветив коридор, мигнул один из фонарей. Маркус сдавленно вскрикнул, когда мужчины увидели, что притаилось напротив. Свет погас, и полицейские вновь очутились в кромешной тьме.

Влажными пальцами Руперт крепче сжал «моногнат». Разум отказывался верить в увиденное. Через мгновение солдаты услышали стрекотание и влажное чавканье. Ноздрей коснулся фекальный смрад. Что-то неотвратимо, стремительно приближалось к ним сквозь непроглядный мрак.

— Двигаем обратно, чёрт бы его побрал, — прошипел Руперт.

Оттуда, где осталась остальная группа, раздалось жуткое завывание, тут же смешавшееся с какофонией криков. Треск выстрелов разнёсся по всему помещению. Шорох спереди был уже в паре метров от пятившихся патрульных.

Нервы Маркуса не выдержали.

— К дьяволу! — проорал он и открыл огонь. Когда всполохи разрезали тьму, Руперт увидел то, что могло привидеться разве что в ночном кошмаре умалишённого. Змееподобная бестия, сочащаяся синеватой слизью, свесилась с потолка. Она распахнула бесформенную пасть, из которой вывалилось нечто похожее на желудок. На его поверхности проступили лица. Человеческие лица. Распахнув глаза, в которых застыла космическая чернота, они раскрыли зубастые рты, из которых взметнулся пучок щупалец.

Разряды насквозь пробили адское отродье. Чудовище изогнуло тело под невыносимым углом. С омерзительным кваканьем оно нависло над полицейскими, словно готовая к броску змея.

— Вали его! — завопил Геллерт, паля в туловище монстра. Еле соображая от ужаса, Руперт выстрелил в глотку твари. Когда силовые пули разmozжили кошмарные лица, бестия конвульсивно дёрнулась и рухнула на пол. Моментально развернувшись, сержант бросился обратно, туда, где кипел бой.

Крик боли разорвал спёртый воздух и тут же сменился мощным свистом, от которого волосы на загривке встали дыбом. Следом прозвучал хлопок, и прокатившаяся ударная волна едва не сбила солдат с ног. Затем всё стихло.

Перезарядив оружие, Руперт с товарищами бросились к группе. Ворвавшись в зал, они увидели смертельно бледных людей, которые выглядели так, словно заглянули в преисподнюю. Руперт отыскал глазами Пабло. Тот полулежал у стены. Неведомое устройство выпало из ослабевших рук. На немой вопрос сержанта учёный прошептал:

— Со мной всё порядке. Просто... не рассчитал мощность. Зато оно... испарилось.

Теперь Руперт понял, что это был за свист. По сравнению с мощностью этого орудия их «моногнаты» казались слабенькими пугачами.

— Вот тебе и «тауматихт», — просипел вывалившийся откуда-то Тамборо. Со смесью страха, удивления и восхищения он сказал, поглядывая на чудо-пушку:

— А вы, учёные, парни не промах. Знаете толк в оружии.

— Стараемся, — прокряхтел Пабло, вставая с помощью Маркуса. Благодарно кивнув, он сказал:

— Спасибо коллегам из отдела экспериментальной физики. И строго говоря, никакого это не оружие.

Дав понять, что на вопросы он отвечать не намерен, Микац переломил устройство, вытащив из него нечто похожее на катушку. Отбросив её в сторону, Пабло покопался в карманах своего рюкзака и, найдя точно такую же, вставил её на место прежней. Учёный щёлкнул механизмом, напоминающим затворную раму, и «тауматихт» низко заурчал.

«Так я тебе и поверил, — скептически подумал Тамборо, — хрена лысого!»

Поведя краткую переключку, Руперт убедился, что почти никто не пострадал. За исключением Клим, крик которого сержант и услышал — бойцу располосовало руку чем-то бритвенно-острым, но раны оказались поверхностными. После наскоро оказанной первой помощи Клим кивнул, показывая, что он в порядке. Поинтересовавшись, у Пабло, кого тот прикончил, офицер получил невразумительный ответ. Остальные же как воды в рот набрали. Слегка отдохнув и оправившись от потрясения, отряд отправился дальше.

Группа шла мимо отделения травматологии, когда учёный заметил папку с отметкой «Cito», лежащей на полу. Микац поднял её. Среди прочего, в ней оказался дневник заведующего. Бегло просмотрев содержимое, Пабло добрался до сегодняшней даты и начал читать вслух.

«05:15. Утро началось с неприятностей. Опять возрос поток травмированных кадавров, и пришло сообщение о массовом галлюцинозе рабочих на нижних ярусах. Чаше это проявлялось императивными галлюцинациями, из-за которых люди творили чёрт знает что. Пока суд да дело, погибло тринадцать человек. Ещё одиннадцать поступило по экстренке. Из них один летальный, тогда как остальных удалось вытянуть.

07:21. Опять массовый психоз. На этот раз среди работников, занимающихся водоотводом близ подлёдного озера Помпилий. И снова одиннадцать человек, скинув одежду и нанеся себе различные ранения, нырнули в воду. Так как глубина водоёма достигает четырёхсот-пятисот метров, привлечены батискафы. Поиски ведутся.

08:03. Батискафы вернулись после безуспешных поисков. Всё очень странно.

08:50. Вызов неотложки на нижний ярус в третьем раскопе. Прибывшие медики констатировали гибель троих ледорубов, раздавленных ледяными блоками правильной формы. Возможно, они являлись частью некоего сооружения. Мысль об этом захватывает и пугает до невозможности.

11:30. Очередное происшествие: группа солегрузов, упаковывавших сырьё на дне исчезнувшего озера Касмен, провалились в Октагон, куда ушла вся вода. Говорить, что поиски безрезультатны, излишне. Когда я поинтересовался у гляциологов, какой глубины шахта, они просто пожали плечами.

13:16. Пугающее поведение кадавров, прокладывающих дороги в новых галереях. Речь оживлённых содержала зачаточные фонемы, которые складывались в труднопроизносимые слова, то ли «пфнглав», то ли «фхтехн». Есть в них что-то знакомое.

20:03. Случайно заметил начальника смены в компании с анестезиологом. Я знаю, что они давние приятелями, но в поведении Симпла было что-то подозрительное...»

— Так я и знал, — прошептал Микац, перелистывая страницу и не обращая внимания на недоумённые взгляды, продолжил чтение.

«22:01. ...истерия охватила весь рудник. Несчастные случаи участились. Мы уже не справляемся с потоком пострадавших. Кадавры вместо починки ликвидируются в расщепляющих цехах. Но недавно я узнал, что они попросту сбрасывались в шахты. Это грубейшее нарушение санитарных правил, но кого это сейчас волнует...

22:43. Полная остановка производства — все оставили рабочие места и собираются, в основном, у Октагона и водоёма Помпилий, краткий путь к которым проходит мимо медсектора. Некоторые спускаются ещё ниже и исчезают в новооткрытых галереях, уходящих вглубь на десятки, если не сотни миль.

23:10. Вспышки агрессии в медсекторе. Люди предаются ритуалам. Охрана пыталась навести порядок, но толпы кадавров их смели! Всеобщее безумие заражает и медицинский персонал. Куда смотрит Симпл? Я не могу понять происходящего!

23:37. Думаю, что люди столпились около Октагона. Несколько моих подчинённых

тайком покинули посты и смешались с безумной толпой.

24:17. Похоже, что всеобщее умопомешательство достигло накала. Происходящее настолько отвратительно, что глубоко шокирует меня, а видел я за жизнь немало».

Далее почерк становится практически нечитаемым — оставивший записи человек явно был смертельно напуган и очень торопился.

«...это даже не оргия, а резня... Будь проклято наш.... ытство. Живые тени на тысяче-летних льдах... Песни изр.. становятся невыносимым... Леги...ны, что изрыгн... Окт....гон. Я не поним...»

На этом лихорадочные записи оборвались. Микац потухшим взором взглянул на собравшихся. Все в неверии слушали дикую историю, трагический финал которой разыгрался несколько часов назад.

— Во имя всего святого, с чем мы столкнулись? — задал Руперт вопрос, который мучил всех.

Пабло покачал головой. Бесцветным голосом он рассказал людям всё, что знал.

Руперт и Геллерт поёжились, вспомнив стычку с омерзительным исчадием ада. Стало ясно, что точка входа врага — злополучный Октагон.

— ... и нам надо взорвать его, — закончил Микац. Тяжёлое молчание повисло в воздухе. Все понимали, что миссия из невыполнимой стала самоубийственной. О поиске выживших не шло и речи. Руперт с горечью помолился за души сгинувших товарищей.

— Легко сказать! — фыркнул Тамборо. — Хватит ли взрывчатки, чтобы подорвать Октагон? Где гарантии, что рухнувший лёд надёжно его запечатает? Успеем ли мы улизнуть, пока не похоронило и нас?

— У массивов в окрестностях Октагона есть слабые места, — ответил учёный, — подрыв ледяных колонн и сводов чаши исчезнувшего озера вызовет обвал нужной силы. Остальную работу совершат подрывники на поверхности, я изучал чертежи. И нет никаких гарантий. Не факт, что мы вернёмся. Ещё вопросы?

Маркус с досадой выругался.

— Ожидаемо. Но как добраться до Октагона? Скорее всего, подступы к нему кишат нечистью.

Руперт вскинул винтовку.

— Будем пробиваться с тем, что есть. Выбора нет.

Покинув филиал ада, в который превратился медотсек, люди спускались по тоннелям к мёртвому Касмену. Чем дальше они шли, тем сильнее проявлялась чудовищная порча.

Изуродованные тела и их останки попадались всё чаще. Пещеры масляно блестели алым. Нечестивые знаки и уродливые пиктограммы резали взгляд. Воздух смердел смертью и разложением. Жуткие тени проносились в боковых ответвлениях или в бездонных провалах. Тяжёлый треск многотонных пластов льда, словно хруст ломающихся костей, сводил с ума.

Внезапно из пропасти выстрелило длинное щупальце. Сплетённое из нитей тьмы и усеянное кривыми крючьями, оно обвилось вокруг Геллерта и сдавило его со страшной силой. Полицейский закричал от невыносимой боли. Дьявольское щупальце на глазах опешившего отряда тут же исчезло, утащив жертву, душераздирающие вопли которой постепенно затихли где-то вдали.

Позади группы с мерзким хлюпаньем шлёпнулась студенистая масса. Выпростав мечущиеся конечности, она поползла к окаменевшим людям. Гротескное подобие головоногого с чертами иглокожего, тварь издала царапающий звук, перешедший в звон.

Выйдя из оцепенения, полицейские открыли огонь. Когда с десятков пуль прошло утробу бестии, она с щебетанием осела. И перед тем, как превратиться в сизое и едкое облако, существо в предсмертном пароксизме плюнуло в полицейских. Лишь отточенные рефлексy спасли патрульных, уклонившихся от смердящего сгустка слизи. Тот угодил в спину учёного, сражающегося с тварью, напоминающей офиуру-переростка. С диким криком аспирант выгнулся дугой, когда яд растворял его заживо. Воспользовавшись моментом, чудовище спеленало его в кокон и уволокло в темноту.

Могучий свист вновь сотряс воздух. Несколько созданий, вид которых осквернял мироздание, превратились в дым, когда три световых копья врезались в гущу стаи. Щёлкнув тумблером, Пабло проорал сквозь шум:

— Они поняли нашу цель! Октагон уже близко!

Ещё рывок — и поредевший отряд помчался сквозь кошмар, ломающий рассудок. Вскоре запыхавшиеся люди выбежали в просторный зал, в конце которого виднелась огромная впадина. Они добрались до Касмена. Но от низкого гула, поколебавшего свод пещеры, выжившие упали на скользкий лёд. Отвалившиеся от купола сталактиты падали смертоносным дождём. Один из гигантских зубов пронзил зазевавшегося патрульного.

Спасаясь от убийственных снарядов, люди забивались под естественные карнизы и козырьки. Ещё одного полицейского раздавила многотонная глыба. Разбившись на куски, она покати́лась к озеру, оставляя кровавые полосы.

Стая гибких чудищ, напоминающих каракатиц и белемнитов, выскочила из нор. Они тоже нашли свою смерть, оставляющую выбоины в девственном льду. Когда обвал прекратился, остатки отряда вышли из укрытий. Преследователей не было видно — твари нападать не спешили. И вскоре стало ясно почему.

— Рад вас видеть, друзья, — раздался булькающий голос, заставивший Руперта похолодеть. Он развернулся, уже зная кого, или что увидит.

Из темноты вышло жуткое существо. Рослое, крепко сбитое, в остатках военного костюма, оно ухмыльнулось. Тонкий рот оскалился двумя рядами неровных и острых зубов. Серая с голубым отливом кожа и выпученные глаза глубоководной рыбы не стёрли черты человека, которого знал сержант.

— Особенно тебя, Руперт, — произнесло создание, бывшее Вильгельмом Ратцем, — всё-таки ты со щенками пожаловал в гости к дедушкам.

Из прилегающих трещин стали вылезать порождения ночного кошмара. Сотни ужасных тварей, ранее бывших людьми, а также кадавры плотной толпой высыпали на лёд и окружили отряд. Несколько изуродованных зомби на паучьих конечностях подошли к Вильгельму, держа несколько трофейных «моногнатов» как дубины. Похоже, об истинном предназначении устройств они не догадывались.

— Вот она — благодать Р'гли́та. Примите её — и познаете вечную жизнь, в которой зоны — лишь миг, а вся мудрость человечества — не более чем первый бессвязный вопль младенца.

Ситуация была патовой. Микац шепнул Руперту, стараясь не реагировать на нецензурную ругань Тамборо:

— У нас только один путь. Прикройте меня и дайте шанс приблизиться к краю впадины. Там я взведу заряды. Отвлеките от меня... их.

Руперт кивнул. На слова времени не осталось. С боевым кличем Руперт и Тамборо повели бойцов в последнюю схватку. Они проиграют бой — но остановят войну.

Вильгельм злобно зашипел. Отработанным жестом вскинув уцелевший «груз пятнадцать», бывший сержант прицелился и выстрелил. Эффект превзошёл все ожидания: прибор, который закоротило от влаги, взорвался. Ослепительная полусфера мгновенно испарила незадачливого стрелка и десятки тварей.

Воспользовавшись преимуществом, полицейские со свирепым рёвом ворвались в толпу

мутантов. Полилась кровь. Микац же бежал к Касмену, отгоняя особенно шустрых тварей короткими выстрелами. Видя, что они всё же поймали его в кольцо, Пабло обречённо взглянул в сторону котловины. Жалкие несколько метров! Вход в ад был совсем рядом!

Помолившись, учёный взвёл гранаты. Щёлкнув рычаг перегрузки «моногната», Микац торопливо убрал его в сумку со взрывчаткой и швырнул её к провалу. В последние секунды, что ему остались, Пабло ощутил пустоту.

«Словно написал докторскую, ещё не веря, что сделал это». Глупая мысль, но учёный улыбнулся, впервые за это тревожное и полное невзгод время.

Андрей Бородин
Dreaming

Вновь слышу я подземные тамтамы
Во снах своих. Неумолим их ритм.
И дымом расточились тетраграммы,
Что я в бреду на тело наносил.

Их рокоты ко мне затем явились,
Чтоб сообщить: грядёт воспрянья день.
Я глянул в шар хрустальный — тот разбился;
Но я успёл узреть нездешней твари тень!

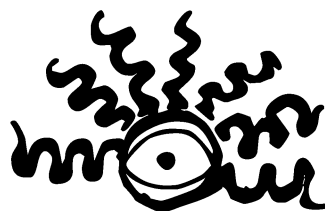
Твердят тамтамы: вскоре рухнут стены
Его гробницы, скрытой в глубине,
И Он восстанет из эонов бездны,
Восставив древний хаос на Земле.

Вновь люди станут вольны и безумны,
Как прежде кровь наполнит океан.
Навёл секстант на солнц нездешних луны —
Те строятся в тропу к иным мирам!

Пусть грезит Он, покоен и забвенен,
Но сон тревожен — зыбка стала твердь.
Тамтамы возвещают пробужденье
И душ земных бессмысленную смерть.

За гулом еженощным слышен шёпот
На языке, что мёртв леодры лет.
То — грёз Его заветных смутный отглас.
Я, вняв ему, прозрел — исхода нет!

Я знаю: скоро в явь проникнет рокот.
Я на тот день припас мгновенный яд,
Избегнуть чтоб сил Древних и Далёких,
Что за Землёй из Пустоты следят.

Тридцать первого октября, вечером, накануне дня своего рождения, Алексей Перовский пришёл в гараж. Завёл двигатель чёрного «шевроле-тахо», но из гаража так и не выехал. Потому что никуда ехать и не собирался. Просто сидел за рулём, слепо таращился в обшитую вагонкой стену, время от времени прикладывался к горлышку «Столичной». Пил, как воду, не закусывая. В салоне машины гремел блэк-метал, динамики рвались от сатанинского рыка вокалиста. Но даже inferнальные песнопения *Slaughtercult* не могли заглушить тонкий омерзительный писк и слабый, пробирающий до дрожи, шорох, несмолкаемое шуршание острых коготочков, скребущихся где-то там, внутри черепа...

На следующий день Алексею должно было исполниться сорок; дома его никто не ждал. Только призраки.

Призраки и кошмары.

О смерти брата я узнал от Эдика Розина, его друга детства и армейского товарища. Он где-то раздобыл мой номер, позвонил мне, рассказал, что Алексей отравился выхлопными газами в гараже. Без подробностей, разумеется, он и сам их не знал. Это я самостоятельно домыслил, уже потом, много позже. Я всегда отличался богатым воображением, не то что конкретные парни Алексей с Эдиком.

На похороны я не поехал, тогда мне было просто не до этого: как раз в те дни у меня разразился свой собственный персональный кризис. Одна из моих студенток стала жертвой маньяка, а её подруга, наверное, от сильного расстройства (других причин я не вижу), бездоказательно обвинила меня в домогательствах. Эти облыжные обвинения немедленно подхватили мои недоброжелатели, которых я имел немало, и раздули скандал, уничтоживший мою репутацию. В тот момент я ещё пытался противостоять нападкам и никуда отлучиться не мог. Да и не хотел, если честно: мы с Алексеем не поддерживали особенно тёплых отношений. Мы были сводные братья, то есть, братья как бы только наполовину.

Полгода спустя я не без удивления узнал, что брат завещал мне свою квартиру в Зареченске и прочую собственность. Мать Алексея эмигрировала в Канаду ещё в конце девяностых, отец умер несколько лет назад. Других близких родственников, чтобы оспорить мои права наследования, не нашлось. И я вернулся в Зареченск, в надежде избавиться от непреходящего чувства тревоги, что угнетало меня последние месяцы. Может быть, мне

СТАНИСЛАВ

РОМАНОВ

КРЫСЫ В ГАРАЖЕ

удалось бы заново собрать свою жизнь из тех жалких обломков, что у меня оставались. Я подумал, что судьба сжалилась надо мной и подарила ещё один шанс. Я ошибся, жестоко...

Впрочем, стоит вести историю по порядку, как полагается – с предков. Это значит, надо начинать с отца, потому что матери у нас с Алексеем были разные. В общем-то, не такая уж редкая жизненная коллизия: люди порой разводятся, женятся по новой... Моя мать в конце концов тоже развелась с отцом. В третий раз он так и не женился.

Отец зарабатывал тем, что копал могилы на кладбище. Не знаю, как правильно называется эта профессия. Могильщик? Нет, не представляю такую запись в советской трудовой книжке. Наверное, просто землекоп. А ведь прежде он работал в милиции. Как и дед. Но в год смерти Андропова дед, который к тому времени уже был на пенсии, погиб во время пожара на даче. Говорили, что он сильно пил. Говорили, что это был несчастный случай. Отец же был уверен, что дачу подожгли. Бабушка рассказала, будто незадолго до пожара к деду навещались какие-то незнакомые, странные люди — то ли татары, то ли цыгане... Не пойми кто, короче. Однако бабушка к тому времени уже часто заговаривалась, а иногда видела чужих людей прямо на собственной кухне, так что никто, кроме отца, не стал вникать в её рассказы. Расследования толком не было. Отец сперва тоже запил, потом вдруг уволился из милиции, пошёл работать на кладбище. Лёгкостью нрава он никогда не славился...

Долгое время мы с братом практически не общались. Виделись раз или два, по инициативе отца. Он отчего-то был уверен, что мы подружиться. С чего он так решил, ума не приложу. Помню, что было жутко неловко, словно меня заставляли помириться с главным забиякой в классе, только что расквасившим мне нос. В школе мне часто доставалось — и от одноклассников, и от ребят постарше. В конце концов родители перевели меня в другую школу — как раз в ту, где учился Алексей. Тогда-то я и узнал, что, оказывается, весьма неплохо иметь старшего брата. Особенно такого, как Алексей: он был на два года старше, учился в восьмом классе и ходил в секцию самбо, где уверенно борол всех соперников. Кроме Эдика Розина, неоспоримого городского чемпиона среди юниоров. Спортивная карьера приятелей закончилась внезапно, три года спустя, после жестокой драки в одном из развлекательных клубов, где под раздачу попали не только дерзкие джигиты с Северного Кавказа, но и наряд милиции, прибывший для наведения порядка. И Алексею, и Эдику уже было по восемнадцать; обоим светил взрослый срок. Они предпочли военкомат, как раз шёл весенний призыв. Через неделю оба оказались под Рязанью, в учебке ВДВ, а срочную закончили в Приштине, имея за плечами реальный боевой опыт. Потом был контракт — и вереница горячих точек в далёких жарких странах. Йемен, Эритрея, Уганда... Повидали всякого. Где-то в экваториальной Африке Эдик подцепил неведомую тропическую болезнь, что едва его не прикончила. Потерял почти двадцать килограммов веса, домой возвратился чуть живой, даже родная мать его не сразу признала. Алексея же родной отец и вовсе не узнал; он к тому времени уже вообще никого не узнавал, доживал последние недели в специализированном доме-интернате. С утра до вечера сидя перед бубнящим телевизором, он тряс головой и бормотал путанные истории про людей, приходящих из-под земли. Алексей две недели пил по-чёрному, потом продлил контракт и отправился в Сирию. Пробыл там год, приехал обратно совсем другим человеком. Словно с того света вернулся, сказал мне Эдик. Он, наверное, и не догадывался, насколько был прав...

Переезд мой был быстрым, до крайности похожим на бегство. В квартиру, что раньше принадлежала брату, я вселился шестнадцатого июля. Даже ремонт не сделал, как собирался поначалу.

В принципе, жильё и так было вполне хорошее — по местным стандартам, разумеется. С моей прежней питерской квартирой эта не шла ни в какое сравнение. В любом случае, о перемене я не жалел, к прошлой жизни мне уже невозможно было вернуться. Квартира располагалась на верхнем этаже кирпичной пятиэтажки, всего две комнаты, не обременённые лишней мебелью. Я с удивлением обнаружил в одной из комнат книжные полки; Алексей никогда не представлялся мне книголюбом. Моё удивление стало только сильнее, когда я

внимательнее рассмотрел стоявшие на полках книги. Там не нашлось ни детективов, ни фантастики, вообще никакого бульварного чтения. Только солидные тома по древней истории, мифологии и оккультизму, причём большая часть на иностранных языках: английском, немецком, даже арабском... Я предполагал, конечно, что не очень хорошо знаю своего брата. Однако, судя по всему, знал даже меньше, чем мне казалось.

Дом стоял в конце улицы, на окраине. Из окон, выходящих на южную сторону, открывался вид на поросшие редколесьем пологие курганы, что были насыпаны в незапамятные времена, в годы монгольского нашествия, если не раньше. Дикие степные воины пировали там после успешного набега, водрузив помост на тела поверженных врагов, черепа побеждённых служили им пиршественными чашами. С тех пор минули века, но и поныне среди зареченских мест пользовалось дурной славой, причём без особых на то причин. Просто ходили невнятные слухи, что в тёмное время суток на курганах лучше не появляться. Якобы там иногда пропадали люди. Помню, мальчишками, мы пересказывали друг другу всякие леденящие душу истории о пронизывающих древние курганы потаённых подземных ходах, где бродят полчища прожорливых крыс, а в смертоносных ловушках гниют останки незадачливых кладоискателей. Такие наивные детские страшилки...

Свои собственные вещи я отправил контейнером, но он заплутал где-то в пути. Вполне возможно, что на безызывственной станции Дно. Хорошо, что всё самое нужное я взял с собой: «самсонит» с документами и ноутбуком, на котором хранились наброски будущей книги, посвящённой конфликту Наполеона с Лафайетом и другими масонами. И, конечно, я не оставил своего верного пса — ягдтерьера по кличке Черныш.

С самого первого вечера мой пёс чувствовал себя беспокойно на новом месте, но тогда я не придавал этому особого значения. Признаться честно, я просто слишком устал. Сказалось напряжение последних месяцев, связанная с переездом суета, да и сама поездка выдалась нелёгкой. Я лёг спать засветло, не разбирая постели, и буквально провалился в сон без сновидений, словно в тёмную полынью. Кажется, я слышал какой-то шум в соседней комнате, но был не в силах пошевелиться. Причину ночного беспорядка я выяснил утром, когда нашёл на полу комнаты изгрызенную и разодранную в клочья книгу. Это было репринтное издание «*Die Namenlosen Kulte*» некоего фон Юнцта, усилиями Черныша приведённое в совершенно негодный вид. Я не мог взять в толк, как пёс добрался до книги: ему бы пришлось прыгнуть довольно высоко и выхватить том зубами прямо с полки. Раньше за Чернышом не водилось страсти к подобной акробатике. Я строго отчитал его, а пёс при этом смотрел на меня с таким обиженным видом, что я сам почувствовал себя виноватым. Книга и в самом деле была гадкая; даже короткий взгляд на обрывки страниц вызывал внезапное отвращение и тошноту; чудилось, что полчища готических букв ползают по бумаге, как мерзкие насекомые — и как будто даже слышался едва различимый шорох.

Пересилив себя, я сгрёб обрывки в пакет и убрал на антресоли. Мне подумалось, что нести их на мусорку не следует, их непременно нужно сжечь. Потом, при случае, в каком-нибудь укромном месте.

Прибравшись, я взял Черныша на поводок и отправился на прогулку по окрестностям.

Странная штука: в большом городе я чувствовал себя спокойнее. По крайней мере, так было до недавнего времени. Среди толпы абсолютных незнакомцев никому ни до кого нет дела. Здесь же было совсем не так. Как только я вышел во двор, то оказался под любопытствующими взорами новообретённых соседей: старушек, сидевших на лавочке, молодых мамаш, катавших коляски. Все они прервали свои пустые разговоры и смотрели, как мы с Чернышом идём по асфальтовой дорожке вдоль дома. Я не мог отделаться от тревожного ощущения, что даже дети наблюдают за мной из теремка, стоявшего посреди игровой площадки. Я был уверен, что расслышал произнесённые громким шёпотом слова про «ту самую квартиру».

По другую сторону дома, через дорогу, располагался обширный пустырь, занятый под автостоянку. А дальше, за пустырьём и заброшенной стройкой, был гаражный кооператив. Тот самый, где в крайнем боксе до сих пор стоял чёрный «шевроле-тахо», за рулём которого

Алексей свёл счёты с жизнью. Гараж и автомобиль теперь тоже принадлежали мне. Я пока не решил, как лучше ими распорядиться. С одной стороны, это была наиболее зловещая часть полученного мной наследства. К тому же у меня не было прав, водить машину я не умел, и гараж мне был вроде как без надобности. Но с другой стороны, некогда этим самым гаражом владел мой отец. Он сам возвёл эти стены и крышу, подрабатывая на строительстве каменщиком. Двадцать лет держал здесь свой «жигуль-копейку». Когда стало сдавать здоровье, оформил дарственную на Алексея. «Копейку» Алексей сбавил за гроши, он мог себе позволить машину получше отцовской. Ну а я привык обходиться общественным транспортом и такси.

Погрузившись в воспоминания об отцовском гараже, я направился именно в ту сторону. Такое со мной случалось и раньше: порой я уходил в свои мысли так глубоко, что не осознавал, куда несут меня ноги. Забрел в такие места, что потом и сам не мог понять, зачем там оказался. Схватившись на полпути, я повернул обратно к дому. В гараж я всё равно не смог бы попасть, у меня не было с собой ключей. Собственно, я их даже ещё не нашёл, потому что пока не разобрался толком в вещах Алексея, что хранились в квартире. Именно этим я надумал заняться по возвращении, посвятив упоительному, как настоящий детектив, процессу весь остаток дня. Прерывался лишь затем, чтобы покормить Черныша и перекусить самому. Обнаружил несколько примечательных вещей вроде плетёных амулетов, коллекции жутковатых резных фигурок из тёмного дерева и прочих безделушек самого экзотического вида. Самым любопытным предметом был кривой арабский кинжал. Судя по внешнему виду, очень старый: костяную рукоять покрывала сеточка трещин, потёртые кожаные ножны были в тёмных пятнах. Но обоюдоострый клинок был бритвенной остроты. В старинном оружии я не разобрался. Как, впрочем, и в современном. Однако стоило мне взяться за рукоять, в ушах прозвучало арабское слово, произнесённое голосом Алексея. *Джамбия*.

Ключей от гаража я так и не нашёл.

Ночью я видел сон, значение которого смог истолковать не сразу. Мне снилось, что на вершине кургана, под призрачным светом Луны, виднеется фигура в длинном тёмном плаще и широкополой шляпе. Крысолов из старой мрачной сказки. Он медленно кружился на месте и наигрывал на губной гармонике тревожную мелодию Эннио Морриконе. Никто не пришёл на его зов, только я. Он обратил ко мне лицо мертвеца, посмотрел чёрными ямами глаз. Я узнал в нём своего брата. И проснулся от собственного крика.

Была глубокая ночь. Луна, похожая на череп древнего бога, умершего миллиард лет назад, сардонически скалилась с мрачных небес. Но на вершине кургана не было никого. Или я просто не мог никого увидеть.

В коридоре тихонько повизгивал Черныш, скрёб лапами закрытую дверь комнаты, где хранились книги. Он был чем-то взбудоражен, как будто чуял кого-то — там, внутри. Я встал с постели, подошёл к нему, присел рядом, погладил по голове, чтобы успокоить. Пёс умолк, повернул ко мне морду и посмотрел в глаза, словно спрашивая: неужели ты не слышишь?

И тут я услышал.

Мерзкий крысиный писк. Тонкое скрежетание маленьких коготков, от которого мороз шёл по коже. Шуршание и возню стаи грызунов, мечущихся по полкам и стенам.

Я сидел на корточках перед закрытой дверью, обнимая Черныша за шею, и чувствовал, как волосы шевелятся у меня на голове.

А крысы бесновались. Что-то звучно шлёпнулось на пол, какой-то увесистый предмет. Наверное, одна из книг, опрокинутая с полки.

Черныш утробно зарычал, он был прирождённым охотником на крыс. Я решился. Поднялся, распахнул дверь в комнату и хлопнул ладонью по выключателю, зажигая свет.

В комнате не было никого. Ни единой отвратительной твари.

Лишь одинокая книга лежала на полу подле стены.

Черныш рванулся вперёд и яростно вцепился в книгу зубами. Мне пришлось приложить изрядные усилия, чтобы её отобрать. «*Observations on the several parts of Africa*» не за-

служила настолько сурового обхождения. Держа в руках пострадавший фолиант, я недоумённо озирался по сторонам. Обычная комната, стены оклеены обоями, рисунок на которых имитировал каменную кладку, пол застелен ковролином песочного оттенка. Никаких щелей, где могли бы скрываться крысы. Голова у меня шла кругом. В квартире явно творилась какая-то чертовщина, с которой следовало разобраться тем или иным способом.

Я сунул книгу на ближайшую полку, не разбираясь, там ли было отведённое ей место, и отправился в другую комнату за своим ноутбуком. Подобно большинству современных людей, я привык черпать сокровенные знания из интернета.

В ответ на первый запрос о том, как справиться с нашествием крыс, я получил тонну рекламы крысиных ядов и услуг дератизаторов. Такой очевидный и совершенно нерелевантный результат. Я стал уточнять критерии поиска, варьируя ключевые слова. В итоге дошёл до крыс-призраков. Так и завершил ночные бдения на сайте *YourGhostStories*, где люди, столкнувшиеся с паранормальным, делились личным опытом. Чтение было весьма увлекательное, но совершенно бесполезное.

Днём позвонил Эдик Розин. Долго что-то мямлил, зачем-то расспрашивая, как я устроился на новом месте. Я отвечал уклончиво, не понимая, к чему он ведёт. А он вдруг принялся рассказывать мне свой сон, привидевшийся прошлой ночью. Когда он сказал, что ему приснился Алексей, я затаил дыхание. Однако у Эдика был другой сон, не тот, что у меня. Он снова выносил из гаража тело Алексея; всё было точно так же, как в тот проклятый день прошлой осенью. Он бормотал и всхлипывал, и я наконец сообразил, отчего у него заплетается язык. Эдик был нетрезв.

И всё же я спросил, не знает ли он, где Алексей мог хранить ключи от гаража. Эдик ответил, что ключи, скорее всего, до сих пор хранятся в полиции. Было же какое-никакое расследование, даже дознаватель в гараж наведывался.

Связываться с полицией, чтобы истребовать ключи, мне не хотелось категорически. Эдик как будто догадался, о чём я задумался. Помедлив, он прибавил, что у него есть запасной комплект ключей. Алексей ему дал, руководствуясь какими-то своими соображениями. Это было недели за две до того, как...

Я сказал, что зайду к нему через полчаса. Эдик снова замялся, потом, отчего-то понизив голос до шёпота, предложил встретиться через час, где-нибудь на улице. Я немного удивился этой его странности, но возражать не стал. Мне нужно было лишь заполучить ключи от гаража, напрашиваться к Эдику в гости я не собирался.

Мы встретились возле автостоянки. Эдик был небрит, под глазами набрякли мешки; одежда его имела весьма непрезентабельный вид, словно пару прошлых ночей он спал не раздеваясь. Черныш, обнюхав его облезлые кроссовки, презрительно фыркнул и помотал головой. Без лишних разговоров Эдик протянул мне ключи. Длинный стальной ключ от ригельного замка выглядел в точности как тот, которым пользовался ещё мой отец. А может, это и был тот самый ключ.

Я поблагодарил Эдика ещё раз и даже извинился за причинённое беспокойство. Он в ответ только махнул рукой, затем спросил, когда я собираюсь осматривать гараж. Я сказал, что прямо сейчас. Эдик предложил составить мне компанию. Я согласился, подумав, что если у меня возникнут вопросы, связанные с автомобилем или гаражом, можно будет тут же их и задать.

У меня были некоторые нехорошие предчувствия насчёт гаража. Я опасался дурного запаха, связанного с разложением и смертью. Но, как оказалось впоследствии, бояться следовало совсем другого.

Когда мы пришли, я принялся возиться с замком, пытаюсь отпереть его одной рукой, а другой придерживая на поводке Черныша, который тянул меня прочь. Эдик, посмотрев на мои мучения, забрал у меня ключи, сам отпер гараж и первым вошёл внутрь, чтобы зажечь свет.

Большую часть гаража занимал чёрный внедорожник, припорошённый тонким слоем

пыли. А пахло здесь как во всех гаражах и автомастерских. Правда, к обычному коктейлю из ароматов бензина, моторного масла и резины примешивался ещё один, посторонний запах, который я не мог распознать. Черныш, принявшись, негромко заскулил. Эдик недовольно скривился. Я шикнул на пса, и он послушно сел, замолчал, но продолжил беспокойно вертеть головой, как будто к чему-то прислушиваясь.

Я обошёл автомобиль кругом, открыл водительскую дверцу, заглянул в салон. Странно, в замке зажигания так и торчал ключ, хоть сейчас садись и поезжай. Я озадаченно посмотрел на Эдика. Он истолковал мой взгляд по-своему и предложил прокатиться по окрестностям. Мой ответ, что я не умею водить машину, изрядно его удивил, он не мог поверить, что такое возможно.

А Черныш, между тем, стал проявлять всё более заметное беспокойство. Даже Эдик обратил на это внимание. И теперь я понимал, что тревожит моего пса — я слышал то же, что слышал он.

Крысы. Целая орда гнусных отродий, визжа и царапаясь, бесновалась за деревянной обшивкой стен. Они как будто прибывали из неведомой дыры где-то под потолком и всей оравой низвергались в бездну под полом.

Я почувствовал дурноту, хотелось зажать уши руками, но я подозревал, что это мне не поможет. Это было какое-то безумие. Однако меня поразило, что Эдик словно и не слышал этого крысиного шабаша. И всё же, должно быть, он что-то понял по выражению моего лица. Он спросил, что со мной. Ответить я не успел.

Черныш не выдержал, пронзительно залаял и метнулся под машину. Эдик от неожиданности выдал нецензурную тираду. Я наклонился, чтобы посмотреть, куда делся пёс. Разглядел только какой-то тёмный провал, откуда доносился злой лай. Кажется, это была смотровая яма или что-то вроде того. Вряд ли Черныш смог бы самостоятельно оттуда выбраться.

Эдик предложил выкатить машину из гаража, чтобы можно было беспрепятственно спуститься в яму. Мы раскрыли обе створки ворот, затем Эдик сел за руль и вывел автомобиль наружу. Я подошёл к краю ямы и посмотрел вниз. Черныш скрёб лапами деревянный настил на дне ямы, показывая мне, что нашёл нечто, заслуживающее моего внимания. Спустившись в яму по приставной лестнице, я подошёл к Чернышу и присел рядом.

В крайнюю доску настила была вбита стальная скоба, так, что получилось подобие ручки. Это был люк, закрывающий вход – куда? Я не знал, и не был уверен, что хочу знать. Я подозревал, что тайны, скрывающиеся внизу, меня не обрадуют. И ещё я боялся встретиться с крысами, теми злобными тварями с красными глазами и острыми зубами, поджидающими меня в темноте. Я медлил, в странном оцепенении сидя на корточках возле люка; из щелей между досками сквозило сырым холодом.

А потом в яму спустился Эдик, тоже увидел люк и немедленно предложил его открыть. Мне бы следовало отказаться, но я был не в силах сопротивляться одолевшему Эдика любопытству.

Я намотал на кулак поводок нервничающего Черныша; Эдик поднял крышку люка. Перед нами открылся мрачный зев уходящего вглубь подземного хода. Неужели его прокопал мой отец, в одиночку? В это невозможно было поверить.

Эдик достал из кармана маленький светодиодный фонарик, посветил в тоннель. Ступени, вырезанные в глинистой почве, терялись в непроглядной тьме. Насколько можно было понять, подземный ход вёл в сторону курганов.

Могло ли быть иначе?..

Эдик, похоже, совершенно протрезвел. Он сказал, что глупо лезть в тоннель прямо сейчас, никак не подготовившись. Я вздохнул с облегчением. Но Эдик, конечно, уже не мог просто забыть увиденное, им овладела идея исследовать подземелье. Он сделался буквально одержим, ведь он, как и я, в детстве тоже слышал истории про спрятанные под курганами клады. Я сразу понял, что Эдик не отступится. Мы договорились продолжить на следующий

день.

Этой ночью я снова видел Алексея. Он сидел в кресле возле окна и в пепельном лунном свете был почти как живой. Я лежал в постели, неподвижный, сам едва живой от сковавшего меня ужаса. А мой брат рассказывал мне истории всю ночь напролёт, в коридоре подвывал Черныш, проклятые крысы бесновались в соседней комнате за закрытой дверью, и тяжёлые книги падали с полок...

Утром я подобрал с пола «*De vermis mysteriis*» и «*Cults of Ghouls*» в английских переложениях Роберта Блоха, а также анонимный русский извод «*Книги Эйбона*» с лиловым штампом спецхрана НКВД на обложке. Каждый том был раскрыт на иллюстрациях, изображавших самые ужасные и отвратительные из древних мистерий. Я расставил книги по местам и стал готовиться к предстоящей экспедиции. Меня угнетали предчувствия самого мрачного характера. Я взял с собой большой аккумуляторный фонарь и старый арабский кинжал. Затем кликнул Черныша, и мы отправились навстречу ожидающей нас страшной тайне. Меня будто направляла неведомая сила, и она была неодолима. Я был уверен, что финал нашей семейной драмы близок, и я должен до конца отыграть роль, отведённую мне судьбой.

Эдик Розин приехал к гаражу в компании ещё одного ветерана горячих точек. Его фамилия была Баталов. Оба были одеты в одинаковые комбинезоны серо-стального цвета с эмблемой местной охранной фирмы на рукаве. Баталова Эдик взял для подстраховки: условились, что он останется в гараже и будет поддерживать с нами связь по рации. Как теперь мне было известно, Эдик имел некоторый опыт исследования старых подземелий: в Йемене он побывал в катакомбах Безымянного города. Тогда он был вместе с Алексеем...

Далее мне придётся тщательно подбирать слова, которые не вполне способны отразить произошедшее. Потому что далеко не всё из того, что я увидел и пережил, возможно описать словами. Таких слов попросту не существует в человеческом языке.

Итак, мы снова отворили люк, закрывающий вход в неведомую преисподнюю. Тоннель, прорытый в сырой глинистой почве, был узок, здесь едва можно было развести локти. Эдик пробирался первым, подсвечивая себе путь мощным светодиодным фонарём. Я тащился следом, увлекаемый вперёд своим псом, в котором проснулся охотничий азарт предков, лававших по лисьим норам. Я смотрел только себе под ноги, стараясь не споткнуться на неровных ступенях. Каждый шаг давался мне с огромным трудом, я словно погружался во тьму, похожую на холодную чёрную воду. Наконец я погрузился во тьму с головой, она захлестнула меня, залилась в нос и горло, я захлебнулся ею...

Видимо, на некоторое время разум мой помрачился. Память не сохранила, как мы выбрались в другой, более широкий, горизонтальный тоннель. Вне всяких сомнений, он был проложен очень давно — десятки, быть может, сотни лет назад. Крепи, подпирающие свод, обросли отвратительными наростами склизких грибов, тлеющих в темноте гнилым зеленоватым светом. Не исключено, что воздух, насыщенный тяжёлыми испарениями, вызвал у меня подобие галлюцинаций, так что я не вполне уверен в реальности своих видений и не могу поручиться за абсолютную достоверность дальнейшего рассказа.

Внезапно Черныш рванулся вперёд сильнее обычного, и я не удержался на ногах. Свалившись на пол, усыпанный крысиным помётом и прочей дрянью, я выронил из рук фонарь и выпустил поводок. Черныш в ту же секунду умчался дальше по коридору; я слышал его заливистый лай, затихающий во мраке. Мой спутник обругал меня грубыми словами и резко велел подниматься. Прежде он не говорил со мной настолько непреклонным тоном. Я подобрал фонарь, встал и кое-как отряхнулся. Мы отправились дальше.

Вскоре тоннель повернул и сделался шире. Мой спутник остановился, поводя лучом фонаря из стороны в сторону, и вновь разразился самыми чёрными ругательствами. Однако дрожь в его голосе выдавала едва сдерживаемый страх. Я встал рядом и тоже огляделся, подсвечивая себе фонарём. От увиденного меня тоже пробрала сильнейшая дрожь, я всецело

проникся охватившим моего спутника трепетом.

По обе стороны коридора на равных расстояниях друг от друга в стенах были проделаны неглубокие ниши высотой приблизительно в человеческий рост. И в каждое из углублений были помещены мумифицированные останки неких существ, которые, при определённой схожести с человеком, совершенно точно не являлись людьми. Их длинные руки, больше похожие на когтистые лапы, их уродливые приплюснутые черепа, их выпирающие челюсти с торчащими клыками не могли принадлежать представителям человеческой расы. Монструозные мертвецы стояли в этих нишах, выставленные напоказ, подобно экспонатам палеонтологического музея. И я понял, что вижу могилы. Мы проникли на чужое кладбище.

Мангасы. Это было одно-единственное слово, которое повторял мой спутник, трясущимися пальцами нажимая кнопки рации. Ответа не было, в динамике слышалось только змеиное шипение. Ничего не добившись, он с фанатическим жаром схватил меня за рукав и потащил за собой – всё дальше, вперёд. Несмотря ни на что, возвращаться обратно он явно не собирался. Я сунул свободную руку под куртку и нащупал рукоять кинжала. Я не сомневался, что оружие скоро мне понадобится, хотя и не был уверен, что оно мне поможет.

Наконец мы оказались в подземном помещении, настолько огромном, что лучи фонарей не достигали противоположного края. Гирлянды светящихся грибов свисали с потолка, и всё вокруг виделось призрачным, словно во сне. Я мог различить пологое возвышение посередине, к которому вели широкие ступени. Вокруг алтаря стояли чёрные столбы, на которых были высечены лики существ настолько отвратительных и ужасных, что при одном взгляде на них слабели ноги, и появлялось желание пасть на колени. Пасть и ползти, вымаливая пощаду...

Где твоя честь, капитан Розин? Посмеешь ли ты подойти к алтарю и заглянуть в бездонный колодец в его центре? Колодец, полный ужаса и стигийской тьмы...

Не стоило тебе сюда приходить. Здесь, под землёй, обретаются хтонические существа, чей возраст больше всей человеческой истории. Их называют Древними. Также бок о бок с ними живут такие жуткие твари, один взгляд на которых может свести с ума. Годами, веками дремлют они во мраке. А если их побеспокоить, они просыпаются очень злыми и очень голодными. Горе тому, кто их разбудит. Но вдесятеро хуже тому, кто их не накормит. Крысы — предвестники их появления. Чу! Ты слышишь? Устрашающий стремительный бег демонической орды, что повергает в трепет даже героев и сводит с ума скептических знатоков. Все они будут повергнуты в бездну, где их ждёт безликое вечное зло...

Dia ad aghaidh's ad aodann... agus bas dunach ort! Dhonas's dholas ort, agus leat-sa!.. Ungl... ungl... rrrlh... chchch...

Они утверждают, что именно эти слова я выкрикивал снова и снова, когда три часа спустя майор Баталов нашёл меня, склонившегося над телом Эдуарда Розина с окровавленным кинжалом в руках. У погибшего отсутствовали глаза, язык и некоторые внутренние органы. Я слышал, что кто-то из тех, что спускались в подземелье вместе с Баталовым, сошёл с ума от увиденного. Несчастливого держат в соседней палате. Мне несколько его не жалко. Я скорблю по своему верному псу, которого они убили. Он защищал меня до последнего, стараясь никого ко мне не подпускать. Его убили, а потом вскрыли ему желудок, чтобы исследовать содержимое.

Подлые глупцы, они так и не поняли, какую страждущую тварь я хотел накормить.

На своей бостонской квартире Арон Ховард сидел за столом и разбирал корреспонденцию. В жилах этого темноглазого, худощавого и довольно рослого молодого человека, журналиста по образованию, текла голландская кровь, однако между ним и его предками пролегал внушительный пласт времени.

Среди множества прочих писем Арон обнаружил письмо от своего дяди Эллиота Пека, проживающего в старом доме на Тиннер-Хилл, что вблизи Атлантического океана. Текст письма оказался довольно краток — это было даже не письмо, записка.

Отложив конверт, молодой человек принялся читать написанное дядюшкой:

«Здравствуй, мой дорогой Рони. Я надеюсь, что в свой грядущий летний отпуск ты наведишь своего одинокого дядюшку Эллиота. Признаюсь тебе, я не очень хорошо себя чувствую. Более того — мне кажется, что конец мой близок. Потому я и пишу тебе эти строки. Мне есть, что тебе предложить. Надеюсь, ты останешься доволен. Дай знать о приезде. Буду ждать тебя. Твой дядюшка».

Арон поднял глаза от строчек и посмотрел в раскрытое окно, на оживлённую улицу. Что ж, особых планов в ближайшее время не предвиделось. Мэгги на несколько дней отправится гостить к сестре, а он сможет выбраться к дядюшке. Впрочем, подумал Арон, можно пригласить и Мэгги, вот только едва ли она согласится ехать. Супруга недолюбливала его дядю. Да, старик всегда, и особенно в последнее время, вёл себя несколько странно, бормотал что-то под нос, подолгу глазел на океан. В детстве Арон даже побаивался дядю, однако на самом деле он очень любил его. С ним было интересно. Дядюшка Эллиот слыл превосходным рассказчиком, и ему было о чём рассказывать: ведь давным-давно он работал смотрителем маяка, был опытным моряком и путешественником. Правда, на склоне лет частенько стал прикладываться к бутылке — это и была одна из веских причин, из-за которой Мэгги испытывала к старику неприязнь. Ховард помнил, как ещё совсем мальчишкой, а затем и впечатлительным подростком, с открытым ртом и взволнованным сердцем жадно слушал занятные истории дяди, которые граничили подчас с чем-то невероятным, почти фантастическим.

И вот теперь старик хотел, чтобы племянник навестил его — последний раз они виделись лет пять назад. У Ховарда был довольно напряжённый график журналистской работы. Ко всему прочему, недавно он получил должность редактора одной

Артём

Толмачёв

Наследие Т

и

н

н

е

Р-Хилла

бостонской новостной газеты. В свободное время Ховард писал пейзажи и изрядно преуспел в этом занятии. Именно на почве увлечения живописью он впоследствии сошёлся со своей будущей женой Мэгги Пикфорд — тонкой, хрупкой, голубоглазой красавицей, к тому же очень умной и образованной девушкой. Оба сразу же приглянулись друг другу, завязались отношения и переписка, а спустя пару месяцев после знакомства молодые люди сочетались узами брака.

Первым делом Арон решил позвонить жене в Провиденс, чтобы сообщить о своей поездке в Тиннер-Хилл, а заодно предложить ей поехать с ним.

— Алло. Здравствуй, Мэгги. Как твои родители?

— Здравствуй, Арон. Мама приболела, у неё жар. Так что, думаю, мне придётся задержаться у них ещё на какое-то время. Ты что-то совсем пропал. Как ты?

— Работы полно. Но в целом — неплохо. К тому же приближается отпуск.

— Да, отпуск тебе не помешает. Из работы не вылезашь.

— Знаешь, мне тут дядя Эллиот написал. Хочет, чтобы я приехал к нему в гости в мой отпуск.

Несколько мгновений в трубке было тихо, а затем Мэгги произнесла:

— Конечно, отправляйся. Я знаю, как ты его любишь. И на сколько дней ты поедешь?

— Думаю, что на несколько. Может, чуть больше.

— Хорошо, Арон.

Голос жены показался Ховарду каким-то растерянным. Он решил подбодрить супругу:

— Не волнуйся. После моей поездки мы с тобой...

На этом их разговор неожиданно прекратился — связь прервалась. Досадно. Придётся вызывать телефонистов и всё налаживать.

В конечном счёте, Арон отказался от затеи поехать к дяде вместе с Мэгги. Её ответ наверняка прозвучал бы отрицательно. Состоявшийся с супругой разговор оставил в душе неприятный осадок, а в последних словах Мэгги улавливались нотки страха. Но ему это могло и показаться — начавшаяся прерываться связь способна была попросту исказить голос.

В конце концов, Арон Ховард отмахнулся от этих несущественных мыслей и с головой погрузился в работу, твёрдо решив навестить своего одинокого дядюшку Эллиота Пека.

В тот день — 1 августа 1933 года — погода стояла превосходная. Весь Бостон ещё дремал, когда Арон Ховард позавтракал, оделся, взял свой нехитрый багаж, сел в подержанный «Форд» и отправился в поездку к побережью.

Спустя некоторое время автомобиль покинул город, дорога запетляла. По пути встречались небольшие городки и деревеньки Новой Англии, чьи старинные дома, островерхие крыши и часовни не могли не привлечь внимание путников своим особым старомодным обликом. Порой аккуратные домики ютились на холмах, точно норовя взобраться на самую вершину, а порой поселения скрывались в просторных зелёных долинах, то исчезая, то вновь появляясь из-за густой листвы могучих вековых деревьев.

Солнце стояло высоко в почти безоблачном небе, когда машина Ховарда выехала на шоссе, тянущееся вдоль Атлантического побережья. В душный салон дохнуло морской свежестью, явственно ощущался чуть солоноватый запах океана.

Миновав несколько групп одиноких холмов с чахлыми рощицами, автомобиль выехал на пустынную песчаную равнину, где были беспорядочно рассыпаны остатки поселения колонистов: сохранились в основном потрескавшиеся, но основательные фундаменты и фрагменты разрушенных стен. В душу Арона закрались ностальгические воспоминания: они с дядей прогуливаются вдоль побережья и доходят до покинутого, полуразвалившегося поселения, в чьих пустых домах, где пахло рыбой и водорослями, обитали очень злые, кусачие крабы.

Асфальт шоссе сменился колеями пыльной сельской дороги. И вот тогда впереди возникли очертания одинокого старинного дома, точно маяк былых времён примостившегося возле самого берега. Много лет назад, после последнего длительного плавания, старый Эллиот Пек переселился с окраины Бостона сюда, к самому океану, предпочтя на склоне лет слушать крики чаек и плеск волн, а не шум и гвалт большого города. После того плавания дядя сделался ещё более замкнутым и необщительным. Он жил почти затворником в своём большом доме, столетия назад отстроенном давно превратившимися в прах предками.

«Мне лучше здесь, нежели среди городской суеты. Мне нравится океан», — говорил дядюшка.

С того места, где возвышался дом, открывался восхитительный, потрясающий зрение и воображение, впечатляющий вид на Атлантический океан. Однажды здесь побывав, Арон просто влюбился в это место и всерьёз задумался о перспективах жить на побережье. Молодой журналист поделился своими мыслями с супругой, однако она не восприняла их с должным оптимизмом. Ховард понимал её: ещё девочкой она едва не утонула в океане. И он старался более не заговаривать с Мэгги на эту тему. Но самого его влекло в эти места снова и снова — как в первый раз. И вот он здесь, и ничто не удерживало более взор, блуждавший по бесконечным и манящим океанским далям.

Дом всё приближался, песчаная пыль клубилась позади машины. Исчезли холмы и мёртвые деревья, океан раскинулся насколько хватало глаз. В лучах яркого полуденного солнца искрились волны, несколько чаек изящно и беззвучно парили в вышине, выискивая рыбёшку. Почти идиллический пейзаж, который вызывал в душе покой и умиротворение, ощущение тихой радости. Нет более никакой суеты — лишь океан и это огромное небо, лишь чайки и ласкающие взгляд волны, мерно накатывающие одна за другой на пустынный песчаный берег, который, казалось, совсем не был побеспокоен человеком. Складывалось впечатление, что здесь вообще никогда не обитали люди. Ховард дал себе слово, что обязательно напишет картину этого места — потому и прихватил с собой холст, кисточки и краски.

«Форд» подкатил к дому, Арон заглушил мотор. Наступила тишина, только чуть слышно поскрипывал флюгер-птица, указывая северное направление ветра. Сам дом представлял собой типичный образчик голландской колониальной архитектуры, характерной для этих мест: довольно высокая постройка с балконами, высокими окнами, широкими карнизами и крутой крышей с крошащейся черепицей. Довершала образ вытянутая, потемневшая от времени и непогоды труба старинной кладки. Основанием кирпичным стенам служил прочный, без единой значительной трещины фундамент. Ниже уровня земли располагался обширный, отсыревший подвал, чьи влажные, прохладные стены обильно сочились влагой. Этот дом знал времена, когда Бостон ещё не был столь густонаселённым и крупным городом — в те далёкие дни по его улицам ходили мужчины в париках и камзолах, а по мощёным булыжником дорогам катили запряжённые лошадьми кареты, коляски и повозки.

Арон дважды посигналил и посмотрел на окна первого этажа. Дом выглядел абсолютно необитаемым, но вот приоткрылась массивная входная дверь, и на старинное крыльцо вышел дряхлый старик.

— Здравствуй, дядя Эллиот! — выйдя из машины, молодой человек распростёр руки, чтобы заключить дядю в объятия.

— Племянник Рони! Рад тебя видеть, очень рад! — проскрипел старик.

Дядя и племянник тепло и крепко обнялись. В этот момент журналист ощутил едва уловимый запах рыбы, исходящий от хозяина дома. Старик был растроган — его воспалённые красные глаза под густыми бровями наполнились слезами.

Когда Ховард видел своего дядю в прошлый раз, тому уже перевалило за девяносто, и теперь, спустя все эти годы, дядя оставался всё тем же: лысеющая голова с тёмными пятнами на макушке, отдающая желтизной клочковатая борода, шамкающий рот с редкими, истёршимися зубами, перечеркнувшие всё лицо глубокие морщины. Сутулый, с полусогнуты-

ми, слегка трясущимися ногами, но, однако, с большими руками и загорелыми широкими ладонями бывалого моряка. Много лет назад именно эти руки баюкали маленького Арона, и тогда огрубевшая обветренная кожа соприкасалась с нежной кожей ребёнка.

Арон известил о своём приезде коротким письмом, поскольку его дядя не держал в доме телефона — с тех самых пор, как умерла его супруга, тётя Элеонора, упокоившаяся здесь же, на побережье. Не было проведено и электричество: дядя пользовался керосиновыми лампами старинного образца, а также свечами.

Едва толькоходишь под сумрачные своды этого памятника старины, наследника времён двухсотлетней давности, как сразу же попадаешь под его своеобразное очарование. Комнаты были обставлены добротной мебелью тёмного дерева; просторную и уютную гостиную украшали картины с изображением великих путешественников и мореплавателей, морских пейзажей, а также экзотических земель; во время холодов в большом камине трещал огонь; огромные прямоугольные окна прикрывали тяжёлые тёмно-красные портьеры; под украшенным замысловатой лепниной потолком висели массивные хрустальные люстры. Парча и балдахин, серебро и золото, скульптуры на морскую тематику и чучела диких животных заморских существ. Местами всю эту роскошь покрывал внушительный слой пыли: у старика уже не хватало сил убираться, а никакой прислуги он при себе не держал. Драгоценности тускнели, краска блекла, в тёмных укромных углах хозяйничали пауки. Таково было жилище старого отшельника.

Взгляд Ховарда случайно упал на изящную мраморную статую девушки-русалки: она глядела вполборота, призывно и даже коварно. Юношей Арон влюбился в эту русалку.

— Проходи, проходи, мой дорогой Арон, — пригласил дядя Эллиот. — Этот дом всегда тебе рад.

И они пошли вглубь, а тяжёлая резная дверь захлопнулась за ними с глухим стуком.

После недолгих разговоров и довольно скромной трапезы мужчины поднялись на второй этаж. Раньше библиотека располагалась на первом этаже, однако позднее дядюшка Эллиот постепенно и целиком перенёс её наверх, где находились просторная комната, спальня, кладовая, а также рабочий кабинет с химической лабораторией — всё здесь было уставлено колбами, пробирками и иными склянками всевозможных размеров и форм. В лаборатории царил полнейший разгром, паутина висла серыми гирляндами между реагентами и приборами, которыми давно уже не пользовались.

В самой же библиотеке, как успел в этом убедиться Арон, дело обстояло несколько лучше. Как ему показалось, количество книг увеличилось: различные по размерам и объёму тома теснились на полках и стеллажах, редкие издания до отказа занимали целый ряд шкафов и несколько вместительных секретеров начала нынешнего века. Некоторые же книги и рукописи внушительными стопками возвышались тут же, на устланном коврами запылённом полу. Некоторые стопки были крест-накрест перевязаны верёвками, другие громоздились на прочном сдвоенном столе.

Очевидно было, что такую солидную библиотеку, включающую тома по самым различным областям науки, дядя собирал на протяжении многих лет. Ему пришлось побывать в различных уголках мира, вдоль и поперёк объездить Европу, а некоторые редкие старинные издания и рукописи дались ему даже с риском для жизни. Конечно, дядя собрал большее количество книг в то время, когда ещё не сделался добровольным затворником в собственном доме; остальные же книги он заказывал посредством почты. Немного найдётся людей во всей Новой Англии, способных похвастаться столь обширной библиотекой.

Когда Ховард разбирал книги, он с удивлением отметил про себя одну особенность дядюшкиной библиотеки: с изданиями по зоологии, физиологии, антропологии, астрономии и философии тесно соседствовали тома по эзотерике, магии и мистике, причём, со значительным перевесом в пользу последних. Раньше он не видел здесь подобных книг, возможно, по той причине, что дядя хранил их в каком-то другом месте. Поражаясь всё больше, Арон от-

крывал для себя множество новых имён, названий и областей наук, до сей поры ему не ведомых.

Разбор книг и наведение порядка в библиотеке заняло изрядное количество времени: дневной свет за окнами уже потускнел. Пришло время отдыха. Оставив библиотеку, Арон вышел на свежий воздух. Похожие на перья облака, причудливо окрашенные закатными лучами, нависали над тихой гладью океана. Чайки исчезли, и стало гораздо прохладнее. Застигнув на пиджаке пуговицу и спрятав в карманы ладони, Арон праздной, несколько рассеянной походкой, направился к береговой линии.

Атлантический океан искрился россыпями золотых блёсток, бесконечные волны плавно и равномерно накатывали на песок и отступали назад. Вечернее небо приобретало глубину и насыщенность, океан темнел и что-то неустанно шептал на своём извечном неведомом языке. На несколько мгновений Арон смежил веки. Как же тут хорошо... Вот бы остаться здесь навсегда...

Он открыл глаза и обернулся: в окнах старого дома пылало ярко-оранжевое солнце. А дальше, вдалеке за домом, раскинулись бесконечные пустынные пространства, перемежаемые разве что грядами невысоких холмов да редкими и невзрачными рощами. На крыльце дома была различима маленькая, скрюченная фигурка старика, глядевшего в сторону океана подслеповатыми, слезящимися глазами. Весь окружающий пейзаж способствовал ощущению, что находишься в какой-то фантастической сказке, достойной пера Эдгара По, что всё вокруг — выдумка и иллюзия, однако чрезвычайно привлекательная и очаровывающая всякого, кто когда-либо приезжал в эти края. Магия океана пленила, завораживала.

Некоторые книги подогрели в Ховарде живой интерес, так что вполне возможно, он задержится в Тиннер-Хилле, где доживал свой век его почтенный дядюшка.

Пройдя чуть дальше вдоль берега, Арон набрёл на одинокую могилу тёти Элеоноры: продолговатая насыпь просела за прошедшие годы, в изголовье прочно покоился тяжёлый, выбеленный солнцем камень. Ни креста, ни плиты. При виде могилы Арона с новой силой захлестнули ностальгические мысли, а душу наполнила печаль. Дядя Эллиот исчез с крыльца, оранжевое зарево в окнах постепенно угасало. Внезапно Арон ощутил себя потерянным и бесконечно одиноким, будто вовсе не было ни дядюшки, ни Мэгги, ни работы. Вообще ничего не было. Он, маленький человечек, стоял один на один с громадой неба и Атлантическим океаном, в таинственном перешёптывании волн которого теперь ощущалось даже нечто зловещее. Что-то плеснулось впереди в волнах, и тягостное наваждение рассеялось. Теперь уже быстро темнело. К тому же на свежем воздухе разыгрался нешуточный аппетит.

После плотного и вкусного ужина, чьё приготовление не обошлось без деятельного участия Арона, престарелый дядя, укрыв старческие колени пледом, захрапел в кресле возле камина, а его гость поднялся в библиотеку и снова занялся книгами. Неяркий жёлтый свет керосиновой лампы вскоре стал нагонять дремоту, и Ховард ощутил, что веки у него слипаются. Отложив своё занятие, Арон заботливо помог своему дяде улечься в постель, а затем и сам направился к себе в комнату и вскоре отдался во власть здорового, глубокого сна.

Когда же он проснулся, солнце поднялось уже достаточно высоко. С самого утра Арон чувствовал небывалый прилив сил и бодрости, тогда как его дядя, напротив, ощущал всё большую слабость, что не могло не вызвать тревогу у племянника. Было что-то странное в просьбе старика прикрывать ставни и занавешивать шторы, чтобы приглушить проникавший внутрь солнечный свет. Рассказывая племяннику о своих былых приключениях, старый моряк зачастую повторялся, сбивался, а иногда и вовсе забывал отдельные эпизоды и события. Арон поражался тому, как быстро его дядя сдал — тот уставал даже от непродолжительной беседы и слабел буквально на глазах. К тому же Арон, ненароком прикоснувшись к грубой старой коже, заметил её необычную холодность.

Наконец, отправив дядю на дневной сон, его гость, желая как-то развеять тягостные мысли, собрался на прогулку. Глядя на волны, он шёл вдоль побережья, бродил среди развалин старого поселения, где за столько лет почти ничего не изменилось. Опасаясь, как бы дяде не сделалось хуже, Ховард через некоторое время вернулся назад.

Тревоги подтвердились. Похоже, дядюшка Эллиот уже не мог подняться с постели — он перестал чувствовать ноги. Паралич продолжал неумолимо распространяться, и вскоре жизнь уже едва теплилась в этом старом человеке, на плечи которого, казалось, вдруг стали давить все прожитые им долгие годы. Ховард хотел было ехать за доктором, но старик оставил племянника и, еле ворочая непослушным языком, проговорил, а точнее, натужно прохрипел:

— Нет... Не нужно, племянник... Сделай всё так, как я просил тебя...

— Хорошо, дядя, — отозвался Арон и крепче сжал ледяную ладонь Пека. — Не волнуйся.

Лежавший беспокойно заворочался и вдруг затих, устремив неподвижный взгляд в потолок.

— Дядя!? — позвал Ховард, но всё уже было кончено.

Хозяин дома скончался в два часа пополудни.

Долгое время Арон пребывал в печали, а затем собрался и выполнил всё в точности так, как просил его дядюшка. Тело было собственноручно захоронено Ароном: старик пожелал покоем рядом со своей супругой. Погребение далось тяжело, работа была непривычной, и усталость быстро овладела телом. На исходе дня на побережье появилась вторая, свежая могила, и, также как это было и на первой, в её изголовье лёг массивный камень.

Ховард чувствовал себя неудобно, ведь только что он сам предал земле своего любимого дядю. Ему почему-то хотелось поскорее сполоснуть руки, и он пошёл к воде. Едва коснувшись накатившей волны, вздрогнул — вода оказалась холодной. Такой же холодной, как и руки его покойного дядюшки Эллиота.

Стоя над могилами, Арон Ховард не мог сдерживать слёз. Чувствовал он себя совершенно разбитым, утрата тяжким грузом легла на сердце. Его вновь кольнуло ощущение полного одиночества. Так и было — ведь он действительно остался один в этом пустынном и безлюдном месте. С уходом пожилого хозяина Тиннер-Хилл осиротел. Но теперь он, Арон, стал хозяином. Молодой человек был этому одновременно и рад, и не рад. Сейчас ему больше не прельщало переезжать на побережье и селиться здесь, у океана.

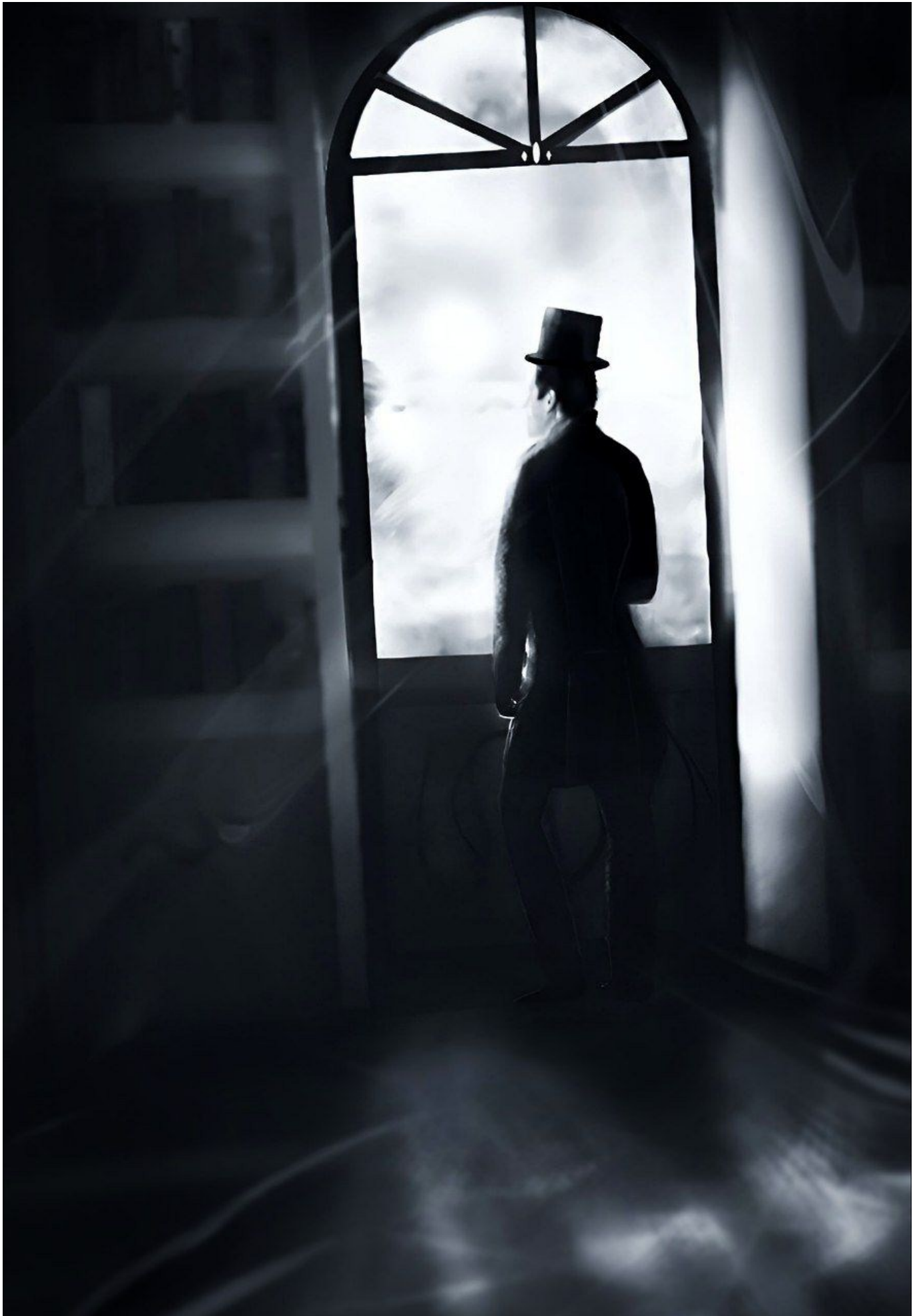
Он огляделся. Солнце ложилось в тучи. Потемневший океан волновался сильнее, и чувствовалось в этих плесканиях что-то нехорошее, даже отталкивающее. Да и высившийся на пологом холме старинный дом как будто недобро насупился, словно не желая пускать под свой кров нового хозяина. Ховарду вдруг остро захотелось домой, в Бостон, поскорее увидеть любимую Мэгги, коллег по работе, да и вообще других людей. Но кругом не было ни души, к тому же темнело, и Арону не оставалось ничего другого, кроме как вернуться в притихий дом.

Ощущение некой враждебности всего окружающего не ушло, а, наоборот, усилилось, когда Арон, поднявшись на второй этаж, затушил в комнате свет и улёгся в постель. Ему мерещилось, что чучела зверей и диких существ исподволь пялятся на него, как и люди на портретах. Даже безмолвные скульптуры будто бы следили за ним. Воздух пришёл в движение. В помещениях почему-то сделалось гораздо прохладнее, несмотря на вполне тёплую погоду. К тому же откуда-то сквозило. Арону пришлось подняться, взять свечу и обойти сверху-донижу весь дом, чтобы отыскать источник сквозняка. Однако выяснить это так и не удалось.

Вконец измотанный и подавленный, Ховард вернулся в комнату и попытался уснуть, но сон не шёл. Это было какое-то болезненное, нездоровое состояние — полудрёма-полубоддрствование. Когда всё же удавалось забыться, снилось что-то странное, несуразное. А потом уже и вовсе трудно было отличить сон от действительности. Где-то стонали доски, что-то поскрипывало, смутно был различим плеск воды. Весь дом будто жил сам по себе.

Так Ховард и промучился вплоть до раннего утра, и, когда встал, ощущал себя, конечно,

совсем скверно. Ему даже показалось, что он простыл, и недомогание вызвано простудой, но вскоре состояние улучшилось, и он смог позавтракать в одиночестве.

Сидя за завтраком, Арон вспомнил об умершем дядюшке, и его охватило тягостное чувство. После себя дядя оставил немало вопросов и загадок, и Арон колебался: стоит ли ему их разгадывать? Или же оставить всё как есть и больше никогда не возвращаться в Тиннер-Хилл? Сейчас он более всего склонялся к последнему варианту.

Одиночество и мрачные мысли угнетали, и потому Арон вышел на улицу. Океан поможет ему развеять тягостное, гложущее изнутри чувство. Океан всегда помогал ему, бодрил, воскрешал в душе мечты о прекрасном, дарил надежды на будущее. Океан, знал Арон, поможет и теперь. Подумав, он решил сначала перегрузить часть книг в свой автомобиль, а потом уже отправиться на прогулку по побережью блистающей на солнце Атлантики.

Глядя на пенистые океанские волны, хотелось забыться. Песок на пляже был тёплым и приятным на ощупь — тонкими струйками он просачивался между пальцев. От раскиданных тут и там развалин веяло воспоминаниями. Эти присыпанные песком, источенные непогодой каменные трупы являлись последними свидетельствами давно минувших, славных времён. Когда-то, ещё до Революции 1765 года, в этих местах велась размеренная жизнь: кряжистые моряки с обветренными, суровыми лицами забрасывали в волны свои сети, а игравшие на пляже дети собирали бесчисленные ракушки, выброшенные приливом на белый песок.

В небе над головой кружила небольшая стая чаек, которых явно что-то привлекало вниз. Несколько крабов бочком ковыляли по песку куда-то в сторону. Проследив за направлением их движения, Арон увидел что-то на пляже и пошёл к этому месту. Неожиданность мерзостной находки вкупе со смрадом гниения вызвали внезапный приступ дурноты и головокружения. Ховард застыл, не в силах пошевелиться.

Голова бородатого мужчины словно бы выросла в песок. В пустой глазнице, сжимая и разжимая клешни, деловито копошился маленький краб, а из разинутого рта вылезал зелёный червяк склизкой водоросли. Опомившись спустя несколько мгновений, Арон бросился прочь, а голова мертвеца беззвучно кричала ему вслед.

Отъезд из Тиннер-Хилла скорее напоминал бегство, и в этой бешеной гонке по петляющей между пустынными холмами дороге «Форд» Арона несколько раз терял управление.

Однако уже следующим летом, после бесконечных раздумий и колебаний, Ховард всё-таки решил вернуться. Океан, как и сам дом с хранящимися там истёртыми временем фолиантами, снова стал манить к себе — к большому неудовольствию любящей жены, которая первая заметила это стремление, даже одержимость мужа морской стихией.

Дом и океан часто являлись Арону во снах, выплывали навстречу из призрачной дымки — иллюзорные и почти нереальные.

Существенные перемены в жизни Арона Ховарда начались с письма дяди, случайно обнаруженного молодым человеком во внутреннем кармане собственного пиджака вскоре после смерти Эллиота Пека.

Ховард взял письмо, сел за свой рабочий стол и стал читать убористые строки:

«Дорогой мой племянник, я пишу тебе это письмо с целью уведомить о некоторых серьёзных вещах. Кому, как не тебе, я могу предоставить то, над чем я усердно работал в последние годы жизни. Когда-то я, признаюсь, был крайне потрясён и поражён тем, что мне открылось, ибо было то почти невероятным. Догадываюсь, что потрясён будешь и ты, твоё восприятие мира и действительности в корне изменится. Видишь ли, я неспроста искал, собирал и пополнял все эти древние книги, рукописи и манускрипты — теперь же всё это в твоём полном распоряжении, включая и мою химическую лабораторию. Я оставил для тебя наиподробнее инструкции — найдёшь их в моих записях, хранящихся в столе рабочего кабинета. Ключ от ящика отыщешь в маленькой индийской шкатулке. Но хочу предостеречь тебя кое о чём. Постарайся не попадаться на глаза обитающим в воде Существам — они признают лишь себе подобных».

Закончив читать, Арон некоторое время сидел, неподвижно уставившись в пространство. Дядино письмо было таинственным и туманным, его прямо-таки насквозь пронизывала некая загадка. И ключ к этой загадке уже был в руках. Подозрения и странные вопросы роились в голове. Когда дядя положил письмо в карман пиджака? Что за «подробнейшие инструкции?» Над чем же таким, что способно было потрясти, работал дядя Эллиот в последние годы? Самое же необычное было в последних строках письма, где говорилось о каких-то обитающих в воде существах. Дядя Эллиот на склоне лет окончательно впал в маразм и стал нести всякую околесицу? Может так, но что-то говорило и в пользу дядиных слов — это ощущалось скорее на глубинном, подсознательном уровне, нежели осознавалось. В конечном счёте, Арон согласился с тем, на что ему намекало подсознание. А оно говорило ему отправляться в Тиннер-Хилл и всё выяснить самому. Арон ощущал, что в доме на побережье Атлантики его поджидает нечто совершенно невероятное.

Долго не раздумывая, Арон Ховард решил ехать в Тиннер-Хилл. На вопросы жены он отвечал кратко: есть кое-какие дела. Арон понимал беспокойство супруги, но его решение было окончательным: он отправится на побережье сегодня после полудня. С этой целью он даже раньше отпрашивался с работы. Он был рад выбраться из Бостона, чтобы снова увидеть океан.

При взгляде на старинный дядюшкин дом в душе возникало смутное ощущение скрытой тайны. Именно это ощущение, а также загадочные намёки в письме дяди, влекли Ховарда в эти края. Он чувствовал, что постепенно приближается к разгадке, к чему-то важному и значительному.

Ржавая флюгерная птица застыла на месте, за высокими окнами затаился мрак. Ничто не нарушало тишины, кроме возгласов далёких чаек и ласкающего слух равномерного шума океанских волн. Солнце ослепительно отражалось в воде, словно отдавало океану часть своего света. Стоял прекрасный летний день.

Дом встретил молодого человека холодными сквозняками и лёгким ароматом несвежей рыбы. Решив, что так дальше не пойдёт, Ховард принялся искать причину зловонного сквозняка. На чердаке, первом и втором этажах всё оказалось в порядке: окна целы, не было ни трещин, ни щелей, откуда бы внутрь могли проникать потоки воздуха. Арон заметил, что сквозняки ощутимее на первом этаже. Ко всему прочему во всей атмосфере дома чувствовалась странная сырость, чего в прошлый визит совершенно точно не было. Чем могла быть вызвана такая перемена?

Осталось проверить подвал. Вот он — источник! Ведущая в подвал дверь оказалась чуть приоткрытой, хотя, насколько Арон помнил, эта дверь всегда была плотно заперта. Сквозь образовавшуюся щель со слабым свистом вырывался сквозняк.

Прихватив ручной фонарь, новый хозяин дома стал медленно спускаться по узкой лестнице, ведущей в темноту и холодную сырость подвала. Запах значительно усилился, и журналисту пришлось прикрыть ладонью нижнюю часть лица. Во время спуска Ховард не переставая думал: об открытых дверях, о сквозняке, о том, мог ли кто-нибудь проникнуть в дом в его отсутствие и, наконец, о том, что ждало его в этом древнем подвале.

Луч фонаря зашарил по полу и стенам, выхватывая из непрерывности мрака бесформенные груды сваленного здесь хлама, напоминавшего дикие джунгли, созданные человеческими руками. Покрытый толстым слоем пыли пол был измазан чем-то скользким и липким. Станный мокрый след криво тянулся меж нагромождений сваленных как попало предметов и упирался прямо в стену. Однако, хорошо приглядевшись, Арон различил в стене низкую добротную дверь. За все годы, когда он ещё ребёнком приезжал в гости к дяде Эллиоту и тётке Элеоноре, он ни разу не побывал в подвале, который притягивал его и пугал одновременно. Он помнил, как останавливался у подвальной двери и, не смея пошевелиться, подолгу стоял возле неё, напряжённо вслушиваясь в тишину по ту сторону. Зачем в подвале ещё одна дверь? И куда она может вести? Это ему теперь и предстояло выяснить.

Старинная, походившая на средневековую дверь с липкой ручкой-кольцом была деревянной, но укреплённой прочным железом. Арон с усилием потянул на себя: тяжёлая дверь

оказалась незапертой. Путь вновь был открыт! Дальше Арон увидел сделанный прямо в камне проход и выщербленные ступени, под небольшим уклоном уводящие на неизвестную глубину, теряющуюся во мраке.

Арон был взволнован этим необыкновенным открытием, но отступить не собирался. Ступень за ступенью молодой человек принялся осторожно спускаться вниз. С неровного потолка и стен стекала вода, подошвы скользили по слизи. Вонь и холод по мере спуска становились всё ощутимее, а мрак узкого прохода постепенно рассеивался. Справа и слева не имелось каких-либо ниш или углублений, только грубый, сочащийся водой, зеленовато-серый холодный камень, о который запросто можно было порезать кожу.

Наконец Арон замер на месте, отказываясь поверить в увиденное. Перед ним незаметно открылась необычная, поразительная картина, и в памяти живо всплыли образы из рассказанных дядюшкой Эллиотом фантастических сказок и историй.

Ведущий из подвала проход в скале переходил прямо в небольшой грот, а далее виднелся океан. Бесшумные воды грота бросали на камень волшебные, голубовато-зелёные отсветы. Здесь царил полумрак, рассеиваемый в основном неровным и низким проходом в океанские воды. Поражённый, Арон зачарованно осматривался по сторонам. Тут стоял вездесущий запах рыбы и ещё чего-то, напоминавшего протухшее мясо. Миазмы призрачно проплывали в пространстве и словно бы заключали в свои удушливые объятия. Просто невероятно! Зачем прежним хозяевам дома всё это понадобилось?

Вдруг блуждавший по сторонам луч фонаря застыл на чёрной дыре, открывшейся в стене слева, словно пасть неведомого обитателя подземелий. Аккуратно ступая по скользким камням, чтобы не упасть в воду и не раскроить череп, Арон приблизился к небольшой пещере. Природная любознательность и стремление доводить начатое до конца способствовали дальнейшим изысканиям Ховарда.

Не боясь запачкаться и испортить костюм, Арон, скрючившись, полез в пещеру. Свет фонаря освещал ему путь, гораздо более тёмный и понемногу полого забирающий вверх и немного влево. Смерд стоял такой густой, что невольно слезились глаза, и першило в горле. По пути попадались обрубки перегнивших водорослей и беспорядочно разбросанные рыбьи тушки и скелеты.

Узкий проход выводил в небольшое тёмное пространство. Журналист лучше посветил фонарём и ужаснулся своему открытию: искусственный свет фонаря выхватил из темноты засыпанный небольшими камнями, песком и водорослями продолговатый деревянный ящик — им, несомненно, был гроб. Но только один гроб и, к тому же, со сдвинутой вбок потемневшей крышкой.

Дрожа от вызванного холодом и страхом озноба, коленями попирая остатки морских обитателей, Арон прополз к гробу и сбросил крышку вниз: гроб оказался пуст.

Нехорошее предчувствие заставило затрепетать сердце. Одурающие запахи подземелья вскружили голову, вызвали тошноту. Свет фонаря бил в гнилое чрево пустого гроба, где пребывающие во мраке черви потревожены извивались и корчились. От этого зрелища сводило спазмами и выкручивало желудок. Червяки, которым не досталось большого лакомого куса, лениво пиروвали рыбой.

Здесь, в этой смердящей яме, над которой лежали прямоугольные каменные плиты — именно такую устанавливал над могилой дяди он сам — Арона Ховарда как внезапный недуг настигла страшная догадка. Эта таинственная дверь в подвале; выдолбленные в камне, уводящие вглубь ступени; грот с выходом в океан; узкий лаз, ведущий напрямик к могилам родственников; единственный пустой гроб. Сейчас он сидел прямо в могильной яме. Везде здесь были пути, ходы: из подвала в грот, из могильной ямы — туда же, а также в дом и — прямо в открытый океан. Воображение рисовало самые невероятные и непостижимые образы, все эти детали медленно сходились в голове. А начиналось всё со старинной, заставленной книгами и рукописями, библиотеки. Вопросов пока было куда больше, чем ответов, но Арон теперь со всей ясностью понял, что эти самые ответы следует искать в дядюшкиных книгах и записях. И всё равно он никак не мог в это поверить — рассудок проти-

вился увиденному.

«Ладно, — подумал Ховард. — Впереди будет ещё достаточно времени для размышлений. А пока надо отсюда выбираться».

По-прежнему зажимая нос и рот, Арон пополз в обратном направлении. Вдруг впереди отчётливо послышался всплеск воды, и отсветы от её поверхности быстрее заскользили по каменным стенам грота. Арон успел заметить что-то бурозелёное и лоснящееся — оно скользнуло под воду и исчезло. Затаив дыхание, журналист погасил фонарь и припал к скользкому холодному камню. Что-то подсказывало ему переждать и пока не выбираться из мрака тесного хода. Вспомнились вдруг слова дяди: «Постарайся не попадаться на глаза обитающим в воде существам — они признают лишь себе подобных». Ховарду сделалось не по себе, холодок страха метнулся между лопаток. Ещё какое-то время он таился в этой вонючей дыре, а затем, не включая фонаря, осторожно вылез наружу. Чем могло быть то, что мелькнуло в воде? Какая-то морская тварь? Но для обычной рыбы слишком крупная...

Арон внимательно осмотрел грот, но так и не обнаружил никакого постороннего присутствия. Хотя неприятное, находящееся словно бы на периферии ощущение этого самого присутствия, не покидало Ховарда. Вода была почти безмолвной, звук падавших сверху капель причудливо искажался замкнутым пространством. Мужчина опустился на корточки перед водой и присмотрелся. Дно грота было усеяно какими-то белёсыми предметами. Ими были покоившиеся под водой кости. На это невозможно было смотреть без содрогания. Останки оказались человеческими: рёбра, позвончики, черепа... Залежи костей.

Арон стал ощупью пятиться в направлении ведущих вверх грубых, каменных ступеней. Довольно. На сегодня с него хватит: впечатлений было предостаточно. Всё это казалось невероятным, ужасающим — и, в то же время, странно притягательным. Ховард взбежал вверх, закрыл за собой массивную дверь, предусмотрительно, главным образом, в целях безопасности, забаррикадировав её подручным хламом. Также он запер на ключ подвальную дверь и заколотил её несколькими прочными досками.

Долго ещё Ховард не мог прийти в себя. При одной только мысли о том, что таилось глубоко под домом, его бросало в дрожь. Между тем, пока он находился под землёй, погожий день быстро сошёл на нет, и лишь светлая полоса на небе да багрянец в застывших облаках указывали на то, что солнце опустилось недавно.

Он не поедет на ночь глядя. Он останется здесь. Но уже определённо не уснёт.

Арон Ховард возвратился в Тиннер-Хилл только месяц спустя, когда в воздухе уже ощущалась прохлада осени, и деревья покрылись пёстрым разноцветьем.

За этот месяц Ховард изменился, стал задумчивым, редко говорил. Его угрюмое настроение передавалось и жене — Мэгги была не на шутку встревожена произошедшими с мужем переменами. За Арном также были замечены странные, обычно не свойственные ему привычки: он бродил по вечерним улицам допоздна, подолгу пропадал неизвестно где. Нерегулярно он приходил и на работу, а потом и вовсе взял отпуск. Мэгги догадывалась, что он снова собирается отправиться в этот треклятый домишко на побережье. Она пыталась отговорить мужа от поездки, но всё оказалось тщетно. Тогда Мэгги пригрозила Арону, что если он поедет, она уйдёт от него. Однако Арон никак не отреагировал и, сопровождаемый упрёками и угрозами жены, с холодной решимостью скользнул в свой «Форд», ударил по газам и был таков. Мэгги долго ещё стояла на пронизывающем ветру и смотрела вслед удаляющейся машине, а затем, едва сдерживая слёзы, ушла с улицы. Если бы женщина знала, что это был последний раз, когда она видит мужа, то, конечно же, ни за что не отпустила бы его.

Именно в те осенние дни Арон Ховард впервые по-настоящему открыл для себя библиотеку дядюшки Эллиота — в особенности, её самую загадочную и тёмную часть. С каждым днём молодой человек отодвигал завесу тайны со всего того, что оставил после себя его дядя. Продвигаясь всё дальше и глубже, Ховард постепенно вникал в то, что открывалось перед ним. В конце концов, он покинул Бостон и окончательно поселился в Тиннер-Хилл, где его никто не мог потревожить.

Почти всё своё свободное время он посвящал книгам и записям, что оставил ему дядя перед смертью. Изучая дневник старика, многочисленные пометки, оставленные последним на полях страниц, Ховард раз за разом прозревал всю мощь, всю силу этих знаний. Старый моряк, почтенный его дядюшка, оказался прав: это действительно потрясало до глубины души и не шло ни в какое сравнение с мелочной и суетной жизнью, которую день ото дня проживает человек. За те несколько лет, что он провёл в Тиннер-Хилле, Арон потерял Мэгги, родственников, коллег по работе и друзей — всё, чем когда-то располагал и дорожил. Переживания супруги не прошли бесследно: серьёзно заболев, она вслед за матерью отправилась в лучший из миров, а её престарелый и больной отец остался в полном одиночестве.

Можно было сказать, что, несмотря на все лишения, давнее желание Ховарда поселиться у океана осуществилось. За это время Ховард, как однажды и его дядя, сделался настоящим отшельником, который оборвал все связи с внешним миром и полностью погрузился в странные, подчас пугающие изыскания. Он окружил себя древними манускриптами, пожелтевшими рукописями и старинными толстыми фолиантами, чьи шелестящие страницы истёрлись от времени и прикосновений. Делал собственные записи и пометки, выводил на бумаге непонятные формулы и странные знаки.

С упоением, почти одержимостью, читал Арон давно почивших мистиков второй половины XVII века, современников салемских ужасов и казней — Руфуса Хэли, Орса Эрнандеса, Амброза Лаймона и Юстаса Инглиша. С жадностью поглощал книги непревзойдённого знатока и исследователя древней индийской мифологии и всевозможной дьявольщины индуса Дхармана Махабхаратхи. Держал в руках внушительную книгу «*Necronica*» профессора, сэра Эрнеста де Мариньи. Ознакомился с фрагментами «*Граней*» небезызвестного в узких кругах голландского чернокнижника и колдуна Петера де Борта. Не меньший интерес вызывали у него магические таблицы немецкого мистика Ханса Бёрге. А ещё были тяжеловесные труды швейцарского хирурга, доктора медицины и профессора из Берна Георга Ацмана; книги французского зоолога и ихтиолога Шарля Миньо; рукописи и дневники итальянского путешественника, антрополога, специалиста по мифологии и фольклору древних народов Антонио Сульи; работы чешского химика Миколы Бартоша.

Во время проведения опытов с различными веществами из химической лаборатории исходили специфические, ни с чем не сравнимые запахи, которые пропитали собой всю атмосферу дома. И зачастую самого проводившего опыты не было видно за плотной завесой дымки, почти неподвижно висевшей в помещении.

Вся картина происходящего в Тиннер-Хилле прояснилась перед внутренним взором Арона. Его родственники — дядя Эллиот и тётя Элеонора — не умерли в привычном понимании. Да, сначала дядя похоронил якобы бездыханную супругу в могиле на побережье. И вот недавно Эллиота Пека предал земле собственный племянник. Однако на протяжении последних лет Пек преисполнился почерпнутыми из старых книг знаниями, таким образом наделив себя и свою супругу особыми качествами, необходимыми в *другой* жизни. Арон представлял себе, как его тётя и дядя покидали накрытые плитами могилы, как ползли они по зловонному узкому проходу, как плескались в гроте, как выбирались по выдолбленным в скале ступеням в подвал, а потом и в дом. А затем возвращались назад и уплывали из грота в просторы океана.

И вот теперь, благодаря великодушию дядюшки, «наследие» перешло в руки племянника. Такие мысли и намёки могли родиться разве что в болезненном, искажённом сознании сумасшедшего. Так или нет, молодой хозяин на себе испытал, каково это.

В итоге Арон Ховард начал претерпевать разительные, как внешние, так и внутренние, перемены. Но это, казалось, совсем его не беспокоило. Волосы у него на голове сначала частично поседели, а потом стали редеть, пока совсем не выпали. Кожа сделалась шершавой и шелушилась, отваливаясь хлопьями. Волосной покров постепенно исчезал по всему телу: не стало волос на груди, под мышками, в паху. Пытаясь скрыться от докучавшего ему дневного света, Ховард закрыл окна ставнями, а вскоре и вовсе заколотил досками оконные рамы по всему дому. Когда же близился шторм, а между тёмным небом и бушующим океаном

повисала туманная дымка, отшельник раздевался догола и бросался прямо в огромные пенные волны, что со стороны выглядело совершеннейшим безрассудством. Подобная выходка грозила гибелью, однако с Ховардом ничего не случилось даже в самые яростные штормы.

И вот пришёл тот день, когда он был готов. Наступила ночь — тихая, словно осторожно прислушивающаяся к чему-то, словно чего-то ожидающая. В тёмной бесконечности мерцали недостижимые звёзды, мерно дышал океан, на чьих спокойно колышущихся волнах зыбко отражалась дорожка лунного света, ведущая вперёд, навстречу иллюзорным и фантастическим пейзажам. За тёмным пятном дома раскинулась пустынная холмистая долина, посеребрённая холодным светом луны.

Дверь отворилась, и во мраке проёма появилось чудовище. Оно неловко проковыляло по ступеням крыльца и медленно двинулось к ночному пляжу. Мало общего с человеком имело это создание: мускулистый торс; мощные когтистые конечности с перепонками; длинные, змееобразные щупальца, торчащие из сутулой спины; чешуйчатая скользкая кожа; приплюснутая лысая голова с холодными акульными глазами и широким жабым ртом.

Трансформация свершилась, время не прошло даром, и теперь оставался последний шаг — к океану. Вскоре странное прямоходящее существо скрылось в тёмных волнах.

В конце концов, после безуспешных розысков, молодого журналиста Арона Ховарда из Бостона поместили в списки пропавших без вести. Поговаривали, что он утонул в Атлантике во время шторма. И на этом следы Ховарда были утеряны его современниками.

Пустующий, окружённый аурой мрачного очарования дом в Тиннер-Хилле можно увидеть и теперь. Внешне он почти не изменился, разве что отвалилась насквозь проржавевшая флюгерная птица, местами ещё больше осыпалась с крыши почерневшая от времени черепица, да исчезли последние остатки стёкол в оконных рамах. Всё здесь наводило на мысли о запустении.

И только Великий Океан, преисполненный мощи и торжественного великолепия, продолжал жить своей жизнью, изредка раскрывая перед человеком свои тайны, которые становятся для кого безумием или забвением, а для кого — путём к Бессмертию.

Тот, на кого смотрел Вадим, коротая время в зале ожидания железнодорожного вокзала, был высоким худым мужчиной, у которого что-то не так с глазами. Вадим сидел через два ряда и не мог понять, что именно. Какая-то замутнённость и разрозненность. Мужчина постоянно наклонял голову то к одному, то к другому плечу, вытягивал шею, глядя на мир — на скупающих в душном помещении людей — под странными углами. Его глаза подслеповато смотрели в разные стороны.

Взгляд Вадима постоянно тянулся к мужчине с жутковатыми глазами.

Чтобы не пялиться, Вадим принялся изучать табло с расписанием. До отправления оставалось тридцать две минуты. Скоро начнётся посадка. Он запомнил путь и платформу и против воли снова посмотрел на мужчину.

Внутренне дёрнулся.

Лицо мужчины было обращено в его сторону. Тускло блестящие глаза разбежались. Не было уверенности, что мужчина смотрит именно на него, но Вадима пробрало.

Он отвернулся, делая вид, что рассматривает павильон с сувенирами. Достал платок и вытер лицо и шею. У них что, кондиционеры сломались? Путешествие ещё не началось, а он уже жалел о том, что поддался порыву.

Выдохнул, отлип от пластикового сиденья. Закинул на спину рюкзак и, не глядя в сторону мужчины с большими глазами, направился к выходу. На него смотрели — давили взглядом между лопаток.

Перрон встретил драконьим дыханием. Скоро начнёт темнеть, а легче от этого ни на грамм. Вдоль поезда сновали бабульки с корзинами: «Клубника, домашняя, свежая, мытая».

— Двадцать второе место, — сказала проводница, возвращая билет. — Кондиционер включат, когда поедем.

Вадим помедлил перед решётчатой подножкой. Страх не почувствовал. Наверное, и не должен был: вот если бы стоял перед самолётным трапом... Вряд ли он когда-нибудь это проверит.

Вадим поднялся в вагон.

Дверь купе была открыта. Нижние полки подняты, на столике — стопка пакетов с постельным бельём. Попутчиков не наблюдалось, но в купе кисло пахло потом умаявшихся на жаре человеческих тел.

Он взял верхний комплект, скривился, увидев,

ДМИТРИЙ

КОСТЮКЕВИЧ

МИР,

СКРЫТЫЙ

В ТЕНИ

что пакет не запаян, достал две простыни, наволочку, полотенце и стал стелить на верхней полке.

За спиной зашаркали.

Вадим резко обернулся и кивнул соседу, молодому короткостриженому парню. Тот никак не отреагировал. Вадим мысленно пожал плечами, закинул рюкзак в нишу над дверью, в которой лежали свёрнутые в рулоны матрасы, разулся и полез на полку. Неприметное лицо парня тут же выветрилось из головы.

Сосед оставил сумку и нырнул в коридор.

Вадим стянул шорты, футболку, сунул их в кармашек-сеточку и лёг на спину. Боже, почему так жарко... Если бы он знал, что будет так жарко, то... что? Сдал бы билет?

Ответа не было.

Заоблачный дом будто звал его. Звал с той самой минуты, как он увидел его на экране своего компьютера. Выкопал из фотографий других экспонатов, найденных при раскопках древнего храма. Колонна из белого камня; мраморные таблички с латинскими надписями, посвящёнными богу Пану Марсу; бронзовые рельефы с тритонами и лающими собаками; полая бронзовая рука; обломки античных скульптур; браслеты и монеты.

Увидев снимок фрагмента стены, на которой был изображён старый дом на краю утёса, зыбкий мираж, он понял, что изголодался по впечатлениям. Нет, в нём не проснулась тяга к путешествиям, это было бы слишком громко сказано, но он почувствовал разочарование в себе. Главным образом в том, что не сделал за эти годы, монотонно протаскивавшие мимо после *падения*. Мог, но не сделал.

Путешествия. Он превратился в настоящего убийцу путешествий.

И вот, пока он рассматривал снимки, сделанные дешёвым смартфоном и выложенные на сайте не приметного музея не приметного городка в восточной Европе, на него накатило одиночество. Он почувствовал, что должен увидеть фреску воочию, чтобы подняться в своём воображении на вершину каменной гряды и поприветствовать хозяина дома, ещё более одинокого человека, чем он. Чувство было настолько острым, что он забронировал билет в тот же вечер.

Вадим медленно повернулся на бок и осмотрел окно.

Ни откидной фрамуги, ни ручки.

Надо было подождать отправления на перроне (как поступил сосед — Вадим видел его за окном, которое не знал, как открыть), там хоть какой-то ветерок, воздух...

Голые ступни упирались в перегородку, липли к обшивке. Он отвернулся и обтёрся простынёй: грудь, руки, лицо. В бороде установился тропический микроклимат. Зря он отпустил бороду — перед поездкой это казалось хорошей идеей. Решил, что так будет больше похож на путешественника.

Всего каких-то десять часов, сказал он себе. Потерпи. Представил, как откроет двери музея и пройдёт по длинному пыльному коридору к витринам, где сольётся взглядом с домом на холме. Город, напомнил он себе, город тоже важен — не только фрагмент древнеримской стенописи. Он улыбнулся, думая об этом.

Улыбка быстро угасла.

Чувства и ожидания притиснула аномальная жара. Весь день он прятался от неё в своей квартире, наглухо закрыв и зашторив окна, не выпуская из рук кружку с квасом. Потом взял рюкзак, закрыл двери и двинулся в сторону вокзала, и вот — варится в собственном соку в обшарпанном купе.

Вошла девушка. Вадим не разобрал, как она выглядит. Белое размытое пятно лица — подарок периферийного зрения.

Разве в купе не должны разделять пассажиров по половому признаку, особенно в ночные поездки?

Она тоже не поздоровалась. Кажется, глянула бегло, закинула сумку на свободную верхнюю полку и вышла.

Сколько ещё стоять?

Телефон остался в шортах, а Вадим не хотел шевелиться. Теперь он знал, как обстоят дела в преисподней. Никаких вил и котлов с кипящей водой. Тебя просто закрывают в душном тесном помещении и уходят.

Он чувствовал, как на нём, будто на грядке, созревают крупные капли пота, как они текут по коже, не охлаждая, сливаются в лужицы, обволакивают.

Вернулся сосед. Одетый, лёг на нижнюю полку. Девушка с верхней (теперь будет лежать напротив, подглядывать, как он плавится) осталась в проходе напротив двери. Смотрела в окно. Вадим по-прежнему видел лишь её силуэт. Большая задница, маленькая голова, пепельные волосы — собраны в пучок?

Тронулись.

Он долго не мог понять, работает ли кондиционер. Лежал, стараясь не делать лишних движений.

Заглянула проводница, женщина в возрасте с плохой кожей и скошенным подбородком.

— Закройте дверь, чтобы холод не уходил. Кондиционер включили.

Холод, отупело подумал Вадим. Что это значит?

Соседка зашла и закрыла за собой дверь.

Вадим обтёрся краем мокрой простыни. Ждал избавления. Ощутил кожей почти неуловимое касание. Струйка прохладного воздуха. Насколько она реальна? Он продолжал обливаться потом.

Перевернулся на живот, прижался щекой к подушке и выглянул в окно.

Берёзовый подлесок скатывался влево. Вадим смотрел на какие-то луговые цветы, белые, с крошечными соцветиями: они росли на склоне оврага и из окна движущегося поезда сливались в полосу прибрежной пены. В сумерках белое стало серым, растеклось, размазались.

На тропинке, выходящей из леса, сидел пёс и смотрел на поезд. Пёс был большой, расчёпанный, похожий на волкодава. Хотя Вадим не был уверен, что правильно представляет себе эту породу.

Во рту пересохло. Он потянулся за заранее приготовленной бутылкой минералки. Отпил. Воды осталось на три-четыре больших глотка. Надо купить у проводницы.

Их разбудят для паспортного контроля?

Он вымученно усмехнулся: в такой духоте поди засни.

Переворачивался с бока на бок в тягостном полусне. Засыпал на несколько минут и просыпался с неясными воспоминаниями. Неподвижно лежал на верхней полке, открывал глаза, мутно вглядывался в зазоры ломкого сна, видел крапчатый потолок, индивидуальный светильник, обросший комковатой пылью, слышал перестук колёс, чувствовал призрачный сквозняк; кондиционированный воздух облизывал кожу, Вадим закрывал глаза, открывал, видел спину соседки, окно, кто-то опустил шторку; Вадим закрывал глаза, открывал, видел белое круглое лицо, нарисованные глаза...

Он дёрнулся, проснулся и съёжился в выморочной темноте.

Понял, что не слышит перестука колёс. Поезд стоял.

Со скрежетом распахнулась дверь.

— Граница! — Лица проводницы не было видно из-за ярко горящих коридорных ламп.
— Приготовьте паспорта.

Вадим влез в шорты, надел футболку и спустился. Сел на краю свободной полки.

Парень и девушка словно и не слышали — неподвижно лежали под простынями. С

верхней полки свесилась белая рыхлая ступня.

В проходе кто-то напевно, точно молитву, произнёс:

— Й'а, отмеривший меру судьбе! Й'а, хранитель чертогов Си'н, Си'ра и С'альк!

Вадим выглянул.

Встретился взглядом с проводницей, стоящей рядом с пограничницей у дверей соседнего купе. Проводница махнула рукой, словно отгоняя.

— Й'а Ноденс!

Через пять минут зашла светловолосая инспекторша, села напротив Вадима, положила на колени мобильный сканер. Протянула руку.

Он отдал паспорт, раскрытый на фотографии, выпрямился под её цепким взглядом, приподнял подбородок. Расслабился, когда инспектор занялась сканером. Её блестящее от пота лицо казалось чешуйчатым.

— Цель визита?

«У хорошего путешественника нет точных планов и намерения попасть куда-то» — вспомнилось изречение Лао-цзы. Намерение у Вадима было, а вот планов... Что он собирался делать по приезду? Сходить в музей — а дальше? Подскажет само путешествие, решил он.

— Туризм.

— Надолго?

— Пара дней.

Со стороны рабочего тамбура провели взлохмаченную овчарку. Псина остановилась в дверях и глянула на Вадима.

— Багаж?

— Только рюкзак.

— Поднимите полку.

— Он наверху.

— Снимите.

Когда инспектор ушла, он забрался на полку и, несмотря на застоялую духоту, немного вздремнул.

Снилось, что он бродит по узким, петляющим, спотыкающимся на подъёмах и спусках улочкам европейского городка, изучает омрачённые временем дома, обветшалые фасады, потемневшие рельефы фронтонов, ощупывает пальцами трещины на мраморных плитах и канавки дивной резьбы на старых дверях. Находит музей, но не может попасть внутрь: двери закрыты, окна забраны решётками. Оборачивается и видит отвесную скалу и дом с маленькими окнами на её вершине...

Его разбудило шушуканье соседей. Вадим демонстративно повертелся, но шелестящие голоса только усилились. Он не мог разобрать, о чём они перешёптываются, улавливал лишь несвязные обрывки: «благоухающая птица», «чародей полумесяца», «ладья венценосная».

Шу-шу-шу... Под это нельзя было спать; под гул аэропорта можно, а под разговоры шёпотом нельзя.

Вадим приподнялся на локтях и повернулся в сторону соседней полки.

Перешёптывание стихло.

Девушка лежала лицом к стенке, из мерцающей полутьмы (что-то светило снизу, возможно, экран лежащего на столике телефона) на Вадима была нацелена гулька из седых волос. Будто инопланетный паразит, обхвативший голову девушки нитевидными щупальцами.

Вадим лёг и стал смотреть в потолок.

Жара спала. Вадим ощущал на коже тончайшую плёнку высохшего пота. Призрак кондиционера справился с проклятием замка. Другое дело, подумал Вадим, и тут поезд остано-

вился.

— Стоим полчаса, — сообщила из коридора проводница. — Можно выйти. Только осторожно.

— Почему осторожно? — спросил Вадим. Даже крикнул, желая отомстить ещё недавно шушукавшимся соседям.

— Немного пропустили перрон.

Сосед порывисто сел и обратился к открытой двери. Словно ждал от проводницы новых инструкций. Соседка спустила ноги с полки. Её широкая ступня плюхнулась на голову парню, тот отодвинулся к столику. Безмолвная сцена пробудила в Вадиме смутную тревогу, чувство неправильности.

Через минуту он остался в купе один. Кондиционер не работал. Полчаса...

Время текло ужасно медленно. Надень шорты, упрасивал себя Вадим, выйди на платформу или что там сейчас — откос насыпи, раз пропустили перрон? — но продолжал вариться в ядовитом мёртвом воздухе. Будто кто-то насильно держал его в вагоне — подавлял волю и разум. Кто, кто...

Почему так жарко? Ночь ведь давно.

Он ясно представил машиниста и его помощника (пускай будет помощник, и кочегар пускай), сидящих в привокзальном кафе и смеющихся над теми, кто остался в поезде.

А был ли вокзал? Было ли хоть что-нибудь, кроме этой спёртой черноты за окном?

Вагон стоял в ночи, презирающей и отрицающей остальной мир. Ничего не знающей о нём. Нигде ни огонька.

Вадим подался к окну, и, словно в кошмарном сне, за стеклом из темноты, едва освещённые светом высокого фонаря или огнями на крыше состава, проступили два бледных лица. Парень и девушка, попутчики.

Они смотрели на Вадима. Пялились. Их глаза — плоские, неподвижные — казались нарисованными. Парень стал поднимать руку, как если бы хотел дотронуться до стекла, но девушка перехватила её за предплечье и медленно опустила. Что он хотел сделать? Почему так близко стоят, на чём?

Вадим видел только лица, они плавали в чёрном воздухе.

Отвернулся к стене.

Надо поспать, надо постараться заснуть, и тогда ночь проскочит мимо.

А утром он будет на месте.

Поры кожи распахивались рыбьими ртами.

Я умру здесь, подумал он, превращусь в мумию с запавшими глазами.

Он сел, приложившись о потолок головой. Пополз к нише, стянул на полку рюкзак и принялся рыться. Да где же они!.. Упаковка влажных салфеток пряталась на самом дне, мелкая глубоководная тварь.

Он тщательно обтёрся салфетками.

Помогло секунд на десять.

Нет, так больше нельзя, он не выдержит...

Вадим спустился.

Коридорные лампы истекали бледно-жёлтым сиянием. Со стороны нерабочего тамбура доносились приглушённые чавкающие звуки. В купе проводников — дверь открыта, никого — на столике лежала книга. Вадим прочитал тиснение: «*Материалы, подтверждающие существование Дьявола*». Специфический выбор для проводника... для кого бы то ни было.

Неожиданно за спиной утробно зарычал титан, стальной бачок с бесплатным кипятком. Вадим вздрогнул и поспешил в тамбур.

Проводница выскользнула из туалета, преградила путь. Вадим вспомнил о воде.

— Можно минералки купить?

Скошенный подбородок дёрнулся вниз:

— Конечно. Пол-литровую, литровую?

— Литр.

Она долго копалась в служебном помещении.

— Закончилась.

— А что есть?

— Всё закончилось.

Вадим покосился на выставленные на поддоне бутылки.

— Образцы, — сказала проводница.

Он пожал плечами, хотел было уйти, но остановился.

— Как это закончилось? Ещё и половины пути не проехали.

Проводница развела руками.

— А что вы от меня хотите? У меня тут не завод.

— И что пассажирам пить?

— Могу кипятка налить.

— Спасибо...

Он спустился на подножку и взгляделся в крошечную тьму. Кто-то говорил в темноте, потом голоса стали отдаляться.

Вадим подсветил телефоном и спрыгнул на утрамбованный склон. Поскользнулся, но устоял на ногах.

Здесь хотя бы был намёк на лёгкий ночной ветерок. Вадим перехватил щепотью футболку на груди и потряс, охлаждаясь. Глаза привыкали к темноте, и он различил слева какое-то здание. Наверное, вокзал.

Пошёл на проступающий абрис.

— Двадцать минут, — крикнула проводница. — Далеко не ходите. Скоро откроются ворота!

— А? — Он обернулся, но проём был пуст.

Врата? Послышалось, что ли?

Как беспокойные голоса, шелестела невидимая трава. Он выбрался на дорожку из камня, по которой напал молочный слоистый туман. Над головой шептались планеты.

Серая масса приземистого строения надвинулась на него. Старое здание с обрамлённым колоннами крыльцом. Он поднял телефон и прочитал изъеденную жучком вывеску: «Бетельгейзе».

Что-то щёлкнуло и провернулось в голове, но не докрутилось, заклинило.

Из распахнутых дверей тянуло болотным воздухом, гнилью, под сводом коридора на грязном шнуре светила лампа в форме морской раковины.

Вадим обернулся. Успеет ли вернуться?

Ну, проводница его видела, да и время ещё есть.

Он зашёл, пытаясь заново прочувствовать романтику путешествий, тайну новых открытий.

Тёмно-зелёные облупленные стены, исчерченные вертикальными бороздами; грязь и мусор на полу; сети паутины под потолком. На стене справа кто-то искусно нацарапал рыбака, стоящего в лодке посреди гневных волн. Двери в боковые помещения были заколочены тёмными досками, из которых торчали квадратные шляпки гвоздей.

Вадим снова обернулся, чтобы посмотреть на поезд. Бездушная машина была единственной, кто знал, что он не должен здесь находиться, что это не конечная точка его пути —

так казалось.

Увидел вагонные огни и пошёл дальше.

Коридор упёрся в помещение без дверей. В глубине горели свечи. Помещение напоминало внутреннее святилище, целлу; колонны и арки, увитые водорослями, отделяли его от внешней части здания.

Вадим ступил внутрь, бессильно переставляя ноги, и осмотрелся.

Мозаичный пол: изображения рыб и дельфинов, морских чудищ и божеств. Одно морское божество держало в руках якорь. Толстый слой пыли на полу не мог скрыть былой вавилонской роскоши.

Одна из стен была декорирована старыми деревянными дверями. Двери закрепили горизонтально, как огромные кирпичи, и покрасили в серый, чёрный, коричневый. У некоторых сохранились ручки и щеколды, из замков торчали массивные ключи.

Вадим почувствовал, как стучат его зубы. Сердце колотилось. Показалось, что вот-вот грохнется в обморок.

Тускло нагорали свечи, по стенам ползли и опадали ветвистые тени.

Вдруг чёрная дверь, прибитая к стене прямо напротив лица Вадима, распахнулась. Упала вниз.

Кладки за ней не было.

Космический мрак.

Дыхание Вадима прервалось. Он в ужасе отстранился. Точно заглянул за край в чудовищные глубины. Свечи задымились — за какую-то секунду они оплыли до жалких огарков — и разом потухли.

Он ринулся к выходу, колени подламывались. Липкие сетчатые тени раскачивались под сводом. Мигала далёкая лампочка. С влажным шлепком опустились на мозаичный пол чьи-то ноги, огромные и когтистые, судя по звуку.

Вадим вынесся на крыльцо, ноги подкосились, он упал и пополз на карачках к поезду. Боялся обернуться, боялся снова услышать этот влажный звук.

Нет, ничего этого не было, тараторил он себе. Это усталость, это жара, дурной воздух. Это игра воображения...

Кто-то шагнул из мрака, подхватил его под руки и вздёнул вверх. Вадим рванулся в сторону. Страх отнял голос, но придал сил. Вадим замахнулся на бесформенную тень — в груди шевельнулся какой-то уголёк, отголосок триумфа перед схваткой — и лишь тогда понял, кто перед ним.

Сосед по купе. Короткостриженный парень.

Попутчик всмотрелся в его лицо, мотнул головой и зашагал к вагону. Из темноты материализовалась девушка, пошла рядом.

Вадим отдышался. Отряхнул колени, ладони, мысли.

Ему удалось немного успокоиться. Убедить себя, что всё дело в страхе перед пустым помещением... или, может, в каких-то ядовитых испарениях внутри заброшенного вокзала, которые проникли в его нервные клетки, мозг...

Вернувшись в купе, он долго лежал с закрытыми глазами. Соседи спали или делали вид, что спят. Поезд тронулся. Вадим подался в сон, тут же отпрянул. Привиделось, что снова падает и снова горит. Несколько кошмарных секунд жар — настоящий жар — облизывал кожу, а ноздри были забиты смрадом горящей плоти...

Пять лет назад самолёт, на котором он летел, упал на взлётную полосу.

Вадим работал журналистом и часто путешествовал по стране.

В тот день, день своего тридцатитрёхлетия, он летел домой. Возвращался с Курильских островов, жителей которых потрепало землетрясение. Устроившись в кресле, набрасывал

черновик статьи. Мест хватило не всем: в «Ан-72», кроме Вадима и его коллег, летели беженцы. Один мужчина устроился на табуретке, которую принесла бортпроводница.

Три часа без происшествий. Под крыльями самолёта уже показалась земля, как вдруг он заметил, что по стеклу иллюминатора течёт маслянистая жидкость. В салоне появились второй пилот и бортинженер. Бортинженер открыл какую-то панель и стал возиться с лебёдкой. У него дрожали руки.

Все хотели знать, что происходит. «Гидравлика полетела, — ответил лётчик. — Не можем выпустить шасси. Придётся вручную». Он сказал пристегнуть ремни, упереться ногами в передние кресла и прикрыть голову руками. Сказал, что всё будет хорошо. Вадим сразу понял, что дело не в шасси... не только в шасси. Самолёт падал. Это было очевидно. Кто-то из беженцев начал громко рыдать.

Было очень страшно. Вадим перетянул себя ремнём, уткнул колени в спинку переднего сиденья и стал ждать смерти. По салону бегал мужчина, которому не досталось места. Кричал, что ему нечем пристегнуться, затем упал на колени перед какой-то женщиной и обнял её за ноги.

Вадим думал о том, что ещё может сделать для своего спасения. Потуже затянул ремень. Затолкал сумку под кресло, чтобы не свалилась на голову, если самолёт перевернётся. Из Курил он вёз несколько банок красной икры.

Приготовления к падению не избавили от страха. По позвоночнику струился мерзкий холодок, лицо покрылось испариной. Небо больше не держало неуправляемый самолёт. «Ан-72» валился на землю, перина высотой в тысячу метров стремительно таяла. Вадим хотел помолиться, но не знал ни одной молитвы, поэтому просто повторял про себя: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Он неотрывно смотрел в иллюминатор. В нём что-то промелькнуло: падающая звезда или невеста как оказавшийся за бортом человек — Вадим не разобрал. Самолёт трясло. Он сильно накренился и падал, падал, падал. Странно, но никто уже не кричал. Пассажиры застыли, тихо постанывая в ожидании неизбежного.

А потом наступила тишина. Вадим прижал голову к коленям, чтобы не видеть бледных испуганных лиц: страх превратил их в маски.

Пилот дотянул до аэродрома, но они не приземлились, а упали на взлётно-посадочную полосу.

Вадим услышал свист. Ремни безопасности впились в живот, и вот тогда... страх ушёл. На него просто не осталось времени. Сознание уплыло, и Вадим провалился в чернильную пустоту.

Очнулся от толчка. Попытался понять, где он и что произошло. Тело болело, везде по-немногу. Он лежал на чём-то тёплом (двигатель, как выяснилось позже), заваленный креслами, и не мог отстегнуться. Трещало пламя.

Его вытащили пожарные, увезли в больницу.

Единственного выжившего.

В прессе и на телевидении катастрофу разобрали по косточкам. Ужасный удар сломал консоли крыльев и раздавил топливные баки. Задние стойки колёс проткнули салон. Одна из них оторвала Вадима от пола вместе с креслом. Но не убила. Разорвалась обшивка. Кабина пилотов расплющилась...

Иногда ему снилось, что он сам выбирается из-под обломков и куда-то идёт. Оборачивается и видит обуглившегося мертвеца, сидящего в кресле. Вадим горит, но не чувствует боли. Падает на чёрный песок и катается, сбивая пламя. Потом идёт дальше. Отсветы пожара впитываются в крошечную тьму. К его груди приклеился расплавленный ремень безопасности, он не может его оторвать. Кричит, но никто не отвечает.

Он знает, что умер, но не знает, что с этим делать. Во сне он думает над тем, почему обгоревший мертвец остался в кресле и не пошёл с ним. Думает, почему в мире, где каждые

пять-шесть секунд успешно приземляется самолёт, в мире, где ежедневно остаются в живых более трёх миллионов пассажиров, — почему в этом мире именно он вытянул чёрную метку? Думает о перуанской школьнице, единственной выжившей после падения горящего самолёта в джунглях Амазонки: она выбралась из-под обломков и девять дней шла вдоль реки, к своему спасению — стоянке рыбаков. Думает о том, куда идёт он.

А потом перед глазами возникает неясная тёмная фигура...

В течение года после аварии он не мог полностью сосредоточиться на чём-либо важном. Постоянно думал о случившемся. Его пугали громкие звуки, летящие самолёты, высокие деревья (в такси, по пути домой из больницы, истекая потом под ремнём безопасности, он испугался, что раскачиваемые ветром тополя вот-вот начнут падать на дорогу).

Несколько раз в больнице при нём звучало слово «чудо», не менее дюжины — «ни одного перелома, только ушибы и растяжения», но на чудо это походило мало — скорее на проклятие.

Его преследовали кошмары. Он стал раздражительным, слабым и подавленным. Он не пил до катастрофы, не запил и после, но хватило других трещин. Постоянные стрессы разладили брак, в конце концов, супруга подала на развод.

Он ушёл из журналистики, подрабатывал мелким копирайтом. Редко выходил из дома, погружённый в пустоту нового существования. Пустота — единственная, что не предала, осталась рядом после того, как ушла жена, истлели дурные сны, а страх превратился в точку, на которой не можешь сфокусировать взгляд.

Дом на утёсе вернул его к жизни. В это хотелось верить.

Хорошо, что в поездах нет ремней безопасности.

Вадим открыл глаза и повернулся к окну.

Увидел в отражении седого бородатого мужчину с прелой кожей — страшной белой кожей, изборождённой глубокими морщинами. Он дотронулся до щеки рукой, ковырнул у скулы — и кожа отвалилась раскисшим треугольным лоскутом, вместе с ней отошли мышцы, открыв белую скуловую кость.

Он закричал и проснулся.

Девушка на соседней полке неподвижно лежала с распахнутыми глазами. Затем облизнулась, словно слизала с губ его дурной сон, и спросила:

— Что это было?

Он молчал, глядя на неё, застрявший между двух кошмаров.

— Фотография? Статья?

Что-то хищное, жуткое, нечеловеческое на секунду поднялось из глубин и проявилось на её нечётком лице.

— Он тебе приснился? — спросила она, не размыкая губ.

Отвернулась и накрылась простынёй.

Я сплю, сказал себе Вадим, я всё ещё сплю.

По коридору прокатились семенящие шаги, и стало тихо, очень тихо, гораздо тише его надсадного сердца.

В четыре утра — было ещё темно, но что-то проклёвывалось, теплилось — поднялся по зову мочевого пузыря. Достал из рюкзака зубную щётку и пасту, накинул на плечи полотенце. Спрыгнул с полки, сунул ноги в сандалии, потянул за ручку сдвижной двери.

Дверь не поддавалась.

Он дёрнул сильнее — без результата. Занервничав, Вадим рванул ещё раз. Оглушительно лязгнуло железо, но дверь осталась на месте.

Вадим оглянулся, уверенный, что разбудил попутчиков.

На нижней полке под его местом кто-то лежал ничком. На дерматиновой обивке, без

матраса и постели.

Значит, третий попутчик. И когда успел, на какой станции?

Ответов не было, и Вадим вернулся к двери. Дёрнул раз, другой, его захлестнула паника. Рука безвольно опала, но пальцы по-прежнему сжимали ручку, и она наклонилась в плоскости двери, открывая узкую щель. Дверь во что-то уткнулась. Он разжал потные пальцы, посветил телефоном.

Дверь упиралась в пластинку-стопор.

Вадим задвинул стопор и потянул за ручку — дверь шумно отъехала по направляющим. Путь в туалет был свободен.

Несколько минут ушло на то, чтобы разобраться с умывальным краном. При нажатии на шток из крана текла горячая вода. Вадим крутил одинаковые вентили (ни тебе синего, ни тебе красного), теребил шток, холодной так не допросился, но, наконец, в узкую чашу умывальника полилась едва тёплая струя.

Он почистил зубы, умылся, затем намочил и намылил голову и пригоршнями стал сгонять с неё мыльную пену. Поколебавшись, напил из крана. На языке почему-то остался солёный привкус.

Настроение улучшилось: скоро конец мучений. Скоро утро — идеальное время для знакомства с чужим городом.

Идя по проходу, услышал монотонное песнопение:

— ...прародитель тверди, даритель скипетра позлащённого, внемли мне... отче могучий, с помыслами превыше разумения человеков и ахуров, внемли мне...

За окнами брезжил рассвет.

Вадим открыл дверь, оглядел купе и вдруг замер, на мгновение закрыв глаза. Открыл в надежде, что предмет его испуга окажется иллюзией. Не оказался... У окна под его полкой, сгорбившись, сидел высокий мужчина. Положив на стол длинные костлявые руки и наклонив голову к правому плечу, он смотрел на Вадима одним мутноватым глазом, второй косился на спящего парня.

Тип с вокзала.

На лице мужчины лежала тень угрюмой улыбки. Лицо казалось остановившимся, застывшим на случайной эмоции.

Как он сюда попал? Поменял купе?

Глаз смотрел страшно, испепеляюще. Затем взгляд смягчился, мужчина отвернулся к окну.

Вадим прошёл дальше по коридору и облокотился на поручень. Смотрел сквозь жиденький лес, сквозь светлеющее широкое небо. Проехали переезд. Возле путей стояла сонная женщина в оранжевом жилете с огромной, размером со зрелую тыкву, морской раковиной в руках. Из устья раковины торчали длинные паучьи ножки.

Вадим сморгнул мираж.

Осознал, что слышит разговор. Голоса доносились из купе.

— Долго, — сказал кто-то. Вадим решил, что это парень.

— Он искал дорогу, — сказала девушка.

— Но не явил себя.

— Ещё есть время.

— Врата пройдены, — сказал третий голос, хриплый и узловатый. — Он с нами.

— Да, он с нами, — подтвердил парень.

— Й'а, — сказала девушка.

— Точно он? — спросил парень.

— Дух луны зрит, — сказал мужчина. — Он меня сразу увидел.

— А что с этим? — спросил парень.

— Он зерно.

— Й'а.

— Й'а.

У Вадима закружилась голова. Деревья за стеклом кренились к поезду. Рельсы соседнего пути раздвинулись. В купе запели на непонятном языке.

Не вернусь, подумал Вадим, так и доеду. Заскочу только за рюкзаком. Но тут же решил, что это глупо, по-детски. И чего он испугался? Мокрое полотенце холодило шею. Он глянул на тюбик зубной пасты и щётку в руке, мотнул головой и вернулся в купе.

Попутчики сидели на нижних полках и выразительно молчали.

Девушка встала, задев Вадима плечом, и закрыла дверь.

Тут же раздалась барабанная дробь — кто-то стучал в дверь со стороны коридора.

Вадим вздрогнул. Мужчина с больными глазами приложил палец к губам. Глянул в окно. Стук повторился, но никто не стал открывать. Вадим почувствовал облегчение по этому поводу. Залез на полку. Мужчина встал — плешивая голова всплыла над полкой, — постоял, будто в раздумьях, и сел.

Девушка стояла и смотрела на дверь. Под её вопросительным взглядом раздалась серия тяжёлых ударов. Девушка постучала в ответ. За дверью послышались чьи-то удаляющиеся шаги.

Вадим лёг лицом к окну.

Его глаза устремились в белёсую пустоту. Из глубин мироздания поднимался великий туман. В молочных испарениях мелькали тени.

Вадим вжался лицом в подушку. Он снова падал, поезд падал в мистической пелене, как если бы она была бездонным небом.

А потом край вселенной стремительно приблизился, остался позади — и показался город.

Состав замедлился, покатыл по степной окраине. Протяжно звонили далёкие колокола.

Вадим провожал взглядом промышленные громадины: надшахтные башенные копры с выбитыми окнами из стеклянного кирпича, ржавые транспортёры. Заводские корпуса, змеящаяся сеть трубопроводов. Карьеры, отвалы, пыльные бурые дороги и красные лужи.

Он рассмотрел разрушенную стену, обращённую к рельсовой колее. Внутренние помещения были загромождены кирпичными перегородками и столбами. На этажерках и постаментах высились тёмные идола. С перекрытий свисали толстые канаты, похожие на лианы; Вадиму почудилось, что они шевелятся.

Он рассматривал строй доменных печей за нитью реки. Каскады прямоугольных строений, расположенные на горном склоне. Серые стены, сетка панельных швов...

Поезд медленно тянулся, стремился по спирали к центру — Вадим всё время видел в окне локомотив. Бурый, точно проржавелый насквозь, с заросшими грязью колёсами.

Он почувствовал себя ужасно старым. Резко свело живот. Он стиснул зубы, чтобы не застонать.

Это всё вода из-под крана, будь она неладна. И проводница, торгующая только кипятком. Резь поутихла, и он вернулся к пейзажу.

Проехали небольшую рощу. Монотонный ряд стволов и ветвей оборвался, и взгляду открылась покрытая туманом низина. Очередной производственный комплекс с выбитыми окнами и фонарными надстройками. Наружные стены из крупных бетонных панелей. Бытовые корпуса выступали через один, образуя архитектурный ритм, в котором было что-то от расчленённой на куски гигантской змеи. А за ними...

Что-то извивалось в белёсом мареве, большое, серое. Обвивало высокие башни и низенькие строения, ползло между складами и инженерными зданиями — длинные серые шу-

пальца с телесно-розовыми кольцами присосок. Они двигались лениво, как если бы имели здесь власть хозяина.

Бурая трава шевелилась, словно ковёр. По ней прокатывали волны. Здания отделялись от фундаментов и кувыркались в безумном течении. До Вадима долетел скрежещущий звук землетрясения. В темноте свежего провала показалось что-то похожее на огромный глаз в аморфном отвратительном месиве. Глаз цвета крови.

Вадима накрыло волной ужаса.

— Господь Ноденс из рода Наксир, воитель Древних! — истошно закричал мужчина с больными глазами. — Явись же и яви себя!

Вскочивший парень стянул Вадима с полки. Пальцы девушки вцепились ему в шею.

Он не видел их лиц. Их будто стёрли, превратив в бледные сумрачные формы. Зато видел кожистые крылья и белые, как кость, рога.

Желудок снова скрутило. Чёрная молния боли расщепила внутренности.

Здравый смысл кричал на языке пращуров. Они заманили его сюда, они принесут его в жертву неведомому божеству...

Вадим стал оседать в тесном проходе, когти соседки рвали спину, выковыривая позвоночный столб. Парень пытался засунуть пальцы ему в рот. Мужчина пел.

— Я обращаюсь к Тебе, Владыка джиннов! Я призываю Тебя! Я заклинаю Тебя!

Боль и страх ослепили — он ударился головой обо что-то твёрдое, возможно, столик — ударился с размаху о взлётную полосу — ударился о яркое чужое воспоминание, о жажду охоты.

Его глаза широко распахнулись.

Нет, не жертва.

Он сжал челюсти — зубы скрежетнули по кости, погрузились в сустав, — надавил и выплюнул на пол извивающийся палец. Парень отшатнулся, опустился на полку, держа перед собой покалеченную кисть, из которой почему-то не спешила течь кровь.

Он развернулся и ударил девушку локтем в ухо. Маленькая голова откинулась в сторону, врезалась в дверной стопор — отвратительно хрустнуло. Он ударил снова, в безобразную маску, размытую мишень.

Развернулся, ухватил мужчину с больными глазами за рукав и рванул на себя. Встретил коленом. Отбросил под столик. Стал избивать ногами.

Поднял голову и упёрся взглядом в грязное стекло.

В призрачном отражении увидел пожилого мужчину с длинной бородой и седыми патлами.

— Отец звёздных богов, — выдохнуло сидящее на полке крылатое существо.

Он переступил через тело другой твари и выбрался в коридор.

Поезд стоял на конечной станции.

Стены и потолок косого коридора украшали гвозди с квадратными шляпками. В купе проводников на полке лежало высохшее тело в форменной одежде. На лице мумии отпечатался ужас предсмертного видения. Повсюду валялись разодранные пластиковые бутылки, пол был залит водой и напитками, тёмные лужицы стояли в запавших глазницах.

Он спустился на перрон и упал на колени. Его вырвало потоком солёной воды. Спазмы в желудке стихли.

Взвыли панцирные гонги, запели раковины. В голову хлынули воспоминания. Яркие языки утраченной памяти на миг ослепили его, когда он повёл кругом глазами, чтобы поприветствовать тех, кто желал его возвращения. На платформе стояли люди и мверзи, ночные призраки, его безликие слуги.

— Защити нас от Древних!

— Верни смех наших сыновей!

Они хотели, чтобы он снова поселился на утёсе.

Они принесли дары Ноденсу-спасителю. Ему, пять лет назад поверженному в высоком космосе проекцией Даолота и рухнувшему на Землю, где он укрыл искру своей жизни в человеческом теле, угасающем на руинах железной машины.

Мир, скрытый в тени.

И бог, скрытый в человеке.

«В каждом пшеничном зерне таится душа звезды» — прочитал где-то, когда-то, тот, в чьём теле он вернулся в затерянный среди пространства город.

Он оглянулся на поезд. Они, все трое, смотрели на него сквозь исцарапанное стекло — те, кто помог ему родиться заново, кто пробудил в нём Охотника.

В сердце разгорался огонь.

— Да приду я в мир Луны, — сказал он и поднялся с колен.

На далёких бакенах протяжно звонили колокола.

Он двинулся на восток, миновал пересохший водоём и красно-бурую кирпичную башню; прошёл насквозь притихший город с мешаниной колониальных строений, церквями и погостами; тропинка вилась по луговым разливам к скале, на вершине которой стоял островерхий серый дом.

Дом не желал ему зла, не залучал его в свои сети — дом искал, звал.

И хозяин вернулся.

В небе неслись пронзительные крики чаек. Впереди бежал огромный бурый пёс.

Ноденс, бог глубин, шёл к восточному отлогу утёса. Он нашёл длинную палку и поднял её, нашёл острый камень и приладил его к палке. Его горящие глаза неотрывно смотрели на дом, на кольчатое тело, обвившее его стены, на выпученные рыбы глаза и гибкие вздувающиеся щупальца.

ДАРЬЯ РАВИНА
В ОБЪЯТЯХ АЗАТОТА

Раздался шёпот флейт, когда закат
Играл повечерелыми цветами.
Прислушавшись, я тихо вышел в сад.
Увидел красный: вспыхнул над холмами

Он словно кровь на древнем алтаре,
Из раны неба тёк неудержимо.
Оранжевый — как город в янтаре,
Парил изящно... и непостижимо.

Нахлынул жёлтый. Он внушал мне страх.
Мерещился Король в лохмотьях плоти.
Оливковый и серый — тлен и прах —
Летели вниз в лихом круговороте.

Трепали ветры дольний палантин,
Стучали крыши громче барабанов,
Будя чудовищ призрачных глубин
И поднимая волны в океанах.

Страх выдрал моего рассудка клочь:
Открылись в зыбком мареве ворота!
Застлал всё чёрный. Наступила ночь
И рухнул мир — в объятия Азатота.

1. НАХОДКА НА ПЛЯЖЕ

Иногда, находясь на пороге сна, я вижу перед собой таинственную каменную стену невероятной высоты; она сложена из циклопических блоков, и оба её конца тянутся в бесконечность. Но стоит лишь захотеть, как с лёгкостью, точно призрак, я прохожу сквозь неё, чтобы снова обнаружить в себе остатки человеческой личности.

В такие мгновения я вновь обретаю себя таким, каким был прежде. И тогда целая череда странных событий, повлёкших за собой необратимые перемены в моей природе, подробно и отчётливо приходит мне на память.

И иногда я спрашиваю себя: насколько достоверна моя история? Не лучше ли бы было забыть обо всём пережитом, и, наконец, бесповоротно освободиться от своих эмоциональных терзаний, учитывая все психические и физиологические мои трансформации?

Однако же километры воды не властны над моею сутью, а новое естество не смогло заменить мне в полной мере того, что было столь дорого сердцу. И всё ещё дорого!

Помню свою сестру, как будто видел её только вчера. Её глаза, с блеском очень подвижного, живого ума и непреклонной воли; твёрдый и решительный голос, привычка поправлять свои непослушные волосы. И ещё... академическая манера, которой она неизменно держалась в обществе даже самых близких людей. Что же касается нравоучений и высокой морали, которую она старательно вкладывала в каждое наставление мне, своему младшему брату, то теперь воспоминания о них вызывают только горькую печаль об утраченном общении. Драгоценные крупички памяти, светлые проблески человеческой души, всё ещё не чуждые мне.

И эта неизбывная, безотрадная мысль о том, что я причинил ей боль своим внезапным и бесследным исчезновением... она продолжает мучить меня до сих пор, как застарелая ноющая рана. И всё же, если бы передо мной встал тот же выбор, я бы вновь без колебаний принял предложение Богини.

Итак, мой рассказ призван приоткрыть завесу сокровенного!

Наряду со многими умениями, приобретёнными мной в новой жизни, я освоил довольно эффективный и удобный способ письма. Стоит мне сосредоточиться на каком-нибудь слове или целом законченном предложении, как в тот же миг оно отображается на палимпсесте — материале, спо-

Вадим**ВЕРБИЦКИЙ****Рукопись****О****МОЛЕХЕ**

собном сохраниться в моих условиях (как автор, оставляю за собой право не раскрывать свои тайны с первых же абзацев). Такой метод в некоторых эзотерических ложах именуется методом «осаждения» и используется исключительно среди посвящённых. Благодаря этой уникальной способности и с дозволения Великой Амфитриты я могу поведать тебе, судьбоносный читатель, дивную, но отнюдь не сказочную историю о моём чудесном преображении.

Всё началось, когда я нашёл осколок метеорита — и это не было случайностью. Впрочем, с этого места моего повествования — способного, несомненно, удивить тебя и, вероятно, заставить усомниться в его действительности — всё было не случайно.

Разменяв свой четвёртый десяток лет, я продолжал влачить скучное существование закоренелого холостяка — и в то же время был обречён на разочарование в своих тщетных надеждах на спокойную, размеренную жизнь.

Спустя столько кажущихся мне бесконечностью лет, минувших с того дня, когда я стал *другим*, мне трудно судить, каково это было — вести жизненный уклад самого заурядного человека, с малодушным лицемерием убеждая окружающих в том, что бездонное одиночество не заставляет меня страдать до той степени, когда хочется напиться до беспамятства и выпрыгнуть в окно. Моя патологическая нелюдимость была главным камнем преткновения на пути обретения обыкновенного человеческого счастья. Знал бы я тогда, какой великий дар уготовила мне судьба...

Эту унылую часть моей далёкой, почти позабытой и не стоящей твоего внимания жизни я, безусловно, пропущу. И начну свой рассказ с происхождения на пляже, когда, несмотря на все мои упрямые отговорки, старшая сестра всё же убедила меня отправиться на запланированную утреннюю пробежку вдоль моря.

В то хмурое утро назревало ненастье, и огромные свинцовые тучи расплылись по небу беспрестанно бурлящей массой, не оставив в нём ни единого просвета. Неоглядный горизонт стянуло непроницаемой мглой, напомнившей мне мрачные краски на холсте Уильяма Тёрнера. Над угрюмым беспокойным морем низко кружили крикливые чайки. Холодный рыхлый песок проваливался под нашими ногами, и бежать по нему было непросто.

С характерной для неё расторопностью и стремлением быть всегда и во всём первой, Лина опережала меня на несколько метров, так что я видел, как следы её босых ног почти мгновенно теряли форму и исчезали на мокром песке. Сбавив темп, я решил дать себе небольшую слабость и отдышаться, как вдруг заметил небольшой чёрный предмет, привлёкший мой взгляд, когда схлынула бурная пенная волна. Хотя я не был уверен, что на самом деле послужило причиной, побудившей обратить внимание на кромку прибоя, однако точно помню, как внезапно меня, разгорячённого от бега, охватила смутная тревога, а затем бросило в дрожь. Продлилось это странное состояние всего несколько мгновений.

Дело в том, что мне показалось или даже привиделось, будто на берег налетел высокий вал, над которым взметнулось нечто среднее между дельфином и человеком. Это был расплывчатый силуэт, попавший в периферийный обзор моего рассеянного в ту секунду взгляда. В следующий миг я услышал, как вскипела с шумом волна. Вероятно, это и привлекло моё внимание в первую очередь.

Когда вода отошла, мне бросился в глаза резко выделяющийся на фоне блеклого песка угольно-чёрный камень. Он был чуть больше спичечного коробка, почти прямоугольной формы, с небольшой выпуклостью с одной стороны. Я поднял его и с любопытством стал рассматривать. Вид у него был необыкновенный, и это сразу вызвало у меня интерес. Какая-то вулканическая порода, предположил я.

К тому времени сестра отделилась от меня метров на сто. Я окликнул её, стараясь перекричать шум прибоя и бешеное улюлюканье чаек, и только с третьей попытки смог привлечь её взгляд. Она остановилась, посмотрев на меня с удивлением, озадаченно развела руками и побежала обратно.

— Тебе тяжело себя заставить, правда? — неодобрительно воскликнула она, перейдя

на быстрый шаг.

Остановившись по правую руку от меня, Лина деловито подбоченилась, её ступни увязли в песке. Напористый ветер трепал её рыжие волосы, и она безуспешно пыталась с ним бороться, нетерпеливо отбрасывая мятущиеся пряди за голову. При этом она сильно щурилась, так что были видны только две маленькие, подёрнутые по углам морщинками тонкие щёлочки глаз.

Одновременно с рокотом отдалённого грома и первыми каплями дождя, словно то был некий знаменательный жест, я раскрыл ладонь перед лицом Лины, и она хмуρο перевела внимание на чёрный камень. Её лицо вдруг приобрело выражение озабоченности.

— Как думаешь, что это? — спросил я.

— Чёрт его знает, — пробормотала она. — Где ты это подобрал? И что это... какие-то иероглифы?

Я указал пальцем на то место, где песок уже приобрёл идеальную гладкость. Удивляясь своей невнимательности, я только сейчас заметил неизвестные знаки, которыми была испещрена одна сторона камня.

На обратном пути я отказался составить компанию сестре, и она побежала домой в одиночестве. Я же медленно шагал вдоль моря под мелким дождём, с интересом разглядывая свою находку. Не обладающий определёнными очертаниями, камень имел мелкопористую структуру и в некоторой степени напоминал шлифованный осколок базальта. Имеющий шершавую, цепкую поверхность, в руке он ощущался как что-то неприятное и холодное, точно какой-нибудь чешуйчатый гад или только что издохшая жаба, чья кожа пошла пузырями; одна из его плоских сторон была испещрена неясными отметинами, в которых Лина различила иероглифы. Я с трудом сумел оторвать от него взгляд — и то лишь, когда возникла необходимость использовать обе руки, чтобы отпереть замок входной двери дома. Я спрятал камень в карман ветровки, и там он оставался, пока я не покончил с завтраком.

Лина поставила на стол ещё тёплые оладьи и заварила чай. Я молча поел, поблагодарил сестру и стал поспешно собираться на работу. Затем, поражаясь своему странному интересу к чёрному камню, переложил его в походную сумку.

Держась за поручни автобуса, покачиваясь на ходу, я несколько раз извлекал его на свет и, словно зачарованный, наблюдал за тем, как оттеняются многочисленные покрывающие его мелкие поры; он точно подмигивал мне сотнями чёрных крошечных глаз. Откуда у этой странной штуковины столь притягательная сила? У неё как будто была надо мной власть, суть которой оставалась загадкой.

2. ЗАВЕЩАНИЕ

Вечером, ближе к концу рабочего дня я проверил свою электронную почту, надеясь, что произошло то, чего я так долго и томительно ждал — а именно, что бухгалтерия, наконец-то, подписала бегунок об отсутствии задолженностей перед отделом за прошедший квартал. В таком случае сообщение должно было прийти от моего шефа. Но адрес отправителя, что высветила строка почтового ящика, был мне незнаком. Письмо явно не являлось извещением о моём переводе в другой отдел. Создавалось впечатление, будто я пытался вырваться из когтей какого-то зловещего культа, неосознанным приверженцем которого мне довелось быть на протяжении последних тринадцати лет. Словно придя в себя от помрачения, я решил во что бы то ни стало покинуть дьявольское поприще статистов. О... тут нет никаких противоречий! Отдел статистики — это чёртов культ цифр и отчётов. Уж поверьте!

Письмо содержало в себе следующий текст:

Здравствуйте, уважаемый М. В. Н!

Вынужден с прискорбием сообщить, что Л. Нора Л. скорпостижно скончалась 05.09.20... Прошу простить за несвоевременное извещение.

Как выяснилось, контактный номер Вашего телефона больше не является действующим. Поэтому вынужден был отправить письмо на электронную почту,

также предоставленную Вашей родственницей. Однако из-за повреждения интернет-кабеля связаться с Вами не представлялось возможным на протяжении пяти дней.

Ввиду вышеперечисленных причин, администрация посёлка Жабье приняла беспрецедентное решение похоронить покойную собственными силами.

Примите мои искренние соболезнования!

И ниже курсивом добавлено:

Обращаю Ваше внимание, к письму прилагается файл с ЗАВЕЩАНИЕМ, ознакомьтесь с ним и, не откладывая, свяжитесь со мной по номеру...

Далее следовал номер телефона и подпись: «нотариус А. Б. Огрехов».

Охваченный внезапной тревогой, я попытался убедить себя, что случилась ошибка, и письмо пришло не по адресу, несмотря даже на совпадение фамилий. Я кликнул на файл, и на экране развернулось текстурированное полотно стандартного государственного образца. Две трети листа занимал чисто формальный текст. Под ним имелась печать, где указывались знакомые уже инициалы и фамилия нотариуса.

Данный файл действительно представлял собой юридически заверенный документ. В его правом нижнем углу значились фамилия и инициалы наследодателя. Я вздрогнул.

Я так и не сумел совладать с нахлынувшими чувствами и не прочёл завещание, отказываясь признать горькую правду о скоропостижной кончине дорогой тёти Норы, до недавних пор жившей в небольшом городке со странным названием Жабье, расположенном в пятидесяти километрах к востоку от Одессы. Она вела там собственный бизнес и прекрасно могла о себе позаботиться, несмотря на преклонный возраст. Жаль, но последние два года мы всё меньше поддерживали общение.

Не уверен, по причине ли переутомления, или оттого, что на глазах и вправду выступили слёзы, буквы расплылись по экрану. Встав с кресла, я с грохотом задвинул ящик стола, небрежно отправив туда свой бейдж и рабочую канцелярию.

Точно не помню, как я покинул здание офиса, только глумливые лица, украдкой бросающие на меня насмешливые взгляды, мелькающие в коридоре и фойе, пришли на память позже — объяснение тому можно было найти лишь в неприкрытом удручающем состоянии, в котором я пребывал в те минуты.

В отличие от меня, Лина отнеслась к новости очень сдержанно, по своему обыкновению. После длительного угрюмого молчания она принесла из погреба две бутылки белого вина, одну из которых сразу поместила в ведро со льдом. Не прибегая к моей помощи (видимо, в тот момент я выглядел достаточно жалко, чтобы просить меня о чём-то), слегка замешкавшись со штопором, она откупорила первую бутылку. Когда содержимое второй бутылки подходило к концу, мы успели здорово всколыхнуть прошлое.

А затем неожиданно сестра спросила меня:

— Ничего больше не хочешь мне сказать? — она смотрела на меня своим пронзительным испытующим взглядом, который я не мог терпеть с детства. — Уверена, ты что-то не договариваешь.

— Ну, не знаю... — колебался я, — по-моему, тётя составила на нас завещание...

— Стоп! — встрепенулась она. — Ты ничего не говорил о завещании.

Я тяжело вздохнул и небрежно махнул рукой.

— Ты серьёзно? — В её голосе прозвучала нотка раздражённого удивления. — То есть, тётя Нора оставила посмертное завещание...

— Да я и сам не успел с ним толком ознакомиться! — сердито оборвал я сестру. — Нам стоило чаще звонить ей... вот и всё. — Голос мой дрогнул, и от этого мне стало немного стыдно. Ведь Лина владела собой куда лучше, чем я. Да, к своему стыду, сознаюсь — в отли-

чие от меня, Лина унаследовала от отца настоящую стальную выдержку и непреклонный характер.

Тётя Нора приходилась маме родной сестрой. Пять лет мы прожили под её крылом. Пять лет болезненного контроля над её осиротевшими племянниками. Хотя порой нам казалось, что сама она осиротела не меньше нашего. Мужа она похоронила ещё в девяносто третьем, своих детей не имела. Но нам она отдала всю любовь, на которую была способна. После смерти родителей, она взяла на себя ответственность за наше дальнейшее воспитание.

Моё старание собраться с мыслями потерпело крах, и я поднялся в свою комнату, вернувшись через несколько минут с ноутбуком. Мы оба прильнули к экрану. Теперь, когда удалось стряхнуть с себя морок потрясения, я наконец-то почувствовал готовность осмыслить содержание документа.

Из текста явствовало, что отель «Дары моря», которым владела при жизни тётя, согласно её последнему волеизъявлению, переходит её племянникам — мне и Лине.

При всём моём нежелании переезжать в расположенный в полусотне километров от Одессы рыбацкий посёлок, название которого производило на меня неоднозначное впечатление, когда кто-нибудь произносил его вслух, её величество Судьба, и, само собой, обстоятельства, как посчитал я сначала, вынуждали отправиться туда при первой же возможности.

Я позвонил нотариусу на следующее утро. Высказав свои соболезнования, он хрипловатым, и, как мне показалось, заискивающим голосом заверил меня, что спешить с приездом не обязательно, отель находится в хорошем состоянии, и дело о вступлении в права собственника может подождать ещё неделю-другую. И что за это время я мог бы «уделить внимание своим городским заботам, прежде чем браться за ведение унаследованного бизнеса».

Такой ответ меня весьма удивил, учитывая его же слова «не откладывая, свяжитесь со мной». Когда я переспросил Огрехова, точно ли у меня ещё есть время перед приездом (поскольку мне оно действительно требовалось, чтобы решить вопрос с работой, который ещё был актуален на тот день), он, запинаясь, стал рассказывать о проблеме с водопроводом в гостинице — что, мол, Владимир (кажется, я расслышал «брат Владимир») как раз в данный момент занят починкой неисправностей, ему потребуется не меньше трёх дней, может быть, больше. Тут я снова испытал короткое замешательство, поскольку Огрехов минуту назад заверил меня, что отель находится в хорошем состоянии. Быть может, это самая обыкновенная профессиональная черта нотариусов, всё время в чём-то заверять?

Сестра рассудила, что с поездкой торопиться не стоит и создавать лишние хлопоты сейчас не время. Конечно, мне были понятны её мысли относительно ведения сомнительного бизнеса, прибыльность которого стояла под большим вопросом, тем более сезон, когда желающих порыбачить станет больше, чем в остальное время года, наступит только ближе к середине весны; плюс наша совершенная неопытность. После двух нервных дней беспрестанных пересудов о том, стоит ли вообще браться за управление гостиничным делом в такой глуши как Жабье, или (по мнению Лины) было бы куда лучше продать отёл, пока ещё есть время до начала сезона, сестра вдруг сообщила мне о своём намерении вовсе не вовлекаться во всю эту ненужную, как она выразилась, суету. В итоге, вопрос о том, поедет ли она вообще вместе со мной, к вечеру на повестке дня больше не стоял. Идею о продаже отеля я не разделял. Более того, в отличие от сестры, работа меня вовсе не держала.

Итак, было решено, что управление гостиницей ложится исключительно на мои плечи. Соответственно, в поездку отправляюсь я один.

Уладив все свои дела к концу следующей недели и, наконец, распростившись с ненавистной мне работой, я решил предупредить Огрехова о своей готовности приехать в Жабье в субботу вечером, а также просить его о том, чтобы кто-нибудь встретил меня на вокзале,

так как местности я толком не знал. Он обещал обо всём позаботиться.

В субботу к полудню мои чемоданы были окончательно упакованы. Билет на автобус я вложил в нагрудный карман куртки. Я похлопал по другому карману, где лежал чёрный камень, найденный на пляже. Казалось само собой разумеющимся, что я прихвачу его с собой в дорогу; уж больно будоражила моё воображение эта странная вещица, вплоть до того, что временами, когда я держал её в руках, по телу моему пробегала мелкая дрожь.

Сестра ждала меня внизу в холле. Она выглядела взволнованной. Я приготовился к эмоциональному всплеску, без обиняков, в её манере.

Поставив чемоданы на пол, я недолго постоял и двинулся к ней. Но не успел и шагу ступить, как она опередила меня с крепкими объятиями, и затем также резко отступила, отводя взгляд.

Меня очень смутило такое нехарактерное для неё поведение. Я почувствовал, как сухо у меня в горле и как непредвиденно холодно на душе. Странно, но я не испытывал тех же прощальных эмоций, что и сестра.

— Будь там осторожен, — сказала она с явным волнением.

— Всё будет о'кей! — заверил я её.

— Конечно, будем держать связь, — отрывисто сказала Лина. — Возможно, если в срок разгребу дела, к весне приеду погостить.

— Буду ждать, — обронил я, нащупывая чёрный камень, оттягивающий мой нагрудный карман.

Поразительно, но у меня создавалось впечатление, будто с того дня, когда я нашёл его на морском берегу, он заметно потяжелел.

— Береги себя и не перетруждайся, — добавил я и улыбнулся, стараясь произвести на неё хорошее впечатление.

Но Лина как будто помрачнела ещё больше и вдруг стала расхаживать по холлу взад-вперёд, скрестив руки на груди и как-то нервно поджимая губы. Я подумал, что явно назревает что-то совершенно неуместное и глянул на время: до отправления с вокзала оставалось полтора часа.

— Твои замечания о нашей вине совершенно несправедливы! — заявила она. В тоне её явственно сквозила едва сдерживаемая злость.

Я промолчал, рассчитывая на скорый финал этой спонтанно разыгравшейся сцены, и решил, что при подобных обстоятельствах можно сделать скидку.

— Но, похоже, ты забыл, что это не мы оборвали с ней всякую связь, а она... да, именно она перестала отвечать на звонки ещё год назад, когда ты так неистово рвался её навестить.

— К чему сейчас этот разговор? — спросил я, сохраняя спокойствие.

— Да к тому, что тебе не нужно ехать в эту дыру.

Я глубоко вздохнул.

— Таково моё решение. Мы всё обговорили накануне...

— Послушай! — Лина резко остановилась, пристально глядя мне в глаза. На её белое тонкое лицо легла тень неподдельного страха, радужки её глаз потускнели и казались больше серыми, чем голубыми.

— В чём дело? — обеспокоено спросил я.

— Помнишь, что тётя рассказывала нам? — сказала она, понизив голос. — Помнишь легенду о Хозяине озера?

— Что?! — я изобразил недоумение. — О чём ты?

Лина нервно всплеснула руками.

— Вспомни! — продолжала она стоять на своём, — ты ещё под стол пешком ходил, но...

— К чему ты ведёшь? Послушай, — я прыснул смехом и взял её обеими руками за плечи, — городок расположен не за тридевять земель, это же почти рядом, под Одессой. Тётя

прожила там двадцать три года, и я не вспомню, чтобы она хоть раз на что-то жаловалась.

— Только не начинай про чистый воздух и рыбалку, — монотонно пробубнила Лина.

— Я не рыбак, — усмехнулся я, — но воздух...

Я слегка встряхнул её за плечи, и она, наконец, слабо, но улыбнулась. И тут же в короткий миг опять помрачнела.

— Просто... будь осторожен.

3. НЕЧТО В САДУ

Я ясно помню, как продирался через густые камышовые заросли, чтобы обойти родительский дачный участок со стороны озера, обогнуть обрывистый берег и выйти на пологий откос, ведущий к заднему двору. Обычно я встречал тётю сидящей в кресле на веранде восточной пристройки к дому. Она принимала меня с таким искренним радушием, что я никогда не воспринимал всерьёз маминых предостережений по поводу беспокойств, которые я якобы мог доставлять тёте Норе своими частыми посещениями. Эта нелёгкая окольная дорога брала начало во дворе дачного дома, где мама зачастую копошилась в своих клумбах, а оконные стёкла почти всегда — так мне это помнится — дребезжали от стука отцовского молотка, и, пролегая через болотистый берег, мой путь заканчивался с другой стороны, недоступной родительским взорам.

Тётя угощала меня какао с печеньем, и мы разговаривали о сказочных созданиях, болотниках, водяных и прочих фантастических тварях, способных заинтересовать маленького мальчика. Как-то раз она заговорила о тритонах, называя их детьми Матери моря, и, увидев мой по-детски заинтригованный взгляд, тётя улыбнулась, подалась вперёд и, перейдя на заговорщицкий шёпот, сказала, что знает много удивительных тайн, о которых большинство взрослых даже не догадываются. Она пообещала мне открыть один из её секретов — за то, что я так живо интересовался легендами и сказками.

Однажды она повела меня на берег озера. Это было незнакомое мне место — особенно мрачное в тот пасмурный вечер — где прежде я не бывал ни с отцом, когда тот брал меня на рыбалку, ни с сестрой во время наших прогулок. Помню, что только лишь я, ведомый за руку, вышел на широкую болотистую прогалину, обрамлённую полукругом высоких зарослей камыша, как по спине побежали мурашки. Чтобы не расстраивать тётю, я скрыл то, что вместо ожидаемого ею восторга, я так сильно испугался, что не мог связать и двух слов.

Что-то страшное, первобытное и — я это ясно тогда почувствовал — хищное скрывалось за стеной камыша. Там, в жутковатой гуще высоких трескучих стеблей таилось нечто, что видеть мне совсем не хотелось, несмотря на полное доверие своей дорогой тётушке.

Милым, доверительным голосом она велела мне смотреть. В тот же миг, когда в камышах раздался треск и шорох, я в страхе зажмурил глаза. Сколько же мне потребовалось моей мальчишеской воли, сколько усилия над собой, чтобы не выказать своего подлинного отношения к происходящему. Я молчал всю обратную дорогу, а тётя Нора, по всей вероятности, оценивая моё состояние, не стала сильно допытываться о моих впечатлениях от увиденного.

В тот день, согласно её словам, она оказала мне большую честь, посвятив в «великую тайну природы», и строго-настрого наказала никому не говорить о том, что мне было открыто. С той поры я больше не ходил на берег в одиночку.

Эта история присыпалась пылью многих лет, но я вспомнил о ней, проезжая мимо дачного посёлка, где, возможно, до сих пор стоит бывший когда-то нашим замечательный уютный дом на берегу того самого озера. После трагедии мы продали его по смешной цене, чтобы похоронить родителей и оплатить учёбу сестры. Поскольку тётя Нора жила в нашем дачном доме круглый год, а не только лишь в летний период, как большинство дачников, то с его продажей она была вынуждена искать себе новое жильё. Несколько лет она поддерживала нас, как могла, а потом уехала безвозвратно. Только никак не укладывалось в моей голове, почему она остановила свой выбор на посёлке Жабье, когда были варианты куда лучше, да и гораздо ближе к городу.

Я был единственным, кто сошёл на пустынной, лишённой каких-либо опознавательных знаков остановке, и взгляд мой сразу напоролся на серое и унылое здание вокзала. Автобус прибыл с небольшим опозданием, в восьмом часу вечера, когда край алого солнца коснулся расплывчатой линии горизонта. Воздух дохнул на меня неприятным гнилостным смрадом болот, и первое, что я услышал, когда гул мотора старого автобуса стих вдали, было истеричное кваканье лягушек, доносившееся откуда-то с противоположного конца улицы.

Устремив взгляд в ту сторону, я заметил несколько пожелтевших от лишайника крыш, словно парящих над утопающей в сероватой дымке низиной. Вероятно, там же, в её глубине находилась заболоченная заводь, где и голосили в тысячи глоток лягушки.

Меня озадачило отсутствие обещанного автомобиля, поскольку приехал я и так на четверть часа позже положенного времени. Быстро сгущался сумрак. Я уже предвидел безнадёжность своего положения. Прошло минут двадцать, прежде чем я окончательно осознал, что никто обо мне сегодня не побеспокоится, и не стоит ждать, пока ночь застанет меня посреди плохо освещённой улицы в почти незнакомой местности. За это время я сделал пару безуспешных попыток дозвониться до нотариуса, а потом, подобрав чемоданы, зашагал в выбранном наугад направлении с надеждой, что смогу узнать дорогу у местных.

Сумерки уступили ночи, когда я вошёл на узкую, не подающую признаков жизни улицу, состоящую из неказистых домиков, одинаково покрытых потрескавшейся шифериной. Далеко впереди горел тусклый фонарь, под ним бледно отсвечивала большая, перегораживающая проход лужа. Кое-где можно было увидеть горящий в окнах свет. Неопрятные и скособоченные, с захламленными двориками дома теснились по обе стороны грунтовой, избородённой автомобильными колеями дороги. А вдоль улицы, повисая толстыми безобразными жгутами, тянулись электропровода.

Не будучи уверенным в выбранном пути, я продолжал безостановочно брести вперёд с чемоданами в руках. За всё время, что я прошёл от пункта моего прибытия, останавливаться мне пришлось только один раз, когда я почувствовал тяжесть своего багажа.

То, что придётся замарать туфли, перебираясь через глубокую и грязную колдобину, мне стало очевидно при одном взгляде на неё ещё издали, поэтому я не особо расстроился, когда это произошло. Миновав фонарь, я приблизился к кирпичному двухэтажному дому. На фоне целой улицы, состоящей из сумрачных, зачернённых годами халуп, что казались удручёнными самим своим существованием, этот дом выглядел довольно солидно, пусть и нависал над дорогой устрашающей бессветной громадиной. И всё же, несмотря на некую мешанскую вычурность, усматривалось в нём и что-то привлекательное, даже достойное восхищения, выдающее изысканный стиль и такие неожиданные черты, которые можно было подсмотреть на фотографиях старой Англии. Имелась и мансарда, и в маленьком окне её размытым неярким пятном жёлтого света горела настольная лампа или ночник.

По другую сторону ворот я разглядел небольшой аккуратный сад, разбитый на некотором удалении от маленького пустого двора, выложенного брусчаткой. Если и следовало тревожить жителей с расспросами, в каком направлении находится гостиница, подумал я, то лучше этого места мне не найти. Насколько я знал, старинная усадьба, ставшая отелем, являлась здесь единственным сколько-нибудь заслуживающим внимания сооружением. И я рассудил, что вряд ли промахнусь в описаниях искомой локации в этом захудалом и скудном на достопримечательности городишке.

Потянув калитку на себя, я обнаружил, что она не заперта, и нерешительно проскользнул во двор, таща своё скудное имущество. Громко позвав хозяев, я стал вглядываться вглубь территории, в густой мрак между тонкими стволами молодых яблонь, в окружении которых стоял какой-то тёмный массивный предмет, достигавший в высоту окон второго этажа. Во мраке он был чёрен как аспид, но очертаниями смутно походил на огромную рептилию или, если угодно, ящерицу, вставшую на задние лапы. Хотя я мог ошибаться, было слишком темно.

Лягушачья трель всё ещё была слышна мне, хотя прошагал я уже километр, а то и больше.

Я вновь позвал хозяина, но никто не отозвался. Опустив багаж на землю, я недолго постоял, затем вынул телефон, включил фонарик и робкими шагами направился к крыльцу, собираясь постучать в дверь.

И вдруг моё внимание привлекло какое-то движение в саду. Несколько секунд, не отводя глаз, я настороженно смотрел в то место, где покачнулись деревья. И вот, под тихий шум листвы, я увидел, как что-то длинное и округлое проползло между тонкими стволами яблонь и в следующее мгновение исчезло во мраке. Однако не это обстоятельство заставило меня вздрогнуть, так что я едва не выронил телефон. За спиной моей внезапно раздался голос.

Как нередко это бывает, когда человека объекает безмолвие мрачной беззвёздной ночи, любой неожиданный звук способен вызвать в нём неоднозначные впечатления.

Голос, вдруг раздавшийся рядом, позади меня, показался мне буквально нечеловеческим, очень грубым, гортанным, почти рычащим. В тот миг душа моя ушла в пятки и весь я похолодел. Обращённых ко мне слов я даже не расслышал. Последовала длительная напряжённая пауза.

Лишь когда незнакомец кашлянул, чтобы прочистить горло, и повторил свой вопрос — кто я и что мне нужно в его частном владении — я вздохнул с облегчением, узнав в этот раз тот самый хрипловатый голос, что слышал по телефону. Какая небывалая удача, в изумлении подумал я, и в тот же миг подметил про себя, что нотариус неплохо обустроился в этом оскуделом месте — если, конечно, особняк действительно принадлежал ему.

Огрехов оказался поразительно высоким человеком, худощавым и сутулым, не слишком общительным, что поначалу было даже к лучшему, поскольку меня дьявольски раздражала заискивающая манера, в которой он обращался ко мне. Его жидкие чёрные с проседью волосы были зачёсаны строго назад, морщины на блеклом плоском лбу напоминали сеть тонких трещин на старом холсте. Когда он хмурил свои тонкие, почти аристократические брови, его зелёные глаза казались мне недоверчивыми, хитрыми, и он старательно уводил их в сторону, точно опасался, что я смогу прочесть его тайные мысли. Нос у него узкий и прямой, хотя при глубоком вдохе ноздри сильно расширялись. Но не это казалось мне самой нелепой его чертой. Всякий раз, когда Огрехов открывал рот, собираясь что-либо сказать, раздавалось омерзительное чавканье; тонкие губы его неизменно блестели, невзирая на раздражающую частоту, с которой он прикладывал к ним свой носовой платок. Вдобавок ко всему, он часто и тяжело вздыхал, будто всё время был чем-то недоволен. В общем, нотариус произвёл на меня неприятное впечатление с первых же секунд нашего общения.

Я не стал возражать, когда он настоял на том, чтобы отложить поездку в отель на утро следующего дня и остаться на ночлег в его роскошном доме. Мне было постелено в большой комнате с окном, выходящим на сад. Накрыв на стол, хозяин тотчас удалился, и до утра я больше его не видел.

Ночью я дважды вставал с постели, пробуждаясь от какого-то неясного шороха, подходил к окну и подолгу смотрел на яблоневоый сад внизу, подозревая, что звук мог доноситься оттуда. На фоне стрёкота сверчков и отдалённого несмолкаемого пения лягушек, любой посторонний звук мог вызвать сомнения на свой счёт. Вместе с тем, меня крайне насторожило отсутствие огромной фигуры, своими очертаниями походившей в темноте на доисторического ящера. Она попросту исчезла с того места, где была замечена мной ранее.

Утром мы позавтракали и к девяти часам выехали на автомобиле Огрехова за пределы городка, где кончались его унылые, безлюдные улицы, на которых нигде нельзя было избежать удручающего зрелища всеобщего упадничества, — не в пример жилищу зажиточного нотариуса.

Пока мы болтались на ухабистых дорогах, я не раз пытался завести с ним беседу, но

тот оставался неизменно угрюмым и неразговорчивым на протяжении всего пути. Его странное поведение заставляло меня чувствовать неловкость, и вскоре я вовсе прекратил свои бессмысленные расспросы, безгласно уставившись в окно, где мелькали однообразные пейзажи.

Перед моим взором проносились широкие, сменяющие друг друга невозделанные поля, вспыхивали солнечными бликами лужи, повсюду кружили беспокойные вороны, а вдоль грунтовой дороги тянулась нескончаемая череда редкого полесья. На перекрёстке Огрехов вывернул руль круто влево, поравнявшись с посадкой тополей. Дорога пошла вниз. Впереди открылся чудесный вид на большое, сверкающее под ярким утренним солнцем озеро, а далеко справа темнели развалины старой фермы.

Проехав ещё пару километров, мы выбрались на трёхполосное шоссе, затем скатили с него на очередной развилке, и снова автомобиль затрясся по кочкам и ямам, заполненным серой слякотью. Я предположил, что мы отправились в объезд брошенной фермы с целью сократить путь, который иначе оказался бы довольно извилистым.

Окружённое серебристыми в лучах солнца ивами, здание «Даров моря» замаячило по правую сторону ещё в тот момент, когда мы устремились вниз по направлению озера. Это означало, что шоссе проходило недалеко от отеля, и любой проезжающий здесь водитель с лёгкостью мог заметить его элегантный ярко-белый фасад. Такое удачное его расположение меня несколько порадовало.

Огрехов подкатил автомобиль к высоким железным воротам и заглушил двигатель.

4. ЗАГОВОР

Двухэтажное трёхкорпусное здание смотрело большими ясными окнами на просторную ивовую рощу. В свете солнца белоснежный фасад его был ослепителен. Несмотря на очевидную недавнюю реставрацию, сооружение несло на себе печать старины, и, не удержавшись, я невольно ахнул от изумления. Приблизительно в пяти метрах от стояночной площадки начинала виться вымощенная песчаником дорожка, обрамлённая по обе стороны тучными карликовыми кустами; огибая небольшой высохший пруд, она вела прямо к калитке. Солнце лучилось золотистым ослепляющим светом, вокруг было свежо, зелено и тихо. Тонкие ивовые ветви слегка покачивались на лёгком ветерке. Перенимая благодать окружающей атмосферы, я набрал полную грудь здешнего воздуха и невзначай посмотрел на нотариуса, выходящего из автомобиля. И в следующую же секунду моё настроение омрачилось.

Я поймал на себе его острый, неприятный, даже враждебный взгляд. Ситуация обязывал его принять благодушный вид, чтобы произвести на меня положительное впечатление; тем не менее, нотариус предпочёл быть злыднем не только на то время, пока мы шли через территорию к входу в корпус, но оставался таким вплоть до момента, когда он приступил к своей непосредственной работе.

Он по-хозяйски швырнул ключи на стол и более чем небрежно бросил рядом с ними папку с бумагами. Я оставил багаж у двери и занял место с противоположной стороны круглого стола.

— Вы вступаете в права владельца отеля «Дары моря» с момента подписания договора, — продекламировал он авторитетным тоном. Куда только подевались его подобострастные выражения «ой-ой, прошу вас» и «тысяча извинений за неудобства», без умолку произносимые вчера и сегодня утром?

— Водопровод уже в порядке? — спросил я, принимаясь за ознакомление с документами, веером разложенными передо мной нотариусом.

Он молчал, пока я не окончил читать последнюю бумагу. Целясь ручкой в поле для подписи, я пристально посмотрел на Огрехова из-под бровей в ожидании его ответа. Возмущённый неожиданно дерзким поведением этого одиозного человека, я счёл необходимым поставить его на место.

Не изменяя себе, он раздражённо выдохнул сквозь свои широкие ноздри и отвёл взгляд.

— Не беспокойтесь, отель в хорошем состоянии, — промямлил Огрехов, точно застигнутый врасплох моим внезапным вопросом.

Не ускользнуло от меня и то, как он презрительно уставился на меня, убирающего документы в ящик стола. Чтобы подчеркнуть свою доминирующую роль в данной ситуации, я старался держаться решительно.

Когда с формальностями было покончено, я пожелал разузнать побольше об обстоятельствах смерти тёти Нора и выяснить причины, побудившие местных взять на себя заботу о её похоронах.

— Понимаю вас, — прохрипел Огрехов, поглаживая пальцами крышку стола, — обстоятельства и впрямь кажутся необычными... однако, ваша тётя была не последним человеком в нашем городке. Принимала активное участие в облагораживании некоторых значимых мест на окраине, которые благодаря её же усилиям обещали привлечь внимание туристов. Люди ожидали увеличение притока рыбаков в наступающем сезоне. Часть дохода со своего бизнеса Нора щедро выделяла на развитие Жабьего. Например, прошлой весной она сделала ощутимый вклад в отведение заповедной зоны на восточном побережье озера. Обязательно найдите время полюбоваться здешней природой, пока кругом ещё зелено. Виды тут живописные... Вы знаете, какая глубина у нашего озера? Давно в наши края не заглядывали специалисты, но, согласно архивам, в 1953 году озеро в Жабье могло достигать сорока семи метров в глубину. И это при площади водного зеркала чуть более двух километров. Также имели место подозрения, что на его дне существуют карстовые воронки и даже гроты, так как именно на такой глубине в нашем районе залегают известняковые пласты, мощностью в двадцать-тридцать метров...

— Я не интересуюсь природоведением! — холодно отрезал я.

Опешив, Огрехов на мгновение задержал на мне свой неприятный взор, и снова глаза его уклончиво заматались по комнате. В какой-то миг я заметил в них странную особенность, которая почему-то ускользала от меня раньше — наличие золотистых ободков, окаймляющих тусклые радужки, и, как будто — едва заметно — вертикально сплюснутые зрачки, сосредоточенные точно в клубке густо переплетённых, таких же золотистых волокон.

— В позапрошлую пятницу меня поставили в известность, что тётя ваша отказалась от госпитализации. Наш доктор диагностировал у неё «апоплексию», то есть, инсульт. У неё парализовало правую сторону тела, появились проблемы с речью. В тот же день, после звонка Агнессы, единственной горничной отеля, я прибыл к вашей родственнице незамедлительно — в половине девятого вечера. Она с большим трудом высказала свои последние пожелания, почти уже не владея языком. Расспрашивать её о подробностях каждого пункта в завещании, как понимаете, было неуместно и бессмысленно. Под утро воскресенья Нора скончалась. Событие это весьма печально, молодой человек, не только для вас, но и для меня и многих жителей городка. А здесь, знаете ли, у вашей тёти было много друзей.

— Вы говорите «инсульт», но мы даже и не думали... — сказал я и вдруг запнулся, отрёшенно уставившись в окно.

После слов нотариуса новая волна скорби нахлынула на меня, появилось почти непреодолимое желание побыть одному, и общество Огрехова представилось мне совершенно невыносимым. Расплатившись, я выпроводил его за порог и запер дверь.

Кабинет был заставлен новой, по всей видимости, совсем недавно приобретённой мебелью, предназначенной служить хозяйке ещё много лет. Рабочий стол был приставлен к большому английскому шкафу, сделанному из какой-то ценной породы дерева и до отказа заполненному книгами, преимущественно романтического жанра, за исключением массивных талмудов с тёмными выцветшими корешками без обозначений, выставленных в два сплошных ряда. В центре высокого потолка имелось сферическое углубление, где на фили-

гранном крюке повисала старомодная люстра о пяти терракотовых абажурах. Стены практически не располагали свободным местом, сплошь увешанные однообразными картинами и вышивками в багетных рамах, а также старыми фотографиями скучных, по всей видимости, местных ландшафтов. Полки над камином и вторым столом у восточной стены ломились от плотных рядов журналов и картонных папок. Кроме этого, по краям полок тянулись шеренги игрушечных фигурок и разнообразных безделушек из папье-маше — некоторые были раскрашены вручную, другие же остались бесцветными. Большая их часть представляла собой статуэтки в виде различных животных; одни казались забавными, сделанными по типу персонажей из мультфильмов, а иные имели устрашающий вид хищников и даже весьма убедительно походили на монстров из фильмов ужасов. Вполне вероятно, Нора изготовила их всех собственноручно. Подобные причуды были ей не чужды.

Выйдя в коридор, я обратил внимание на одну из картин — преобладающие на ней тона казались чрезмерно мрачными. Это был единственный среди прочих холст, не помещённый в рамку и напроочь лишённый кричащей своей яркостью и контрастностью палитры. На нём, в отличие от остальных, не красовались обыкновенные пейзажи и всякого рода живность. Размером картина примерно в три раза уступала соседствующим рядом на стене дешёвым, ничем не примечательным репродукциям. На изображении было чёрное, точно заполненное смолой озеро, охваченное овалом отвесных склонов то ли гранитных, то ли базальтовых, пустынных и не менее мрачных берегов, а в центре его возвышалась острая вершина пирамиды, шириной и разбегом граней своих говорившая о внушительных глубинах, в которых терялось её основание.

В просторной, наглухо зашторенной спальне я распаковал чемоданы, сменил одежду и отправился на кухню, чтобы сварить кофе и заодно разобраться, что там к чему. Всюду наблюдалась безукоризненная чистота. Полы были вымыты до блеска, нигде ни соринки. Все кухонные принадлежности располагались на отведённых для них местах, посуда сверкала белизной, хрустальные бокалы искрились, как алмазы. Судя по тому, что обслуживающий персонал ограничивался одной-единственной девушкой, востребованность отеля оставляла желать лучшего, с сожалением рассудил я.

Необходимо было созвониться с Агнессой, обо всём тщательно у неё разузнать. К кому, как не к ней, мне теперь было обращаться за советом в управлении всего этого обширного хозяйства? Надо было отдать ей должное — на кухне я нашёл свежие продукты. Подкрепившись и выпив пару чашек кофе, я вышел на обращённый во двор балкон на втором этаже. К тому моменту я ещё не удосужился осмотреть все комнаты усадьбы, но в некоторые всё же заглянуть успел — там тоже царил безупречный порядок. Смутил только затхлый, застоявшийся воздух. Комнаты, судя по всему, несколько дней не проветривались. Однако чистота была налицо. Я справедливо приписал сию заслугу Агнессе.

Необходимо было назначить ей встречу. Но первым делом, я рассчитывал, что она сопроводит меня на местное кладбище, к могиле тёти Норы.

Было далеко за полдень, и все мои звонки Агнессе, а затем и Огрехову, остались без ответа.

За это время меня не раз посещала мысль о сплетении лукавых интриг. В какие-то моменты она представлялась мне нелепой; однако, насколько в действительности она была нелепа? Гневно расхаживая по комнате, я старался убедить себя, что Огрехов — занятой человек, а горничная... да, чёрт знает... её я в глаза не видел! Не исключено, что местный управленец достаточно алчный человек, способный прибрать к рукам отель. Что стоило ему, будучи знатоком, обойти какие-то юридические пункты и состряпать нужную бумажку? — всё рассуждал я, изводя себя смутными подозрениями; возникли они не на пустом месте — я видел, как он смотрел на меня, этот лицемер!

В таком возбуждённом состоянии я направился в ивовую рощу, добрёл до ворот, на которых только теперь заметил деформации и глубокие вмятины в местах, где содрана была

чёрная краска; затем обошёл здание, заглянул в маленький дворик и там, присев на краешек пень, подумал о Лине.

Расхаживая в узком пространстве двора, я набрал номер её телефона. Она взяла трубку после первого же гудка. Услышав родной голос, я почувствовал себя несколько лучше. Вопреки опасению, что сейчас на меня будет обрушена целая лавина взволнованных речей и укоров, связанных с решением уехать в Жабье, Лина располагала к тёплой дружественной беседе. Она шутила и вообще пребывала в приподнятом настроении на протяжении всего нашего разговора, что не могло не доставить мне удовольствие. Мы общались минут десять, а затем, прерванная кем-то на полуслове, извинившись и взяв с меня обещание не терять связь, сестра попрощалась. Я подметил, что сделал полезное дело, позвонив ей, и, тем самым, приободрился. Далее, мне не оставалось ничего другого, кроме как обойти остальную часть усадьбы.

До недавних пор эта весьма впечатляющая постройка являлась заброшенным и недооценённым историческим памятником. Её точный возраст остаётся неизвестным, однако, по рассказам Норы, в архивах городка хранятся кое-какие скудные данные, утверждающие, что в далёком 1837 году её владельцем ещё числился некий дворянин, М. А. Барышников. Однажды по неизвестным причинам он уехал из Жабьего, оставив усадьбу пустовать. Утверждалось, будто хозяин исчез совершенно неожиданно.

Местные власти не строили каких-либо планов по использованию полуразрушенного старинного здания в собственных целях; частично обвалившаяся крыша и поваленные стены правого крыла не внушали им доверия, и постройку сочли бесполезной.

Поселившись в городке, тётя быстро разглядела потенциал заброшенной усадьбы. Располагая некоторой суммой, вырученной от продажи родительского дома, она сделала свой первый вклад в ремонт восточного корпуса вместе с флигелем. Затем ей каким-то образом удалось уговорить местное управление отремонтировать на деньги бюджета главный корпус и облагородить территорию вокруг. Основная идея заключалась в использовании старинного здания в качестве придорожного отеля.

Во время реставрации удалось сохранить его первоначальный архитектурный стиль и даже возродить былую помпезность корпусов. Утрачены были лишь изящные балконы на консолях, которые имелись у окон флигелей, выходящих на рощу, а также пришлось оставить без внимания рухнувший портик с колоннами. По окончании первого этапа работ, несмотря на наличие стиля и истории, отелю-усадьбе присвоили всего три звезды. Впрочем, надо полагать, тётя была вполне удовлетворена такой оценкой. Мало-помалу дело шло своим ходом. Ей понадобилось семь лет, чтобы стать исключительной и полноправной владелицей «Даров моря».

Изначально стоявший покоем, обращённый фасадом во двор, главный корпус впоследствии был соединён с двумя боковыми. Таким образом, удалось добавить к имеющимся в нём двенадцати ещё пять комнат. Общая длина отеля в итоге составила восемьдесят три метра, не считая обширную приусадебную территорию. Я насчитал тридцать семь развесистых ив, среди которых обнаружили обладатели поистине исполинских размеров — что, естественно, свидетельствовало об их почтенном возрасте.

Я вошёл в западный корпус, единственный вмещающий в себе, помимо четырёх комнат и большой залы, просторный, выкрашенный в небесно-голубой цвет вестибюль. При входе меня встретила высокая арка, являющаяся как бы продолжением главного входа, а за ней взбегала парадная лестница; увенчанный гипсовым барельефом портал обрамляли белоснежные колонны, а дальше — бельэтаж с лепниной на стенах и потолке, ведущий сквозь очередной проход с пилястрами в сумрачный коридор. На этом декоративная составляющая исчерпывалась: пол в коридоре был устелен самым обыкновенным линолеумом, стены выкрашены в тот же голубой цвет.

Я посетил все комнаты, отметив их абсолютную идентичность в уютной простоте, оценил виды из высоких окон, потоптался на открытых балконах и перешёл во флигель. Но едва я приоткрыл створку двери, отозвавшуюся на мой толчок пронзительным скрипом, как

услышал хруст гравия, без сомнения, раздавшийся под колёсами автомобиля.

Этот звук мог доноситься лишь со стояночной площадки. Я тут же устремился к выходу. Очутившись в светлом вестибюле, я вновь уловил, как машина вдруг тронулась с места, о чём мне сообщил тот же характерный хруст гравийного покрытия на парковке.

Автомобиль с пробуксовкой рванул к выезду, когда я отчаянно стал жестикулировать руками и кричать, чтобы привлечь внимание водителя. Странно, но он как будто был напуган моим появлением и старался быстрее убраться прочь. Машина с рёвом мотора взлетела на откос насыпи дороги, покрышки истошно взвизгнули на асфальтном полотне, и, круто вильнув вправо, неизвестный на бешеной скорости помчался в направлении посёлка Жабье. В замешательстве я глядел ему вслед, стоя у ворот и спрашивая себя: что это, чёрт возьми, только что было? И тут же я подметил, что в скором времени потребуется сменить все замки.

5. ТЕТРАДЬ И ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О МОЛЕХЕ

После недолгой бессмысленной ходьбы по территории, всё ещё испытывая лёгкое смятение, я направился в восточный корпус, где располагался рабочий кабинет. Взойдя по ступеням, я неожиданно наткнулся на лежащий на крыльце конверт. Он содержал в себе небрежно вырванный из тетради клочок бумаги, на котором корявым почерком было нацарапано:

Прочтите дневник Норы... ищите его под серой плитой в старом фонтане.

Через три минуты я уже стоял внутри грязной, имеющей удручающий вид чаши заброшенного фонтана. Бетонное дно в ней потрескалось и было усыпано отвалившимися от стен осколками облицовки, всюду налипли гнилые ивовые листья и прочая труха. Ближе к центру виднелась забитая тиной и мусором воронка слива. Недолго думая, я выискал взглядом отверстие в бортике, рассудив, что таковому положено быть.

Как я и предполагал, дренажное отверстие было закрыто решёткой. Лёгким движением руки я снял её и, подсвечивая фонариком на телефоне, взгляделся в открывшийся провал. Тут же я увидел небольшую серую плиту; хрупкая от сырости, она крошилась в моей руке. Под ней обнаружилось ещё одно углубление.

Мне пришлось завести руку практически по локоть, чтобы дотянуться до того, что я ожидал там найти. Журнал или общая тетрадка, имеющая красную потёртую обложку, была предусмотрительно помещена в пластиковый пакет с пластмассовой застёжкой, благодаря которому, по-видимому, она и сохранила свой вид и находилась в хорошем состоянии.

Загадочная записка и обнаруженная тетрадь — всё это привело меня в глубочайшее изумление. Я почувствовал тот тревожный и одновременно приятный трепет, что охватывает человека, неожиданно вовлечённого в таинственные события. Полагаю, именно это странное чувство и заставило меня почти бегом устремиться обратно в здание, без конца оглядываясь по сторонам, будто за мной могли следить.

Войдя в кабинет и быстро закрыв за собой дверь на защёлку, я с нетерпением принялся изучать найденную тетрадь, сразу удостоверившись в том, что автором текста на самом деле являлась моя тётя. С первой же страницы я был поражён её прекрасным и решительным почерком.

Бегло ознакомившись с несколькими строками, я пролистал тетрадь до конца и с огорчением признал, что предложения последних страниц выводились дрожащей непокорной рукой. Происходило это либо из-за ухудшения здоровья, что вполне вероятно, либо по причине нарастающей в последние дни её жизни тревоги. Так или иначе, мне предстояло это выяснить, внимательно прочитав дневник от начала и до конца.

Дойдя до середины записей, я размял затёкшую шею и потёр глаза, удивляясь тому, как неожиданно быстро сгустились сумерки за окном. Потом, сделав пару безуспешных попыток связаться с горничной и нотариусом, посетил кухню, чтобы сделать себе чашку кофе и ско-

рее вернуться к чтению.

Следует отметить, что большая часть записей велась в форме свободного изложения, не отмеченного какими-либо значимыми событиями, и не привязанного к датам. Однако дальше их характер резко менялся, приобретая вид дневниковых заметок. Последние четыре страницы заслуживали особого внимания, и я читал их с большой настороженностью, то и дело вытирая взмокший от волнения лоб платком. Именно с этого места почерк становился неряшливым, а в заключительных абзацах — почти нечитабельным.

29 июля

Если бы не брат Белир, я бы по сей день пребывала в слепом неведении. Сегодня, спустя два дня после его неожиданного откровения, я будто пробудилась от долгого гипнотического сна (когда услышала длинную фанатичную речь жреца Дэйнара, подтвердившую ранние опасения брата Белира).

Из уст Дэйнара я впервые услышала такую страшную вещь, как «освящение вод». В его понимании, молех способен «намагнетизировать» воду в любой части Земли, тем самым предоставив Хозяину новую область для распространения своего культа и влияния на умы людей.

Дэйнар намерен уже в ближайшие дни предпринять действия, направленные на осуществление своего плана — так называемой «священной миссии», порученной ему Хозяином озера.

Будучи верной служительницей культа, я не имела оснований ставить под сомнение благость Хозяина озера. Зная о невероятной мощи космического тела, упавшего на поверхность нашей планеты тысячи лет назад — согласно древним записям книги «Стихирь Амфитриты» — я твёрдо верила в благие намерения общины и даже не подозревала, что у главы культа могла возникнуть подобная вероломная идея о насильственном распространении власти озёрного Хозяина.

Владея такой колоссальной силой, заключённой в осколке метеорита, Дэйнар способен наложить заклятие на любой — любой! — водоём, будь то небольшое озеро, расположенное внутри страны, или море, омывающее берега сразу нескольких государств.

Сам по себе, молех — это средоточие космической мощи, творческой энергии, лежащей в основе бытия, и собственной полярности он не имеет. Будет ли он творить добро и приносить великую пользу, или же нести зло и разрушение, зависит сугубо от воли того, в чьих руках он исполняет роль усилителя психической энергии.

Издревле Маряна хранила его в своих подводных владениях, и человеку такая непостижимо сильная магия была не подвластна; но, как гласят некоторые письмены, по истечении тысячи лет нахождения молеха в подводном царстве, он вдруг таинственным образом исчез, несмотря на защитное заклятье морской богини.

И вот, всего пару сотен лет тому назад, его случайно, или же по воле неведомых богов, выуживают из глубин озера рыбаки, здесь, в районе посёлка Жабье. Знаменательным совпадением являлось появление в те дни в озере некоего сверхсущества, безымянного покровителя местных рыбаков.

Предание гласит, что прадед Дэйнара был первым, кто вступил в контакт с обитателем озера, неведомым пришельцем. На протяжении века ни у кого из потомков озёрного бога не возникало сомнений в его добром расположении к местным жителям.

Мужчины и женщины собирались группами и проводили ритуалы поклонения, пели благодарственные гимны своему благодетелю, и он, в свою очередь, платил им богатым уловом и, что самое удивительное, исцелял безнадежно больных.

Из рассказов старожил я сама слышала, что с тех пор, как Хозяин дал о себе знать, рыбы в озере наплодилось в небывалых количествах. Щука, окунь, краснопёрка и другая, название которой никому неизвестно, потому как никто прежде не вылавывал подобной рыбы, водились в озере в поразительном изобилии.

Моя бабушка, будучи уроженкой этого изолированного городка, в последние годы своей поведала мне много историй из жизни Жабьего. Рассказывала она и о том, как местные терроризировали заезжих, когда те пытались вмешаться в уклад самобытного рыбацкого посёлка, суя свой нос, как она выражалась, туда, куда не следовало.

По всей вероятности, бывший хозяин усадьбы тоже исчез неспроста. Так я рассуждала, пока однажды Дэйнар не раскрыл свои планы. Тогда в свете сказанного мне стало многое понятно.

10 августа

Недавно я заболела и перестала посещать служения на берегу. Каждый месяц в нарастающую луну Дэйнар взывает к Хозяину. Волна или мелкая рябь служат добрым знаком. Только иногда Хозяин «молчит». Но даже жрец не может дать внятного ответа, к чему может привести это гнетущее безмолвие.

Как и следовало ожидать от фанатично настроенных рыбаков, меня неизбежно заподозрили в отступничестве.

Месяц моего отсутствия — и я превратилась в изгоя, хотя и так жила все эти годы на удалении от городка и вела весьма уединённый образ жизни, временами принимая в доме незнакомцев. Четвёртый день Агнессы, моя незаменимая помощница, не является на работу и не отвечает на звонки. Боюсь, она подверглась влиянию ревнителей культа.

Усадьба обесточена. Полагаю, это дело рук людей Дэйнара. Батарея на телефоне давно разряжена. Генератор мёртв, я обнаружила повреждения и потёки машинного масла при входе в подсобное помещение и множественные следы, небрежно оставленные непрошенными гостями. Всё вышло из строя разом, в один день. Ведь я, невзирая на свои корни по линии матери, для них — всего-навсего чужачка, на которую всегда посматривали с недоверием.

Никому теперь не интересен тот факт, что бабушка моя проходила инициацию пред лицом самого Хозяина озера; она была из тех немногих, кому довелось лицезреть его воочию. Такой привилегии лишена подавляющая часть местных.

Обстоятельства вынуждают меня закрыть въезд на территорию отеля и сменить замки на воротах и калитке со двора.

11 августа

Прошлой ночью во сне мне явилась сама Марьяна, морская Богиня! Душа моя переполнена священным благоговением. Рука моя дрожит, когда я пишу эти строки.

Она говорила со мной о молехе. Сказала, что он был украден из её подводных владений, и теперь она собирается вернуть его. Потом она благословила меня исполнить её волю. С сердечным трепетом я дала своё согласие послужить Морской Владычице.

14 августа

Моё сердце горит ревностью о деле Матери моря!

Она придала мне сил. Посещая меня во снах, она утешает и говорит сладкие, божественные глаголы, от которых душа моя пылает огнём беззаветной любви к своей Богине.

Жизнь моя изо дня в день всё больше наполняется волшебством, моя мудрость, питаемая еженощными поучениями Марьяны, возрастает неуклонно. Мне стали доступны прежде недостижимые откровения.

Она уже столькому меня научила, и всё же, сознавая своё невежество, я ощущаю нестерпимый голод перед новыми истинами.

Всё это с единственной целью — исполнить волю Богини.

17 августа

Дэйнар послал своих людей запугать меня. Вне всяких сомнений, Хозяин озера забил тревогу. Дэйнар прознал о планах Владычицы моря. Его приспешники пытались пробраться на территорию, но слова заклинаний, которым обучила меня ве-

лика Божия, не позволили им сделать этого, отбросив троих сильных мужчин на добрых пять метров от ограждения.

Отныне я надёжно защищена и не боюсь жреца и его фанатиков. Дэйнар желает затравить меня и, возможно, убить. Молах всё ещё в его руках. Но Владычица говорит, что это ненадолго.

В краях нет воды. Вероятно, по наущению жреца отель был отрезан от системы водоснабжения. Не унываю, но всецело полагаюсь на помощь Маряны!

23 августа

Божия моря поведала мне, что параллельно моим столкновениям с Дэйнаром, на другом (тонком) плане бытия происходит не менее ожесточённое сражение с силами озёрного божка.

Она открыла мне природу хозяина озера. Он — зло, демон, порождённый нездешними богами. Его прародитель — злобный, ненасытный Затакк, тучный любитель кровавых подношений, ужасный жаболикий пришелец из иного мира. Узнала я и о коварных планах озёрного демона. Дэйнар, законный жрец, гордо помышляющий о себе, как о единственном достойном избраннике, по сути — всего лишь пешка древнего зла.

В сумерках явились люди Дэйнара. Кучка рыбаков-недоумков, они швыряли камни в окна усадьбы. Разбили стёкла в двух комнатах в западном корпусе. Этакая пакость! Смех, да и только.

26 августа

Жалкие попытки запугать меня переросли в настоящий террор. Заклинания успешно их сдерживают. Но выйдя утром на крыльцо, я ещё издали разглядела покореженные ворота. Нужно иметь чудовищную силу, чтобы отогнуть железные прутья.

Я осмелилась осмотреть место, где по ночам толкутся посланники жреца — и ужаснулась, обнаружив множество огромных нечеловеческих следов. Было отчётливо видно, как в земле отпечатались трёхпалые лапы.

Остались кое-какие продукты. Неделью протяну, что будет дальше — неизвестно. Верю в помощь Морской Богини.

29 августа

Хвала Великой Матери моря!

Молах в моих руках. Вся дрожу от волнения и благоговения перед страшной игрой богов, в которой случилось мне исполнить свою ничтожную роль.

Я видела ужасные вещи и была свидетельницей истинных чудес. Финальное столкновение окончилось поражением гнусного сектанта Дэйнара.

Он и орда тварей отступили. По крайней мере, их нигде не видно и не слышно. Решающий сокрушительный удар отнял последние мои силы. По-видимому, изнурённая сражением, я лишилась чувств.

Когда я пришла в себя, уже занимался рассвет. До чего же была я поражена, обнаружив молах в своей руке. Сокрушительный трепет охватывает меня, когда я думаю о великой и непостижимой значимости этой реликвии.

День уже клонится к закату. Что будет теперь? Жду ночи, когда вновь явится Матерь моря.

Позже

В окно моей спальни влетел камень; к нему была привязана записка следующего содержания:

«Будь проклята! Ты выиграла битву, но война в самом разгаре. Предательница! Как могла ты отвергнуть ведущую руку бога, примкнув к его извечным врагам?

Будь проклята!

Мне известно о твоих мерзких замыслах. Я не позволю тебе использовать дар Древних против владыки. Ты не посмеешь уничтожить его священную обитель. Его порождения вскоре придут за тобой.

Верни молех его законному владельцу. В противном случае умрёшь страшной смертью, и твоя богиня не поможет тебе».

30 августа

Я в отчаянии. Этой ночью мучилась кошмарами. Богиня моря так и не явилась. Но, что самое ужасное, молех исчез.

Все двери и окна заперты, за исключением комнат, где разбиты стёкла. Дверь моего кабинета, в котором я была вынуждена провести ночь, была закрыта на замок. Следов проникновения я также не нашла.

Что ж, кажется, и я была всего лишь пешкой. Моё мужество исчерпано.

31 августа

Мимолётный сон, в котором морская Богиня сообщила неясную мне и неутешительную новость. Она сказала, что её миссию завершит мой наследник.

Кого она имела в виду?

Благодарила меня за возвращение молеха.

Усадьба окружена. Пока жрецу и его людям невдомёк, что магия Богини мне больше не подвластна, они держатся на некотором удалении от ограждения. Но их постоянное присутствие страшит и угнетает меня.

Они не перестают выкрикивать угрозы, с особым неистовством швыряя камни. Дэйнар угрожает поджечь усадьбу. Лишившись покровительства Маряны, я стала уязвима. С этого дня моя смерть — лишь дело времени.

Через час

Они привели Белира, связанного верёвкой. Зверски избили его на моих глазах. Но что им может быть известно о нём? Это он — первый, кто узнал о планах жреца и вопреки смертельной опасности, рассказал о них мне.

Позже

О, боги! Я видела, как в сумерках появились огромные тёмные силуэты, их рост почти вдвое превышает человеческий.

Чудовища, отвратительные порождения хозяина озера, они растерзали Белира; голова его лежит в роще, среди деревьев. Спаси меня, Великая Богиня! Неужели такова твоя плата за мою нерушимую преданность?..

На этом месте записи обрываются.

Я упрятал тетрадь в надёжное место, понимая, что лучше держать её от посторонних глаз подальше.

Насколько изложенные в дневнике события соответствовали действительности, настолько опасно было стечение обстоятельств последних нескольких дней. Что это, очередные фантазии, нашедшие отражение в её рукописях, или иллюзии помешанной на мифах старухи?

С малых лет я замечал немало странных вещей, связанных с магией, легендами и преданиями о морских божествах, о которых без конца твердила мамина сестра. Порой меня настораживало её чрезмерное увлечение данной тематикой.

Что было тогда на озере? Я ведь так и не увидел там ничего, что подтверждало реальность существования мифических тритонов. Она стремилась ввести меня в свой неординарный круг знаний, охотно посвящая в некие сокровенные тайны, часто называя меня «другим». И вот, спустя много лет, я обнаруживаю загадочный дневник, где рукой тёти излагаются события, схожие по характеру с её досужими рассказами — такие же невероятные и устрашающие.

Любопытно заметить, Лина пыталась что-то сообщить мне о Хозяине озера, многократно упоминаемом в дневнике, но я не придал значения её словам, и тема осталась закрытой. Я поставил своей целью позвонить ей позже и подробней расспросить.

Кто такой этот Дэйнар? События, описанные в тетради, в случае, если они действи-

тельно имели место, никак не вязались со словами Огрехова о его тёплых, дружественных отношениях с Норой, а также о её незыблемом авторитете среди жителей Жабьего. То есть, в любом из вариантов, ложь имеет место быть.

Боюсь предположить, что тётя Нора повредила умом на старости лет. Впрочем, не стану отрицать, что не удивился бы такому открытию. Однако факт умышленного обмана представлялся мне особо настораживающим. Тут просматривается заранее продуманная ложь и отдаёт расчётливым коварством, которое не составило бы труда для нотариуса воплотить в какой-нибудь последовательный план действий.

Например, предварительно избавившись от следов преступления, связанных с убийством Норы, найти возможность заманить меня в тщательно спланированную западню. Ради чего?

Ну, хотя бы затем, чтобы повысить свои шансы на возврат отнятого у некого Дэйнара загадочного и столь желанного им молеха, известного мне благодаря дневнику.

Пока это были только догадки и не более. Однако дальнейшие события стремительно развеяли все мои сомнения в правдивости дневниковых записей.

Меня порядком ошеломило упоминание Норой о своей бабушке, якобы получившей посвящение перед лицом озёрного Хозяина. Я ничего не знал о происхождении своей прабабушки, так как, со слов матери, она умерла задолго до моего рождения. Вероятно, в этом и была главная причина приезда тёти Норы в Жабье, а также постоянного влечения к сказкам о водяных и тритонах.

Допустим, многое из того, что сообщил мне дневник, правда, и нотариус вступил с Дэйнаром в сговор. Тогда о каком наследстве может идти речь? И кем был доставлен конверт с указанием, где мне следовало искать тетрадь?

В ней не упоминалось о других доверенных лицах, кроме Белира, который, кстати, согласно повествованию, был зверски убит. В этом месте моих размышлений по коже пробежал неприятный холодок, поскольку я вспомнил об ужасных обстоятельствах, при которых он погиб.

Учитывая вышесказанное, мне оставалось лишь развести руками, не улавливая логику в поступках злоумышленников, в существовании которых в тот момент я всё ещё был не уверен.

6. УЖАСНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Я не верю в чудовищ, сказал я себе, наблюдая из окна кабинета, как тяжело и неуклюже раскачивались под порывами ветра раскидистые кроны огромных деревьев.

С наступлением вечерних сумерек разразился чуть ли не ураган. Серые облака мчались по небу, словно бесформенные призраки, не обретшие пристанища на земле. Я вслушивался в шелест роши и холодящие кровь завывания жестяных отливов под окнами верхнего этажа, когда в уме моём вдруг родилась ещё одна смутная мысль: во время нашего с ним телефонного разговора, Огрехов просил не спешить с приездом, ссылаясь на неисправность в гостинице. Этот момент показался мне подозрительным ещё до приезда в Жабье. Тревога моя росла с каждой минутой.

Окно в спальне прошлой владелицы, также как и все окна в отеле, были найдены мной целыми, но этот факт нисколько не повлиял на моё решение принять на веру текст дневника. Ведь в распоряжении злоумышленников было предостаточно времени, чтобы замести все следы.

Внезапно, когда я всё ещё стоял у окна, до меня донёсся слабый шорох. Казалось, он раздавался в вестибюле... но нет — в следующую секунду я отчётливо различил шаркающий звук где-то снаружи, у крыльца, которого не видно из окна кабинета.

Я вышел в коридор, напрягая слух. Через какое-то время звук повторился, но уже из комнаты с видом на задний двор.

Подойдя к её двери, я плавно повернул ручку. Но не успел я заглянуть в комнату, как с

крыльца до моих настороженных ушей вновь долетело странное шуршание. Оно то затихало, то опять возобновлялось, с каждой минутой становясь всё громче, и в итоге переросло в непрерывное царапанье.

Меня захлестнули пугающие воспоминания о чудовищах, которых с неподдельным страхом описывала тётя Нора — о существах огромного роста. Но я не верил в монстров, по крайней мере, никогда прежде. Разве только, будучи ребёнком, в тот день, когда тётя отвела меня на берег озера, чтобы открыть какую-то важную тайну, доступную ей одной.

Заворожённый странностью происходящего, я почувствовал, будто ноги мои вросли в пол, но последующий громкий удар в дверь главного входа вывел меня из ступора, и я немедленно бросился обратно в кабинет, намереваясь включить лампы наружного освещения — для удобства электричество во всех корпусах включалось в кабинете.

Я без разбору щёлкнул всеми рубильниками, расположенными в ряд на щитке.

На рощу и территорию перед входом в корпус мгновенно выплеснулся яркий бледный свет фонарей. Тени, отбрасываемые ивами, тянулись длинными чернильными пятнами вплоть до откоса дорожной насыпи.

На выезде с парковочной площадки тоже светил фонарь, и там, в белом островке света, я усмотрел неясные силуэты, но уже через мгновение они пропали из виду.

До полуночи я боялся потерять бдительность и, почти не переставая, вёл наблюдение из окна, то и дело приглядываясь к наиболее тёмным участкам. Облака рассеялись, и ветер поутих. За это время по шоссе пронеслась пара грузовиков. В свете фар тени вздрогнули и разбежались по роще, точно полчище демонов. Это зрелище много стоило моим поистрепавшимся нервам.

Потом я сдался, оставив на время свой дозор, выпил кофе и принял поздний ужин из запасов того, что хранилось на кухне. Судя по количеству продуктов, а также принимая во внимание, что я не имел понятия, где мог бы их пополнить, на моё длительное пребывание в стенах отеля заговорщиками расчёта не велось. Так что я с немалой тревогой ожидал от следующего дня какой-то развязки.

Отдав последний взгляд мрачным глубинам ивовой рощи и сереющей полосе дороги, залитой слабым светом луны, я устроился на жёсткой и неудобной софе, над которой нависла под небольшим наклоном массивная картина с изображённым на ней чёрным гребнем гор над голубоватым туманом. Кажется, спустя минуту, я провалился в дрему, поскольку ощущение твёрдого ложа под моей спиной сменилось мягким, нежным прикосновением тёплых вод.

Я открыл глаза, но вместо того, чтобы упереться взором в потолок кабинета, я увидел серые дождевые облака, сгущающиеся в высоком небе, и услышал мерный расслабляющий плеск волны. Вокруг была одна сплошная, бескрайняя морская синева, странно контрастирующая под свинцовым сводом неба. На некотором удалении от меня, обласканного негой и беззаботно дрейфующего на спокойной поверхности моря, высилась белая как девственный снег, необычайно высокая скала — величественный монолит. Почти у самой вершины его имелось небольшое ответвление, утолщённое в основании и заострённое на конце; его верхняя, обращённая к небу, плоская, ровная поверхность была полностью занята крупными черноголовыми чайками.

С этого момента я понял, что испытываю необъяснимое мистическое переживание, не имеющее ничего общего с обыкновенным сном.

Пока я свыкался с этой мыслью, появилась тёмная фигура, движущаяся к краю монолита. При этом чайки, совершенно не опасаясь её появления, продолжали сохранять невозмутимое спокойствие. Затем фигура выступила из тени, и по точёным изгибам и изящным очертаниям в ней легко можно было угадать девушку. Она воздела тонкие руки над головой, обращая ладони как бы к морским далям, и в тот же миг задул ветер, и морская гладь всколыхнулась. Её густые, поразительной длины волосы тотчас заструились на ветру.

Стала нарастать волна. Однако меня переполняла странная уверенность, что, пока мо-

нолит близко, ничто не сможет причинить мне вреда, и вода поддерживала меня каким-то чудесным образом на плаву. Неведомо откуда, но я точно знал, что таинственной девушке на скале покорны море и ветер, который тем временем крепчал, поднимая всё бóльшие и бóльшие волны.

Море забурлило, обрушивая огромные тёмные валы на несокрушимый монолит. И вдруг моё умиротворение и вера в безвредность происходящего для меня сменилась настоящим ужасом перед чудовищными изменениями в пейзаже.

Резко сгустился сумрак. Казавшиеся мгновение назад тёплыми и дружелюбными, лазурные воды обратились чёрной кисельной жижей, густой и студёной, будто море изрыгнуло свои древние, застоявшиеся миллионами лет донные отложения.

Из белой, почти сияющей скалы, высокий монолит внезапно превратился в нечто чёрное, напоминающее уродливый нарост, рог на голове морского дьявола, скрытого в непроглядной глубине. После того, как на него обрушилась огромная волна, силуэт девушки утонул в хаосе встревоженных чаек.

Беспомощно барахтаясь среди жуткого шторма, я понял, что теряю силы и вот-вот пойду ко дну, а между тем ветер всё набирал мощь.

Ещё одной деталью этого всепоглощающего кошмара стали отвесные стены берегов, внезапно обступившие море со всех сторон; они омерзительно блестели и лоснились в тех местах, где билась волна омерзительной жижи. В последней надежде на помощь властительницы стихий, я обратил на монолит свой испуганный взгляд, однако, заметив произошедшие с ним отвратительные перемены, понял, что не избежать мне беды, поскольку та единственная, которая была в силах спасти меня из смертельного омута, внезапно исчезла.

И тут среди заунывных и свирепых стонов ветра раздался женский голос. Он был таким суровым и властным... Я чувствовал в нём непререкаемую мощь. Смешиваясь с дикими воплями бури, звучали слова: «*п'хнаг н'гаах петра тикоррат*»; и ещё: «*силой камня одолеешь зло*».

Жуткий водоворот закрутил меня, я стал задыхаться, и в тот же миг проснулся. Я нашёл себя в непроглядном мраке, стоящим в спальне тёти Норы — где днём оставил свои вещи — и держащим что-то в руке, что-то твёрдое и холодное как лёд. Я раскрыл ладонь.

В темноте я не видел то, что лежало на ней, но почти мгновенно сообразил, что это был камень, обнаруженный мной на пляже. Его необычайная притягательность больше не являлась для меня загадкой, как, впрочем, и вопрос, по чьей воле он стал моим достоянием.

Времени на удивление не осталось — меня внезапно отвлекло шарканье из коридора.

Странная и непонятная фраза из сна ещё звучала в моей не до конца прояснившейся голове: «*п'хнаг н'гаах петра тикоррат*».

Подойдя к порогу, я застыл и прислушался, но не расслышал ничего, кроме собственного шёпота, методично повторяющего одни и те же слова.

Я не берусь объяснить, что это был за странный неодолимый импульс, обретший выход помимо моей воли, но с каждым произношением голос мой не стихал — напротив, он усиливался и, наконец, вылился в громкий решительный речитатив, без сомнения, достигший всех углов первого этажа.

Внезапно из-за двери донёсся вопль, в котором прозвучало, как мне показалось, злобное, истеричное разочарование. Послышались шлепки поспешных шагов. Я представил, как кто-то тяжёлый бежит босиком, неуклюже хлюпая мокрыми ногами по полу коридора.

Кто бы там ни был, он быстро удалился, отголоски его гортанного крика поглотили древние стены дома. Потом я отважился выйти из спальни и почувствовал резкий холод. Оставленные нараспашку двери главного входа болтались на петлях под порывами ветра. Я осторожно выглянул наружу — и едва не упал, сражённый безотчётным ужасом.

В свете уличных фонарей стояло порядка нескольких дюжин огромных, впившихся в меня своими жуткими жёлтыми глазами ящероподобных тварей. Их фигуры были непо-

движны, а потому мне на ум пришла мысль, что они являлись иллюзией или визуализацией полузабытого кошмара, который виделся мне в какую-то из недавних ночей. Едва владея собой, я попытался закрыть двери.

Замок был выбит из пазов. Я обнаружил, что дверные створки были не в состоянии сомкнуться достаточно плотно, из щели сквозило пронзительным холодом — но дрожал я не от него, а от иррационального страха. Потом накатила тьма, все окружающие звуки разом стихли, и жуткий искажённый голос старухи донёсся издалека... Обрывки неясных фраз улавливались где-то на самом краю моего меркнувшего сознания.

А затем раздался смех, дребезжащий и леденящий душу, снова напомнивший мне сардонический хохот старухи, и в обволакивающем меня мраке проступили с трудом различимые, искажённые силуэты; они порхали над грозно и надменно вознёсшимся высоко в серое небо монолитом, сияющим ослепительной белизной. Это были чайки, черноголовые, с жадно разинутыми клювами. Они сбивались в небольшие стаи, кружа над белой скалой и надо мной, беспомощным и испуганным.

7. ЯЩЕРЫ

Первым ощущением, которое уведомило меня о возвращении из забытья в реальность, была острая боль в висках и затылке. Потом кто-то прошептал мне на ухо: «Где молех?» Я встрепенулся и почти мгновенно вскочил на ноги. Но, когда я, пошатнувшись, сделал два шага и опёрся рукой о стену, то никого рядом с собой не обнаружил.

Через дверной проём в холл проникал белый свет мощных уличных фонарей. Вдруг одна из дверных створок с треском и грохотом вылетела в коридор, её щепки усыпали пол. Оглушённый внезапностью, я вжался в стену. Затем, вопреки здравому смыслу, зачем-то двинулся к выходу. И хотя всего минуту назад я лежал у порога без чувств, и первым моим импульсом после того, как я пришёл в себя, было спастись бегством, попытаться найти укрытие где-нибудь в помещениях дома, сейчас я ощутил необыкновенный прилив сил и твёрдость духа.

Камень по-прежнему находился в моей руке. Он показался мне необыкновенно увесистым в ту минуту. Шагнув в сноп белого света, я наступил на обломки двери. Ветер трепал мои волосы. Щурясь от слепящих лучей, я опять вышел навстречу несомненной опасности, ощущая стремительно разливающееся по всему телу обжигающее тепло и покалывание в пальцах рук.

Никаких иллюзий или галлюцинаций!

Снаружи кишели отвратительные чудовища! Их огромные жёлтые глаза блестели словно дымчатое стекло, в котором отразилось сияние луны, или янтарь, тускло отсвечивающий языки огня. Эти существа, ящеры, были громадны, но отличались между собой ростом и длиной своих хвостов. Над покатыми спинами вздымались зубчатые гребни-плавники, шея практически отсутствовала — вместо неё топорщилось острыми шипами какое-то аморфное образование, отвратительная выпуклость, растущая в том месте, над которым выступали большие оттопыренные в стороны лопатки; безобразные рептильные головы располагались на уровне широкой грудины, точно между двумя верхними лапами, поэтому, невзирая на их высоту, твари были вынуждены задираť свои тупые зубастые морды вверх, чтобы видеть меня, стоящего на крыльце дома.

Я почувствовал, что больше не владею собой. Некая сила взяла надо мной верх — несомненно, та же, что заставила выйти за порог. Спина моя напряглась и выгнулась дугой, ноги болезненно свела судорога. Мои стопы оторвались от пола, и я встал на носки, чувствуя, как по позвоночнику пробегает странная дрожь, точно лёгкие разряды электрического тока... снизу вверх.

И тут я вновь услышал собственный голос.

Слова, слетающие с моих онемевших губ, звучали порывисто и твёрдо. *П'хнаг н'гаах петра тикоррат.* Адская боль пронзила все мои мышцы, спина выгнулась с таким ожесто-

чением, что мне захотелось вскрикнуть, но я не мог себе этого позволить, окончательно утратив власть над телом. В ответ на слова, беспрерывно срывавшиеся с моих уст, точно на мизансцене театра ужасов, между шелестящей на ветру рощей, утонувшей в хороводе теней, и зданием отеля начался жуткий неописуемый хаос, среди которого я мог различить страшное рычание чудовищ и искажённый от страданий человеческий голос.

Жалкие сдавленные стоны и вызывания о пощаде — вот что услышал я, когда стих звериный рык. Боль к тому времени ослабла, и я вновь получил своё тело обратно. Распрямившись, я увидел свою поднятую над головой руку — в ней покоился камень, от которого исходило едва заметное флуоресцирующее синеватое свечение.

Моя ладонь была озарена пурпуром. Чудовищ было гораздо больше, чем мне показалось при первом взгляде, перед тем, как... грезить наяву. Их было так много, что невозможно было отыскать взглядом и малейшего клочка земли, где не стояли бы плотными рядами огромные страшные ящеры. Их серо-зелёная кожа блестела в свете фонарей, а над продолговатыми монструозными головами металась и извивалась в воздухе покрытая чешуёй хвосты. Незнакомый человек неумолчно молил о пощаде. Я слышал, как он визжал и стонал, выкрикивая:

— Перестань... прошу, не надо заклинаний!..

Теперь я ясно понимал, что заставляет их всех корчиться от мук и не позволяет сдвинуться с места. Камень, что сиял нездешней синевой в моей руке! Богиня, посетившая меня в видении, открыла мне нужные слова. *П'хнаг н'гаах петра тикоррат*. Я повторил заклинание — и вновь воцарился сущий ад, оглашаемый усилившимся рёвом и рыком ящеров и истошными воплями человека.

Камень мерцал, пульсировал на ладони.

Вдруг в центре чудовищного стада вздрогнуло несколько силуэтов. Эти ужасные твари, по-видимому, испытывали страшную боль, вынуждающую их биться в конвульсиях и слепо осыпать друг друга тяжёлыми ударами своих длинных хвостов. Я вспомнил, что уже видел, как нечто, схожее с их гибкими коническими хвостами, шевелилось между тонкими стволами деревьев в саду в ту ночь, когда я по воле высших сил забрёл во двор Огрехова. Тогда ко мне пришло понимание, что большая чёрная фигура в саду не являлась муляжом.

Ящеры расступились, позволив грязному, скрюченному существу выползти на свет. Оно подняло свою голову, устремив на меня страдальческий взор. В его глазах я увидел тот же страшный янтарный блеск, что и у чудовищ. Вызывающая отвращение бледная маска, в которой я далеко не сразу узнал лицо Огрехова, выражала невыносимые муки. Он протягивал перед собой дрожащую руку и что-то неразборчиво лепетал сквозь окровавленные губы.

8. ФИНАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

По велению моей таинственной покровительницы я с непреложной решимостью прошёл сквозь толпу омерзительных отродий, бесстрастно перешагнул через ничтожное, взирающее на меня с мольбой создание, и осторожно обогнул поваленные ворота.

Ступай, не бойся, моя сила с тобой.

Раздавшийся в голове голос обращался ко мне то ласковым, мелодичным журчанием горного ручья, то гулким и устрашающим рокотом морской волны. Я слушал его и покорно следовал указам. Ящеры пятились и боязливо расступались, когда сияние камня пробивалось сквозь пальцы моей руки. Аура молеха защищала меня!

Когда я взошёл на шоссе, то увидел алое зарево, пульсирующее над руинами старой фермы. Голос приказал идти на знак огня.

Дорога шла под наклоном. Далеко впереди чёрным матовым блюдцем лежало озеро, по обрывистым берегам которого топорщились верхушки сосен. Ноги несли меня вниз по покатому склону, по направлению широко раскинувшегося, погружённого в сумрак тихого водоёма. Высокий ясень, растущий у рухнувшей стены запустелой фермы, пылал, точно огромный факел. Дорога мерцала под всполохами огня. С благоговейным чувством, я крепко

сжимал в руке чудодейственный молех — реликвию Древних Богов.

Через какое-то время я оглянулся. Несколько пар жёлтых огоньков всколыхнулись во мраке, где-то у ворот. Между ними и мной подрагивал воздух, висел занавес из густого едкого дыма. Сохраняя удивительное спокойствие, я продолжил спуск.

Вскоре голос приказал сойти с дороги и повёл меня вниз по травянистому склону, где густо чернели низкие кустарники. На откосах низины я шёл как незрячий, пробираясь сквозь беспросветный хвойный лес. Наконец, прямо передо мной раскинулась необъятная чёрная гладь.

Зловещая тишина царила здесь. Отражающий матовое сияние луны туман медленно скользил над озером. «Как тихо, — подумал я, — и в этом обманчивом гнетущем безмолвии притаилось зло».

В тот же миг прозвучал успокаивающий голос Богини. Она снова призвала меня мужаться.

Короткий тихий всплеск, где-то на расстоянии брошенного камня. Немного погодя он повторился вновь, но отчётливее и ближе, после чего озеро опять окутала глухая тишина. И лес, наступающий со всех сторон на берега, сковало глубокое безмолвие.

Вдруг я заметил, как туманное покрывало, призрачно проплывающее над водным зеркалом, всколыхнулось приблизительно метрах в ста от берега. В том месте туман закрутился вихрем, поредел, и получилась тёмная проплешина. А потом, заставив меня вздрогнуть, раздалось дикое звериное рычание.

Я круто обернулся и увидел пару жёлтых глаз, мелькнувших между стволами сосен. Потом во мраке леса вспыхнуло ещё с десятков таких же. Эти непотребные существа, дегенеративные мезозойские реликты, окружили меня со стороны суши. Я видел их силуэты. Они были уже повсюду.

Послышался тихий шелест мелкой волны, и по воде к берегу побежали круги. Затем тёмный округлый холм, вершина которого была тускло освещена неполной луной, поднялся над сумрачной поверхностью озера.

Молех вибрировал, как если бы некий отдалённый магнит мощно притягивал его, стараясь вырвать из моей руки. И мне пришлось постараться, чтобы не уступить неизвестной силе.

Она, Богиня моря, повелевала — и я покорно исполнял.

Я проделал несколько аккуратных, но размашистых пассивных руками с такой выверенной чёткостью движений, будто владел ими многие годы, используя в магических действиях, к которым, можно было подумать, в своей жизни прибегал множество раз. Входя в странные, резко меняющиеся ритмы и используя дисгармоничные обертоны своего голоса, я произносил слова длинных заклинаний, надиктованных мне Богиней.

Рука моя воздета надо мной — и в ней магический камень Амфитриты. Я невольно затаил дыхание, вздрагивая при каждом тяжёлом ударе своего сердца.

Яркая вспышка света. Оглушающий гром. Молния, ударившая в центр озера. Клёкот и громкое рычание в лесу. Клёкот со стороны озера — протяжный и ужасный. Огромный чудовищный хвост, взметнувшийся над водой, рассёк воздух с пронзительным свистом, точно хлыст исполина.

Шипящие пенистые волны, затопившие берег... громкий всплеск, после которого я обнаружил себя лежащим на мокрой траве.

Тишина, продлившаяся несколько минут, на протяжении которых я пытался подняться на ноги, и вдруг, услышав приближающийся тяжёлый топот, в страхе припал к земле.

Пугающей силы грохот, от которого я подумал, что навсегда утрачу слух. Слепящий исполох. Земля подо мной глухо стонет, будто от боли. Отовсюду доносится шелест травы и быстрые грохочущие шаги, чей звук обрывается у кромки берега. Шум потревоженной воды.

Находясь в эпицентре неопишуемого кошмара, я больше не осмеливался поднять глаза,

чтобы увидеть, как ящеры бросались в озеро, возвращаясь к своему древнему прародителю...

Потом, после непродолжительной серии бледных всполохов, прогремел оглушительный взрыв, от которого, казалось, небо расколосось надвое, выплёскивая потоки сверхъестественных флюидов. Я почувствовал новые разряды тока, короткими волнами бегущие вдоль моего позвоночника, и мгновенно что-то тяжёлое навалилось на меня; создалось впечатление, словно сам воздух приобрёл необычайную плотность, вдавливая и прижимая меня к мягкой мокрой почве. Будто материализованный демон, намеренно не позволяющий мне поднять голову и увидеть нечто сокровенное, не предназначенное для глаз человека, напрочь лишил меня возможности двигаться. Я задышался, точно под тяжестью стопы незримого великана, и вскоре лишился чувств.

9. ПОСВЯЩЕНИЕ

Первое, что я услышал, когда пришёл в себя, был щебет лесных птиц и вкрадчивый шёпот сосен на склонах низины. Я открыл глаза, щурясь от солнечных лучей, и попытался встать. И в следующий миг понял, что не способен пошевелиться. Мои руки и ноги были туго стянуты верёвкой.

Прохладный воздух, казавшийся густым от влажности, был напоён горьковатым ароматом трав. Я приподнял тяжёлую голову, стараясь оглядеться, как вдруг услышал откуда-то позади себя голос Огрехова, искажённый от неудержимой злобы.

— Служитель владычицы морской! Очнулся!

Я не спешил отрицать его слова, поскольку совершенно точно знал, что стал невольным, хоть и временным исполнителем воли Богини моря, у которой множество имён: Марьяна, Гидра, Амфитрита, Церера, Сирена... и не стал переубеждать выродка, который накануне жалким слизняком ползал у моих ног, упрашивая пощадить его, что выступил в роли проводника непостижимой магии.

— Ты ещё на что-то надеешься, Дэйнар? — слабо вымолвил я.

— Ты узнал моё церемониальное имя из записок твоей тётки, не так ли? — злобно прошипел он. — Мы немного ускорили события, чтобы заставить тебя действовать в нужном нам ключе. Дневник, что по счастью, мы обнаружили в доме, должен был подтолкнуть тебя к поискам молеха. Больше от тебя ничего не требовалось.

— Ускорили события? — я дерзко рассмеялся. — И как, вышло?

— Заткнись! — яростно проорал жрец. Эхо от его крика разнеслось по лесу. Мне жутко захотелось посмотреть на реакцию этого злыдня, когда открою ему правду, что молех был со мной в ночь пребывания в его доме. Но что-то удержало меня от этого.

Внезапно его противная физиономия возникла надо мной. Он выглядел так, будто его избили: на лбу и волосах виднелись сгустки запёкшейся крови, нижняя губа была рассечена, на подбородке и правой щеке под глазом легли ровные царапины, точно его полоснули по лицу острыми когтями; одна половина его лица отекала, другая осунулась. Он казался мне не менее безобразным, чем монстры, которые подчинялись его воле.

— Ты скажешь мне, где камень, — крикнул он мне в лицо, — или умрёшь!

— Даже не надейся найти его, — сказал я, глядя в его безумные, налитые кровью глаза. — Богиня вернула то, что испокон веков хранилось в её подводном царстве.

— Где?! — завопил жрец.

— Где-то в сердце Р'лйеха, — огрызнулся я. — Тебе стоит обратиться к «*Стихирам Амфитриты*».

Огрехов схватил меня за шиворот и, сильно встряхнув, ударил о землю. Голову мгновенно прошила острая боль, будто мне в темечко вбили гвоздь, перед глазами вспыхнули искры. И я почувствовал, как меня волокут вниз по береговому откосу к воде. Я был бы рад оттолкнуть мерзавца ногами, но совершенно не находил в себе сил.

Жрец уже вступил в воду, таща меня за собой, готовясь утопить меня или в очередной раз припугнуть, как вдруг раздался дикий вопль, истощенный, наполненный ужасом и болью. Прилагая титанические усилия, я оторвал гудящую после удара голову от земли.

Мерзкий злыдень исчез, словно канул в небытие. Впрочем, мне было не до него...

Если бы меня спросили, на кого похожи боги, я бы ответил, что точно не на людей. Высокий рост, стройный стан, необыкновенной длины руки и ноги, большие глаза, в которых искрится глубокий недоступный смысл и горит неукротимым огнём непоколебимая воля — пожалуй, это единственные черты отдалённого сходства с человеческим обликом. Однако, точно не с человеческим естеством.

Непродолжительное созерцание безупречной неземной красоты и невероятного изящества форм, указывающих на принадлежность чудесного создания к женскому роду со всеми очевидными половыми признаками, сделало меня заложником странного, сладостного, почти гипнотического чувства. При этом я ощутил необъяснимый прилив сил, позволивший мне с лёгкостью распутать верёвки. Хотя, очарованный Богиней, я далеко не сразу принялся освобождать себя от тесных пут.

Несказанная её прелесть ещё долго удерживала меня в плену, не позволяя отвлечь взор от ниспадающих до земли, чёрных, как ночные глыбы океана, волнистых локонов, струящихся по её белым красивым плечам, и от сияющих сапфировых глаз, в глубине которых я самозабвенно утонул, позволив их нежным обольстительным флюидам увлечь меня в неизмеримую пучину первозданных вод.

Итак, однажды пленённый и одарённый правом вечного пребывания в сонме Её преданных, разделивших невыразимое благо глубоководной жизни среди величественных циклопических монолитов, в тайных залах морского царства, в обществе амфибий, ундин и тритонов, я нашёл ту, чьим наследником нарекла меня морская Богиня.

Я узнал в новом, подобном моему и бесчисленного множества других здешних обитателей облике верную служительницу Великой Амфитриты.

Я узнал свою тётю Нору.

.....

ПРИМЕЧАНИЕ

Эти записи были обнаружены летом 2021 года в закупоренной амфоре, прибитой морской волной к берегу посёлка Ф. в Одесской области. Загадочный манускрипт представляет собой свёрток пергаментных листов грубой выделки. Принимая во внимание несомненно древнее происхождение материала, содержание текста, нанесённого на него, вызывает справедливое недоверие. Техника и современный стиль письма также порождают ряд вопросов.

Фото из личной коллекции Тимура Мустафина

Как-то я решил написать рассказ по Мифам Ктулху (при всей моей любви к ним, в моей литературной копилке наличествует лишь один рассказ «по теме»). «Фантастический Калейдоскоп» как раз открыл приём материалов в тематическую антологию, и я просто не мог пройти мимо. Я принимался писать два раза — и каждый раз обрывал рассказ на полуслове. В первом случае сюжет показался мне слишком чужеродным для Мифов, во втором — слишком чужеродным для антологии хоррора. Тогда я начал обдумывать сюжет ещё одного рассказа — который бы полностью соответствовал традициям Мифов Ктулху, их духу и букве.

Мне нужен был конкретный мифообраз, причём практически не развитый в литературных Мифах, и потому я решил задействовать Сзилземни, мать бога-жабы Тсатоггуа. Она не только никогда не была в центре сюжета какого-либо произведения — она и упоминалась-то лишь в паре-тройке из них. История должна была развиваться в наше время и строиться вокруг проникновения тёмного гиперборейского наследия (по воле рока или в ходе свершения заговора тёмных чародеев) в современную реальность, что, в конце-концов, привело бы к возрождению всеми забытой Древней. В общем, рассказ должен был следовать проторённой дорогой Мифов последней четверти XX века, только что без закидывания иномирных божеств бомбами и счастливого конца без намёка на продолжение. Попади такой на препаровальный столик одному вредному индусу, он бы не выделил под его разгром и одного предложения очередной критической статьи.

Увы, я так и не смог придумать, как ввести Сзилземни в этот рассказ, как выстроить сюжет вокруг неё — и только вокруг неё. Как ни пытался я втиснуть эту Древнюю в историю, она упорно выпирала оттуда, отторгалась, точно неуместный трансплантат. Как показал краткий анализ, суть проблемы заключалась отнюдь не в выборе времени действия; разворачиваясь события рассказа во времена расцвета Гипербореи, отброшенная на задворки Мифов богиня продолжала бы быть неуместным и чужеродным элементом.

Хорошо, возможно, если не выходит со Сзилземни, стоит обратиться к другим родственникам Тсатоггуа, столь же редко упоминаемым авторами Мифов? К дядюшке Хзиулквоигмнзаху? К папаше Гизгуту? Или, быть может, к возлюбленному чаду Звилпоггуа? К слову сказать, в последнем случае рассказ вполне мог бы получиться — но был бы очередным (и, откровенно говоря, ненужным) пе-

АНДРЕЙ

БОРОДИН

ИЗОБРАЖАЯ

ЧУДОВИЩ

реложением сюжетов дописанного Дерлетом «*Таящегося у порога*» (1945) и «*Странной рукописи, найденной в лесах Вермонта*» (1988) Картера. В лучшем случае, удалось бы сыграть на территории «*Мести Маниту*» (1979) Мастертона — но какой бы был в этом смысл?

В итоге у этого рассказа даже не появилось толкового синопсиса. А вот у меня появился повод задуматься и записать свои мысли в этом эссе.

Дело в том, что большинство божеств и чудовищ, являющихся неотъемлемой частью Мифов Ктулху, играют в них одну-единственную роль — роль декорации. Конечно, некоторым из них везёт, и иногда авторы берут часть из них на роль массовки. Главные роли достаются лишь единицам; однако лишь часть таких единиц не становится заложниками этой роли, продолжаящими отыгрывать её снова и снова в бесконечных и бессмысленных прочтениях написанного ранее. В своё время Джоши ругал молодое поколение мифотворцев за так называемые «списки божеств», появляющиеся в каждом третьем рассказе как результат следования «дурному примеру» из «*Шепчущего во тьме*» (1931) Лавкрафта (учитывая рассказ самого мэтра «*Они возвращаются*» (1980), в этом поклёпе можно нащупать нечто психотерапевтическое). Безусловно, в большинстве случаев эти громоздкие перечисления показывают лишь несостоятельность автора — однако лишь благодаря им некоторые мифообразы получают возможность напомнить о себе, не сгинув в забвении тех историй, в которых они когда-то были единожды упомянуты.

Собственно, Древних (а также Внешних и Старших Богов), которых действительно можно назвать полноценными действующими лицами литературных Мифов, крайне мало. Рассматривая Мифы Лавкрафта (за вычетом соавторских и дописанных Дерлетом историй), можно прийти к заключению, что появления и проявления в них удостоились лишь Ктулху (если, конечно, в «*Зове Ктулху*» (1928) нам не было показано одно из звёздных отродий), Дагон (если, конечно, в одноимённом рассказе именно он, а не один из глубоководных, обнимал приснопамятную колонну; да и вообще, с конца XX века у мифотворцев пользуется всё меньшей популярностью причисление Дагона к панетону Древних) и Нйарлатотеп. Остальные божества, увы, так и остались декорациями: Йог-Сотот так и не сошёл с небес на Часовой холм, Шаб-Ниггурат так и не вышла из тьмы лесов на звуки обращённых к ней литаний... В «*Сомнамбулическом поиске неведомого Кадата*» (1943) Лавкрафт дал нам взглянуть одним глазком на самого Азатота... но если вспомнить, где именно и при каких именно обстоятельствах это происходит, несложно догадаться, что это появление решительно не стоит ставить в один ряд с означенными выше. Божества Мифов Говарда не могут рассматриваться иначе, как в качестве декораций, невзирая даже на некоторую полупроявленность в «*Богах Бал-Сагота*» (1931). Герои этих Мифов сталкиваются лишь с порождениями иномирных богов, полубогами, если будет угодно; так, в «*Чёрном камне*» (1931) нам демонстрируется именно такой полубог, сильный и прожорливый, однако же, смертный — но никак не сам Гол-Горот! Лишь Смит — слава ему до скончания этого мира! — позволяет каждому из богов полностью проявить себя и свои силы в этом мире (пусть и, чаще всего, в том самом «прошлом, которого никогда не было» и том самом «будущем, которому не суждено случиться»). Тсатоггуа, Уббо-Сатла, Куачил Уттаус — они не декорации и не массовка, они *живые*, они *действуют*!

Во многом следуя поданному Смитом примеру (а то и параллельно ему), многие авторы, входившие в «частный литературный салон» Лавкрафта, начинают активно вводить воплощённых божеств в свои истории: Лонг в «*Ужасе с холмов*» (1931), Дерлет и Шорер в «*Логовище отродья звёзд*» (1932), Каттнер в «*Гидре*» (1939) ... Но как много историй других авторов, в которых действовали бы астральное чудовище Каттнера или ужасный слонобог Лонга, вы можете назвать с ходу? А перерыв справочную литературу и подшивки какого-нибудь выпускавшегося тиражом в тридцать экземпляров зина?

В сущности, чаще других участников этой многоликой и неизрекаемой труппы из Запределья регулярно появляется на сцене в качестве полноценного героя лишь Тсатоггуа — и то, очевидно, из-за своей максимальной приближённости к смертным (а ещё благодаря мастерству того, кто впервые ввёл его в Миф). С того самого момента, как мохнатый бог-

жаба был введён в Миф, он регулярно появляется то тут, то там в различных ипостасях и сюжетных функциях — не успевая при том надоесть читателю. Вестер в *«Воскресении Кзадудл-Ра»* (1987) показывает его с неожиданной, достойной очеловеченного античного бога стороны; Ши в *«Тсатоггуа»* (2008) делает акцент на его всепоглощающей сущности, погительной ненасытности, уничтожившей целые миры; Тэлли в *«Апофеозе клоуна родео»* (2015) придерживается идеи преемственности душ во времени и пространстве, сталкивая оставшегося неизменным (и столь же благородным) со времён Гипербореи Древнего с очередным воплощением его давнего возлюбленного противника — Сатампы Зейроса — в современном мире, развивая и продолжая тем самым историю Амбуэла *«Тень Спящего Бога»* (1998).

Не менее частым исполнителем главных ролей (но не всегда полноценным героем) является Нйарлатотеп во всём многообразии своих воплощений, от свиномордой шерстистой твари из рассказа *«Тёмный демон»* (1936) Блоха до Уилсона Клива из повести *«Морю снится, будто оно — небо»* (2018) Джейкобса. Но частота появлений не гарантирует разнообразия амплуа: это либо очередное кровожадное чудовище, либо строящий заговор против человечества и Старших Богов иномирный гений, либо обыкновенный трикстер. А, сколь бы ни был гениален актёр, исполняющий раз за разом одни и те же роли, он рискует выйти в тираж — рано или поздно.

Ещё более скучны и ограничены роли Ктулху; либо он демонстрирует читателю свою сущность подлинного зверя миров, левиафана, пробуждающегося и разрушающего — либо надевает маску коварного инопланетного интригана, ведущего против Старших Богов армию глубоководных/гончих Тиндалоса/любых других злобных чудовищ. Увы, третьего не дано; и, хотя постмодернисты неоднократно предпринимают попытки преобразить хотя бы две означенные роли, ни к чему действительно хорошему их иронические заигрывания до сих пор не привели (в сущности, после всего, что написал Питер Кэннон, другим авторам можно даже не пытаться привносить в Миф какую-либо иронию).

Что до Хастура, на мой взгляд, все необходимые истории о нём уже написаны Дерлетом, навсегда определившим ему одну-единственную роль. Заложниками одной роли также стали Азатот, Йог-Сотот, Шаб-Ниггурат; впрочем, до сих пор некоторые мифотворцы пытаются осветить их непостижимые фигуры под неожиданными ракурсами.

Даже в настольной ролевой игре *«Зов Ктулху»* 85% божеств остаются на периферии, присутствуя где-то за кадром. Среди всех официально изданных сценариев и кампаний не так уж много тех, в которых игрокам придётся столкнуться лицом к лицу с Ктулху или Тсатоггуа. Пресловутая Сзилземни вовсе присутствует лишь в игровом бестиарии *«Malleus Monstrorum»* (и то в издании 2006 года). Создатели бестиария предполагали, что Древняя может быть задействована в качестве возможного противника в любом из любительских сценариев; мне было бы очень интересно узнать, сколько игр было сыграно по сюжетам, включающим в себя Сзилземни, поскольку среди всех размещённых в сети любительских сценариев мне не попался ни один с таковым. Куда чаще игроки сражаются с культистами Древних Богов, всевозможными богowymi отродьями и чудовищами низшей мифологии — ведь это придаёт большую динамичность сюжету, чёткость и конкретность противнику и, соответственно, повышает вероятность победы человека.

Этот подход — прямое столкновение человека и чудовища — успешно используется и в литературном Мифе. В отличие от богов, чудовища крайне просты в использовании в любом месте, времени и условиях, в которых разворачивается действие истории. Да, изначальная роль любого чудовища Мифов — быть ловцом человека, и либо одержать над ним верх, либо быть поверженным самому; однако, будучи существами низшей мифологии, они обладают необходимой пластичностью образов, позволяющей им изменяться и преобразовываться — в пределах логики мифотворчества — без вреда для себя. И вот глубоководные уже не просто обретаются в подводных цитаделях, участвуя время от времени в противоестественных сношениях с родом человеческим — они проявляют себя как коварные и талантливые стратеги, делают поразительные открытия в науках, в частности, генетике. Гончие Тиндалоса уже не просто преследуют тех, кто путешествует через пространственно-временной конти-

нуум — они строят планы по вторжению на Землю, противоборствуют Йог-Сототу за главенство над временем и даже становятся способны на временные союзы с простыми смертными, если это необходимо. Гули (до сих пор, увы, обзываемые отечественными переводчиками «упырями») всё чаще и чаще становятся своими в доску ребятами с соседнего двора и совершенно приятными, хотя и пожирающими трупы, персонажами. Даже шоггот, казалось бы, наиболее конкретное и примитивное из чудовищ низшей мифологии, способен к эволюционным преобразованиям и обретению превосходящего человеческого разума, как показывает Ши в «Толстолицем» (1987) — или вовсе показывает себя с неожиданной, даже сентиментальной стороны, о чём подробно написано в рассказе Бир «Цветение шогготов» (2008).

Сложение новых Мифов не должно останавливаться — ибо только так Миф способен выжить. Но в каждый новый Миф должен быть заложен принцип развития, а для этого необходимо менять как сознание авторов, так и сознание читателей. Читателю необходимо избавиться от заостенелости своего восприятия и прекратить считать любую эволюционную идею, применённую к тому или иному мифообразу, надругательством над неким воображаемым каноном. К сожалению, набор используемых в Мифах сюжетов ограничен — но именно эволюция мифообразов позволяет использовать каждый из них, не скатываясь в повторы и самоповторы. Многие русскоязычные читатели буквально плюются от цикла Брайана Ламли о Титусе Кроу — между тем, именно этот цикл привнёс немало полезного в Мифы, задействовав неиспользуемые ранее тропы. Заостенелость, неспособность читателей меняться рано или поздно приведёт к тому, что авторы прекратят создавать качественные Мифы, и, что ожидаемо, Мифу суждено будет погибнуть. Хуже этого может быть только то, что каждый новый Миф станет бесконечным повторением одних и тех же сюжетов с одними и теми же противостоящими людям персонажами, буквально вышедшими из 30-40-х годов XX века. Впрочем, всё может закончиться торжеством так называемой современной лавкрафтианы и пост-лавкрафтианы, кои, безусловно, заслуживают доверия в контексте развития химерной прозы, но совершенно точно не способны будут полностью заменить Мифы Ктулху.

Меняться, эволюционировать нужно и писателям — отходя от привычных и таких удобных классических мифообразов... не скатившись при том в пародию. Довольно глубоководных! Избавьте читателя от глубоководных, работающих в банках и участвующих в телешоу! Используйте не менее интересных и харизматичных чудовищ, хотя бы гулей или свинорылов. Дайте Ктулху досмотреть свои невероятные сны; каждое следующее его пробуждение всё равно не будет отличаться от предыдущих. Во вселенной, наполненной тысячами тысяч порождений Азатота, всегда можно найти кого-то ещё на роль вторженца в наш многострадальный мир. Если же вам так и хочется вновь предъявить читателю давно знакомую ему персону, тогда будьте добры потрудиться над гримом, костюмом и антуражем. Надели-те божество иными, не присущими ему ранее свойствами, придайте новый смысл его столкновению с человеком (как сделал это Рэмси Кэмпбелл в трилогии «Третье рождение Даолота» (2016-2018)) — или, пойдя более простым путём, примените методы сравнительной мифологии (как поступил сопоставивший Тсатогуа и Аполлона в своём рассказе «Заложник» (2013) Ник Маматас). Перед русскоязычным автором, избравшим второй из предложенных вариантов, открывается небывалый простор для создания потрясающих мифообразов, опирающихся на родную мифологию. Мастертон в своём цикле «Маниту» успешно сыграл на территории мифов североамериканских индейцев; реши какой-нибудь автор сыграть на территории мифов народов Сибири (каждый второй мифообраз которой можно вписать в космогоническую вязь Мифа), получиться может ничуть не хуже — а, может, и лучше.

Введение в Миф новых богов и чудовищ — неизбежный процесс. В конце концов, без столкновения человека с запредельным — не встречавшимся читателю ранее запредельным — Миф потеряет всю свою прелесть. Случается, что автору проще создать давно известному божеству новую аватару; при этом совсем не обязательно давать в тексте прямые пояснения относительно того, чьей именно аватарой следует считать неизвестное прежде божество. Хороший пример такого подхода — Такшмаэл из рассказ Желязны «Дьявол и танцовщица» (1982). Непосвящённый и неискушённый читатель не заметит в этом пастушьем боге ниче-

го, что указывало бы на его истинное происхождение; пытливый же сразу узнает (естественно, по множеству рассыпанных по истории намёков), что Дилвиш столкнулся лицом к лицу с самим Хастуром — и удостоит автора аплодисментов.

Но куда интереснее (как для автора, так и для читателя), когда новые божества возникают из ничего — как, собственно, и положено любым настоящим трансцендентным сущностям. Увы, создавая своих собственных богов, многие мифотворцы, очевидно, по причине ошибочного понимания теогенетической методологии Мифов, являют в этот мир очередной бессмысленный клубок щупалец, по которому в случайном порядке раскиданы клыки и глаза — или, что ещё хуже, очередного схожего по облику с Ктулху Древнего-бастарда. Конечно, такой путь имеет место быть, но, по возможности, автору следует избегать его. Учитывая происхождение Мифов Ктулху из химерной прозы, применение основного её творческого метода — химеризации — является ключевой задачей при решении проблемы теогенезиса. Возьмите любой образ из мировой мифологии — и химеризуйте его согласно требованиям вашего собственного Мифа до тех пор, пока не получите идеального Древнего Бога, достойного занять центральное место в ваших историях. А можете взять несколько несочетающихся между собой предметов, явлений и личин — и сложить из них самую причудливую химеру, которую не стыдно будет поставить в один ряд с другими членами чудовищного пантеона. И Ктулху, и Тсатоггуа — одни из самых первых явленных в Мифе Древних — самые настоящие химеры! Можно вспомнить и химерический свиноподобный кошмар из рассказа «Свинья» (1947) — один из центральных элементов Мифов Ходжсона, в конце XX века причисленный создателями НРИ «Зов Ктулху» к числу Древних под именем Сайити (и нашедший в связи с этим неожиданные мифологические аллюзии).

Хорошим примером качественной химеризации является М'йитра, Архилорд Тиндалоса. Появившийся изначально в сценарии для «Зова Ктулху» «Дикая охота» (2001), он был создан на основе мифообраза Фенрира и, что немаловажно, сумел избежать пагубного обростания щупальцами. Роль М'йитры в сюжете сценария (да и Мифов в целом) глобальна; изучив детали его образа, можно прийти к заключению, что, пусть и под другим именем, он появлялся в рассказе Смита «Цепь Афоргомона» (1935) — а это уже подводит нас к вопросам грамотного использования метода создания аватар. Рассказ Тони Кэмпбелла «Сфера» (2006) успешно вводит Архилорда на поле литературного Мифа, делая этот мифообраз устойчивым и выдерживающим возможную критику.

Ещё одним хорошим примером служит Цинотоглис, Древний, представленный Лиготти в рассказе «Чудо сновидений» (1986). Основой ему служит химеризованный образ римской богини Клоацины, пропущенный через фильтр Куачила Уттауса из рассказа Смита «Попирающий прах» (1935). В отличие от М'йитры, здесь первично литературный Миф становится частью игрового — и также приобретает устойчивость, обрастая дополнительными характеристиками, свойствами и историей. Параллельно этому происходит развитие мифообраза и в литературе; так, в сущности из пародийного рассказа Льюиса «Этепсед Эгнис» (1989) более чем ясно угадывается своего рода «аватара» Цинотоглис.

Интерес вызывает представленная в работах Фредерика Майера двунаправленная химеризация мифообразов азиатского духа кумихо и упомянутой Смитом в его знаменитой генеалогической схеме Древней Сфатликлл... Брайан Ламли при помощи химеризации грамотно ввёл римского Суммануса в Мифы Ктулху...

Все прочие примеры теогенетической химеризации интересующийся читатель эссе может попробовать отыскать сам.

Итак, как мы видим, создание богов — не только несложное, но и увлекательное занятие. Впрочем, создание сущностей низшей мифологии ничуть не сложнее — и не менее интереснее. Автору однозначно следует избегать создания очередных прислуживающих Ктулху клонов глубоководных; куда привлекательнее будут смотреться чудовища, обитающие вне водной стихии, или даже вне нашего плана бытия. Однако если история вопиет о том, что в ней просто необходимы перемещающиеся толпами антропоморфные твари, ничто не мешает создать таковых — памятуя о том, что в Мифах Ктулху человек может подверг

нуться множеству дегенеративных влияний и, рано или поздно, трансформируется в чудовище, перенеся изменённые гены на своё потомство. По подобному принципу выстроен изначальный образ гибридов глубоководных и людей; также на ум сразу приходят гули и свинорылы. Не стоит забывать о химеризации — низшая мифология народов мира гораздо богаче высшей. Не привлекают классические мифообразы? Обращайтесь к криптозоологии (но помните, что йети и прочие реликтовые гоминиды уже давно прочно ассоциируются с мохнатыми гиперборейскими вурмисами)! В конце концов, если обращаться к чему-то из предложенного нет никакого желания, можно взять любую средней проработанности сверхъестественную тварь из Мифов и доработать её так, как того требует конкретная история; думаю, не стоит напоминать, что классический образ тёмной молодежи появился всего лишь из-за неверного восприятия образа шоггота из «Тетради, найденной в заброшенном доме» (1951) Блоха.

Однако, что есть обличье, если обладающая им сущность остаётся безымянной? Конечно, имена нужны не всегда. Например, если описываемый вами хаотический эйдолон достаточно грандиозен и непостижим, свойства, обличье и деяния будут называть его лучше любого имени (как в знаменательном романе Клайна «Церемонии» (1984)); неназываемыми следует оставить и каких-либо абстрактных, гипотетических сущностей, мельком упомянутых в вашей истории исключительно для создания атмосферы. Но если новорожденная сущность упоминается в каких-либо запретных книгах или имеет свою паству, имя — намекающее на трансцендентность и, что немаловажно, благозвучное — ей просто необходимо. Автору следует ориентироваться на тот мир, в котором сущность получила своё имя, ту эпоху, в которую оно звучало чаще всего, и тот народ, с уст которого оно срывается непосредственно в вашем сюжете. Так, Тсатоггуа был известен гиперборейцам под именем Зотаккуа, французам — Садокуа, североамериканским индейцам — Содогва(й); каждое из этих имён является производным от «основного», каждое из них соответствует миру, эпохе и народу, в каждом из них заложена фонетическая трансцендентность.

Тем, кто хочет подробнее ознакомиться с техниками наречения сущностей, могу порекомендовать по сей день актуальную статью Лина Картера «Создатели миров» (1971).

В XXI веке авторам значительно проще придумывать имена сверхъестественным чудовищам Мифов. В этот процесс могут быть вовлечены генераторы имён и названий, часто используемые ведущими настольных ролевых игр. Чтобы проиллюстрировать эссе наглядным примером, я попробовал сгенерировать в «лавкрафтианском» разделе расположенного на сайте fantasynamgenerators.com генератора десять имён, часть из которых могла бы подойти для наречения Древних. Вот что получилось:

Kaioldil Vh'yletl Cxakluh Kthotla Ghruggde
Ixuigdo Id'evh'loxz Okthaarvorh Ecthaiozh'le Ez'ethri

Имена *Cxakluh* и *Kthotla*, как мне кажется, вполне подойдут для каких-либо сущностей; но вот за конструкцию *Id'evh'loxz* ручаться не могу. Конечно, генераторы упрощают жизнь автору, но не стоит забывать, что лексемы в данном случае составляются по определённому алгоритму путём сложения кусков созданных ранее имён и названий — и, увы, на выходе слишком часто будет получаться нечитаемый набор букв.

Как только результат создания чудовища удовлетворит вас, подумайте, какое место ему надлежит занять в своде Мифов Ктулху. Кто его породил? Кто порождён им? Из какой звёздной системы или измерения оно явилось и как давно пребывает на Земле? Не является ли оно исконным жителем Земли? Где именно оно пребывает? Каков его образ жизни? Как оно влияет на смертных? Кто служит ему — или кому служит оно само? В каких тайных книгах содержится информация о нём? Есть ли необходимость вводить новую тайную книгу, если в уже имеющихся ему нет места? Способен ли человек одержать верх над ним?

Добавьте к этому перечню вопросов свои — ровно в том количестве, которое необходимо для получения целостного мифообраза. И, лишь дав ответы на каждый из них, вводите

нового бога или демона в ваш сюжет. Вводите его в Миф.

Вскоре вам это понравится, и вы уже не сможете остановиться.

Несмотря на всё, о чём я так подробно написал выше, в заключение хочется сказать: пусть чудовища остаются на периферии. «Мистика — это плохо различимые огромные фигуры в тумане на том конце пропасти», — сказал некогда Гершом Шолем. В тенях, в пустотах меж звёзд, в глубинах морей и земных недрах, в тёмных лесах, в засыпанных песком руинах и на страницах древних манускриптов — на том самом конце пропасти — законное место каждого мифического чудовища. Иногда достаточно, чтобы туман чуть-чуть развеялся — и Миф, сложенный о том, что было открыто в этом мимолётном видении, станет одним из лучших в своём роде.

Но если фигуры всё же пересекут пропасть и окажутся на том краю, где находимся мы, то пусть мы не различим в них до тошноты знакомые очертания Ктулху и Хастура, сфер Йог-Сотота и окружённого свитой глубоководных Дагона. Пусть это будут новые химерные боги — или хотя бы неведомые доселе нам отражения старых. Боги и чудовища, благодаря которым Миф будет существовать до тех пор, покуда будет существовать сложивший его смертный род.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «НОВЫЙ КОММОРИОМ» РЕКОМЕНДУЕТ:

НОВОСИБИРСК 2020

«АКОНИТ»

Легендарный электронный альманах, посвящённый химерной прозе во всех её проявлениях. Выпускается с 2018 года.

Все номера доступны для бесплатного скачивания на нашем сайте:

<https://newcommoriom.wordpress.com/zines/>

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «НОВЫЙ КОММОРИОМ» РЕКОМЕНДУЕТ:

А. БОРОДИН, И. БУЗЛОВ «ДОМ МЕДУЗЫ»

Захватывающее приключение об
окультных тайнах и тёмной изнанке искусства.

Книга-игра доступна для бесплатного скачивания на нашем сайте:

https://newcommoriom.wordpress.com/medusas_house/

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «НОВЫЙ КОММОРИОМ» РЕКОМЕНДУЕТ:

А. БОРОДИН «В КРАЮ ЗАПРЕТНЫХ ДИВНЫХ СНОВИДЕНИЙ»

Сборник избранных стихотворений российского писателя,
поэта и переводчика Андрея Бородина.

О способах приобретения читайте подробнее на нашем сайте:

[https://newcommoriom.wordpress.com/in the land of forbidden wondrous_dreams/](https://newcommoriom.wordpress.com/in_the_land_of_forbidden_wondrous_dreams/)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «НОВЫЙ КОММОРИОМ» РЕКОМЕНДУЕТ:

«МИФЫ КТУЛХУ: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Уникальный авторский проект, имеющий своей целью создать наиболее полную русскоязычную энциклопедию элементов Мифов Ктулху.

Сайт проекта:

<https://cthulhumythosencyclopedia.wordpress.com/>

ПАМЯТНИК ИЗНОБИТЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.В. БОРОДИНА

№1
ЗИМА 2022

